

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕИ

В.Т. Чисталёвлы 120 во тыригкежлө

- А. Шебырев.* «Орис сълон олöмыс буретш лэбигас...» 5
*В. Т. Чисталёвлон А. С. Ватамановалы военной
служба вывсянь письмöяс* 9

В.И. Лыткинлы 115 во тыригкежлө

- В. Лыткин.* Кывбуръяс 33
Ю. Демьянова. Илля Вась 38

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Д. Снегирева.* Судьба – не точная наука 48
Ф. Конев. Мужичи 52
А. Попов. Мывкыд Парма 73

Памяти Н. Д. Конакова

- М. Рогачев.* Памяти друга 114
Д. Несанелис, В. Шаратов. «Зырянский мир» в исследованиях
этнографа Н. Д. Конакова 118
Н. Конаков. А. С. Сидоров и его книга «Знахарство,
колдовство и порча у народа коми» 125
И. Ильина, О. Уляшев. «Мясоеды», «лопари», «короткие
кафтаны»... Откуда сам-то будешь? 132
Т. Дронова. Усть-Цилемская горка в эпоху перемен 139
П. Лимеров. Миф о космической охоте и образ Богини-Матери
в дохристианской религиозности народа коми 144

АРТ-ФАКТ

- Л. Быстрова.* «Мечты о прекрасном» Вадима Кононова 160
М. Матвеев. Академический театр в настоящем и будущем.
Интервью с В. Морозовой 179

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ

- Новости* 183
Приложение к журналу CD-диск «2010 – велöдысьлön во.
Виктор Напалков. «Ме тэнö радейта» (*повесьтысь юкөн*)».

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической,
историко-культурологической, художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: *Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»*

Главный редактор — Галина Бутырева
Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 22.11.10. Формат: 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29. Тираж — 1200 экз. Заказ 7579. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована картина В.П. Кононова «Лестница. Рябина» 1987. Х., м. 104×65. В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧздӧтм гижӧдъяс редакция оз рецензируйт и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

ЮБИЛЕИ

120 во тыригкежлө

Вениамин Тимофеевич Чисталёв

(1890 – 1939)

Вениамин Чисталёв – коми йёзлөн радейтана поэт. Лыддьян кывбур-висьтгъ-яссö сылысь да босьтан кывсö сыв вотöс моз, чöсмаян, кылан көрсö. Лэбач шыа, шор визула, ю вына ловсö вөр-валысь сійö овмöдіс гижöдгъясас. Став муслунсö ассьыс. Эз кокни вöв ХХ нэм заводитчигöн панны, сөвмöдны гижан удж, вөрзёдны выль темаяс, лöсьöдны морт ловсö гөгöрвоана висьт. Но унатор вермис и удитіс Тима Вень – сёлöм биыс сёлöн ыпгъяліс яржюгыда... Поэт кужис ышöдны-öзтыны кывнас да вöчöмторгъяснас унаöс: гижис, уджаліс школаын челядькöд, пуктіс пьесаяс, вöлі аслас семьялы и помöсдінсалы лов кыпöдысьöн. Эз вöв сылы олöмас веськодъён нинöм, и тайö петкöдчис гижöдгъясын, лыддьысьысьтö он пöргъав, öд поэзия медводз кылöны сёлöмöн.

Фото Д. Напалкова.

Александр Шебырев

Шебырев Александр Васильевич. Чужис 1960 воын Кулөмдін районса Пожөг сиктын. Армия бөрүн помавліс Сыктыв-карса государственной университет, экономической факультет. 1988 восянь 15 во вöлі журналистикаын («Ленин туйод», бөрүнджык — «Парма гор» газетын). Öнi оло Помöсдiнын, уджалö краеведöн (юрнудö Тима Вень музейöн да школаса краеведческой музейöн). Йöзöдлiс ассыс кывбуръяссö газет-журналъясын, а сiдзжö «Сикöтш», «Мелiлуныс пыдбөстөм и помтöм», «Вечерний звон» да мукöд öтувъя сборникын. А. Шебыревлөн кывбуръяс вылö тэчöма вель уна ссыланкыв.

«Орис сьлөн олöмыс буретш лэбигас...»

– Тима Веньлөн
олöм тшупöдъяс –

Коми литературалөн классик йылысь унатор тöдса, но – абу ставыс. Ми быттö тöдам сылысь гижöдъяссö, туялам олöмсö, но жугыльпырысь гөгөрвоам, мый унатор некор нин ог тöдмалöй да ог гөгөрвоöй. Шулöны, рукописьяс пö оз сотчыны. Сотчöны, да ещö кызд! Сьлöны, вошöны, быттö эз и вöвлыны! Тадз лоис и Чисталёвлөн кутшöмсюрö гижöдъяскöд.

Окота кыв-мöд шуны Чисталёв йылысь не сöмын кызд гижысь йылысь, но и кызд – морт йылысь. Кутшöмөн сiйö вöлі? Мый радейтлiс да мый эз радейтлы? Кызди воис гижöмö? И мыйла сэтшöм Судьба лои?

Тима Вень – ас кадса морт. Вай огö вунöдöй та йылысь. Огö вунöдöй, кутшöм исторической кадö мортыс оліс. Пыр жö тöдчöдам: сьлөн вöлі талант. И сэк жö Тима Вень – «гöрысь», «мырсьысь», кызвынсö шедöдлiс сöмын аслас зильöмөн. Сьöкыдпырысь, но восьлалiс тшупöдъяс вомөн. И та йылысь ачыс унаысь шуліс.

Судьбасьыд он пышйы... И олöм тшупöдъяссьыд – он жö. Кызд выліас шуöма, сiдзи и лоö. А, гашкö, абу прöстö шуöма? Гашкö, мыйкö збыльысь нуöдö?

Медводз – семья йылысь. Тима Вень чужлiс вылыс эжвайывса Помöсдiн сиктын 1890 вося йирым 20 лунö (выль календар кад серти). Семьяын вöлі витöд кагаён. А дас кагаысь ловзисны да верстяммисны көкъямысöн: Анна, Иван, Мария, Надежда, Вениамин, Иона, Вера да Зоя. Тима Веньлөн судьбаын ыджыд пай – батгыслөн, Тимофей Иванович Чисталёвлөн. Буретш тайö мортыс

олөм чөжыс йөткис Веняөс велөдчөм вылө, тшөктис «грамота корсьны», көть ичөтик Веня тшөкыда паныд на сувтлис. Коми гижысылөн батыс вөли эз прөстө «культурной крестьянинөн», кызд өтарө төдчөдлисны водзын. Позьё шуны, – местной «интеллигенция» лыдысь. Төдис грамота. Ас кадө уджавлис вөлөстной писарөн, вөли земской гласнойөн (өния ног – депутат), уездной судса присяжной заседательён, весиг Помөсдинса высшой Начальной Училищеса попечительён. Эз прөстө сылы сетлыны «300 лет дому Романовых» медаль. Но өтитор төдчөдам: Тимофей Иванович ёна майшасис, мый сылы ас кадө эз удайтчы босьтны бур образование. Некөн вөли. Грамотаыд – этша на... Та вөсна ёна көсийис, мед көть челядысь велөдчисны. Тшөтш и – Веня.

Оломас нөшта өти тшупөд – Никон Алексеевич Старовскийкөд аддзысьөм. Роч да коми литература велөдысь Никон Алексеевич (Социалистической уджывывса Герой, академик Владимир Никонович Старовскийлөн батыс) медпервой сямис гызьөдны Тима Веньлысь творческой пытшкөслунсө. Чисталёв сэсся став олөм чөжыс бурөн казтылис Старовскийөс. Öд буретш сы отсөгөн зонкалы лои матыссаөн роч культура, Пушкинлөн, Лермонтовлөн, Кольцовлөн да мукөдлөн гижөдьяс. Кор 1910 воын Никон Алексеевич мөдөдчис мунны Помөсдинысь, сиктсаяс бөрдисны, сэтшөм жаль вөли янсөдчыны.

А Тима Вень, ачыс нин сэк велөдысь, бөрья кывьясын шуис: «...Жугыльпырысь колльөдам ми Тиянөс, пыдди пуктана Никон Алексеевич, миян дона Помөсдинысь. Учительской удж вылын тани Ти служитинныд кызь во... Воинныд татчө, кор миян пиысь унаөн весиг эз на чужны. Тайө каднас Ти крепыда мунинныд өтчыд бөрийөм туйвежөд, и тайө кызь онас сетинныд паськыд Помөсдин вөлөсьтлы төдөмлуньяс. Уна сө зырянской зонка да нывка талун гөгөрвооны роч кыв да литература. Миян народөс радейтөмөн Ти чужтинныд зырянаяслөн сьөлөмын ловья памятник...»

«Менам радейтана Помөсдин...» Став олөм чөжыс Тима Вень бурысь нимөдис да кыпөдис ичөт чужан мусө. Позьё шуны, – вөли ас му нимөдысь колипкайөн («колипкай» кывсө ачыс жө медпервойөн и сюйис коми кывьяс). Радлис ас мунас Помөсдинын велөдчигөн. Бөрдис ас му вөсна (гажтөмысла) Дереваннойын велөдчигөн (сэтшөма гажтөмтчис, мый чужлис мөвп весиг өзтыны школасө). Но сэсся челядь руыс сэк разалис. Веня тшөкыда пондис пыравлыны школаса библиотекаө. Ёна лыддысис, да кадыс өдйө и коли. Помалис Дереваннойса кык тшупөда школа.

Небөгьяс ышөдисны творчество вылө. Артмө сідз, мый Веня «прөбуйтө гыжсө» – гижө роч кыв вылын. Но... нинөм оз артмы. Век жө кывйис – абу ас, сьөкыдджык мөвпавны да вөдитчыны. А вот чужан кывйөн гижны мөвпыс эз на чуж. Сідзкө, водзджык на... И отсөг вылө воысь некод жө абу.

А сэк кадө бать тшөктө Веняөс водзө велөдчыны. Водзө – сідзкө, Тотьмаө, учительской семинарияө. Веньлөн ыджыд көсийөм абу... Збыль. Но бательөн кыв – стрөг. И пиыс мунө... Но нинөм оз путьмы, оз пусьы. А Тима Вень абу жугыль. Гашкө и, неуна рад на. Öни думайтан: а примитисны кө сэк Веняөс, гашкө, Тима Веньсө кызд гижысьөс ми эг и төдлөй. Но Судьбасыд он пышйы. Сийө йөткыштитс Вениаминөс ашшөр «верстьө» олөм вылө. Тима Веньлы удайтчис пырны школаө учительён. Артмис, мый думайтис! Көсийис, көсийис моргыс челядьөс велөдны, вөли нин мыйөн юксьыны.

1908 воын том велодысьёс мөдөдоны Пожөгө. Буретш тани Тима Вень гижё коми кыв вылын ассьыс медводдза уджъяссө – «Быдманторъяс» челядьлы небөг да «Роча-комиа буквар».

1910 воын Вениамин Тимофеевич бөр локтө чужан сиктас, Помөсдинө. Кыпыд лолон уджалө ас школаын. Но 1913 воын районса начальствокөд венө пырөм бөрын ковмис мунны школаыс. Ачыс бөрыннас шулис: «Бойкот объявити». Уджалө Помөсдинын вөлөстнөй писарөн, гижё царскөй министр Пуришкевич ним вылө сиктын Вышшөй начальнөй училище восьтөм кузя шыөдчөм.

1915 во. Чисталёвөс босьтоны империалистическөй война вылө. Делөыс абу сыын, мый война вылө ыстоны. А сыын делөыс, мый Украинаө веськалис. Буретш Киевын Тима Вень мыйлакө заводитө тырвыйö гижны коми кыв вылын. Шөр помкаыс – украинаса вөр-валон мичлуныс. Сы вылө помтөг любуйтчигөн Чисталёв казтылө ассьыс чужанінсө, ассьыс вөр-васө. Мед неуна мөдпөлөсөс, но сэтшөм матыссаөс да сэтшөм донаөс! Бөрынджык казтылис: «И менам сёлөмөй лонис, успокоитчис. И вот ме аддзи ассьым шудөс да талантөс... Восси. Паляли. Быттö ранаыс доймана орыс петис...»

Война бөрын бөр локтө гортас. Артмө сідз, мый лои участвуйтны и гражданскөй войнаын, рөднөй Помөсдинас. А сэсся – мирнөй кад... Пыр йөз пөвстын, пыр челядь пөвстын. 1933 воөдз велөдö школаын челядьöс, нуөдö коми кыв, литература да... лесоводство предметъяс.

Тима Вень быттö мыйкө кылис-төдис... Öти бөрся мөд петöны выль гижөдъяс: висьтъяс, повесьтъяс, кывбуръяс, пьесаяс. Енбия мукөд йөзкөд öтув пукталө концертъяс, спектакльяс, участвуйтө став общественнөй уджас. Быттö төдис, мый нэмыс лоö дженьыд. Быттö төдис, мый лэбигас бордъяссө чегасны. А сиктасаяслы Тима Вень вөлі зэв пыдди пуктана мортөн. Öтарсянь быттö стрөг, а мөдарсянь – рам да шань. И – вежавидзысь. Эз радейтлы кыв песны. Зэв кывкутысь, кужис требуйтны ассяныс и йөзсянь. Татшөмөн и коли йөз паметьын.

Тима Веньлөн ученик Исаяя Нестеров бөрынджык казтывліс: «...Ме локти велөдчыны Помөсдинса ШКМ-ö (крестьянскөй том йөзлөн школаö) 1916 воын. Вениамин Тимофеевич велөдис коми кыв да роч литература. Пыр жö синмө шыбитчис сылөн аслыспөлөслуныс. Торйөн нин – шаньлуныс да пытшкөс шоныдлуныс. Сылы вөлі 36 арөс, меным 17. Мугов рөма чужөма. Быттö неуна гөрбыльтчыштö. Съөд юрсиа, шуйгавывсянь веськыдвылө – пробор. Съөд синкымъяса. Неыджыд ныра. И – увлань лэччысь усъяс. Пыр öкуратнөя шырсьөма, эз радейтлы баябөжысь кузь юрси. Пасьтасьліс прөстөя, кажитчис «мужик кодьөн». Видзөдласыс – ёсь. Некор эз читкырав синъяссө, видзөдис мортлы веськыда. Сөмын кор чуймавліс, синъясыс неуна паськавлісны. Сылөн чужөм да синъяс вылө видзөдигөн позис гөгөрвоны, мый мортыс дугдывтөг думайтө кутшөмкө ас, гуся думъяс йылысь... Тима Вень эз радейтлыв ковтөм сёрнияс. Но радейтліс варовитны, – сөмын серъезнөй морткөд, коді гөгөрвоис сійөс. Йөзыс ёна пыдди пуктісны сійөс, сёрниын эз зільны шмонитны. А аслас велөдчысыс дорö Тима Вень матыстчывліс кызд ёртъяс дорö. Сёрниын пыр төдчөдліс классическөй роч культуралысь коланлунсө, и сэк жö индыліс коми культуралөн төдчанлун вылө. Торъя, аслыспөлөс матыстчөм сылөн вөлі удж дінö да уджалысь морт дінö...»

Бур кывйөн казтывлісны сы йылысь и гижысь ёртъясыс. Илля Вась (Василий Ильич Лыткин) висьтавліс: «Ми сыкөд бур ёртъясөн вөлім. Төдмасим Сык-

тивкарын 1921 воын. Сійо локтис устроитчыны Коми издательствоо, а ме сэн уджалі нин. Но Тима Вень йылысь ме тӧдлі нин 1918 восянь, кор «Зырянская жизнь» газетын петавлісны Помӧсдінын культурно-просветительскоӧй удж йылысь гижӧдъяс. Сэк кадӧ Тима Веньысь бурджыка коми кывсӧ некод эз тӧд. Сійо пыдісянь тӧдіс коми шусьӧгъяс. Коми небӧгъяс вылын уджалігӧн пыр консультируйтчим сыкӧд. Тима Вень пыртис коми литератураӧ уна выль кыв, пример вылӧ, «колипкай», «идӧра», «мӧвп», «мезд» да мукӧдӧс. Сійо сэтшӧма дорйис выль кывъяссӧ, мый ми пыр жӧ суйим найӧс литературной оборотӧ. Мыйта эськӧ вӧчис на морты! Но со тай веськаліс культ личностьлӧн дубина улӧ. Орис сылӧн олӧмыс буретш лэбигас...»

Да, орис. Вениамин Тимофеевич кувсис 1939 вося октябр 13 лунӧ. Дзескыдінын. Мыждісны «буржуазной национализмысь», кыздз уна мукӧд творческоӧй мортӧс. Этша оліс Тима Вень. Но уна удитіс! Семья лӧсьӧдіс. Гӧтырыскӧд, Александра Семёновна Ватамановакӧд, чужтісны да быдтісны куим челядьӧс: Авиаӧс, Музаӧс да Воканӧс. Тима Вень лои коми психологическоӧй проза паньсӧн. «Трипан Вась» висьтлӧн пыдіалуныс ӧні на чуймӧдӧ. А буретш тайӧ висьтсьыс Чисталёвӧс ас кадӧ мыждывлісны-пинявлісны «кулакъяс дор симпатияысь»!

Тима Вень ветліс Сӧветскоӧй писательяслӧн Ставсоюзса съезд вылӧ, кӧн адзысьліс да сёрнитіс Максим Горькийкӧд. Но мортыс пыдісянь гӧгӧрвоис, кутшӧм кадӧ олӧ. Кызди и мукӧдлӧн, юр вемас корсюрӧ визъяліс мӧвп, мый вермасны арестуйтны да мыждыны. И век жӧ помӧдз эз эскы. Надейтчис, мый бокӧ колясны, оз крукыштны. Весиг тюрмаын пукалігӧн эскис. «Прӧщай да видза ов» кывбурын пасйӧ: «Эска, мый нюмдзиштас на Судьбаӧй менам...»

Эз нюмды. Ылӧдіс. Разӧдіс-пазӧдіс. И воши мортыс тайӧ му вывсьыс. Личность. Аслас войтырлӧн пыдди пуктана пи. Но коліс йӧз паметьын. Аслас кывбуръясын, висьтъясын да пьесаясын. И водзӧ, надейтча, коляс.

И медбӧръя. Тюрмаын ӧна нин висьмӧм Тима Вень тшӧкыда казтылӧ... – Пушкин йылысь. Гижысьлӧн нылыс, Муза Вениаминовна, унаысь шуліс: «Вермас лоны, буретш Пушкин «йӧткыштис» менсьым батьӧс творчествоӧ...» Судьбалӧн нӧшта ӧти пас. Рӧдвужӧдз дыр кадӧн воис гижысьлӧн арестанскоӧй дневникыс. Сэн – эпиграф: «Ещё одно, последнее сказанье...» (А. С. Пушкин).

Тима Вень гижӧдъясысь: «Май 10 лун. Пушкинысь: «Литература у нас существует, но критики ещё нет, а нас журналисты бранят, как старушки бранят повес франкмасонов и вольтерьянцев, не имея понятия...»

Май 15 лун.

Пушкинлӧн вӧлӧма няня
Родионовна Арина...
Менам эм сэтшӧм жӧ ань,
Мелі да шань,
Ёгор Михайлӧ Анна.

Август 17 лун. «Здравствуй, дорогая спутница жизни моей – Александра – «подруга юности моей», как говорил бессмертный Пушкин».

Ог кутӧй ӧткодявны ӧтиӧс да мӧдӧс. Но быд нималана морт кольӧ историяын асьыс пас. Коліс и Тима Вень. Ыджыд таланта морт, кодӧс ме шуа «шог синъяса гижысьӧн». Кутам помнитны сійӧс. Тадз тшӧктӧ паметь.

В. Т. Чисталёв да А. С. Ватамановалы военной служба вывсянь письмояс

№№ 31–55

№ 31

13 июня 1916 г.
г. Ярославль.

Аренька! Письмо твоё, написанное 25 Мая (первое изъ Выльгорта), я получалъ уже давно (21 июня), а съ ответомъ собрался вотъ только, но это потому, что ещё наканунѣ этого, т. е. 1го июня, я написалъ тебѣ. Ты пишешь, что соскучилась уже очень, что из-за адреса долго не удавалось писать... Не думаю, чтобы это была правда. Почему же, если это такъ, не получалъ отъ тебя слѣдующихъ писемъ? – Пишешь также, что тоскуешь. – Не вижу я, Аренька, чтобы ты тосковала, грустила обо мнѣ... Тонъ такихъ писемъ выраженія, какія употребляешь въ письмѣ, – говорятъ за то. Просто я вижу ты скучаешь; но это совсѣмъ другое, далёкое отъ сердечной грусти, душевной тоски. Да. Но объ этомъ послѣ.

Я давно собирался писать тебѣ, серьёзно поговорить съ тобой. Прости и не пугайся этихъ словъ, не волнуйся очень, что такой вопросъ поднимаю; – будь спокойна! Во-первыхъ, я долженъ сказать, что я не обвиняю тебя, не ставлю тебѣ въ упрёкъ, не бойся. Скажу сперва о себѣ, чтобы ты не подумала, что всему виною ты, т.е. этого письма. – Нѣтъ, – ...

... тоже; ... Ты не подруга ей?! Я не допускаю себѣ о тебѣ ничего худого, но Елькинъ развѣ думалъ о ней, допускалъ себѣ думать дурное?! И не узналъ бы самъ, можетъ, и ошибся бы, жестоко ошибся.

Но, оставимъ это.

Ещё. Съ тобой я очень мало былъ нѣженъ, ласковъ, заботливъ... Прости. Говорю, прости, потому что виноватъ; а виноватъ тѣмъ, что этихъ чувствъ (качествъ) у меня есть, даже въ избыткѣ. Я не изливаю предъ тобою этихъ чувствъ (заботливости, ни ласки, ни нежности) ни раньше, когда были вмѣстѣ, ни въ письмахъ, и въ этомъ я виноватъ, но не знаю, что мѣшало этимъ чувствамъ. Почему я не могъ быть такимъ. Или твоя безразличность ко мне мѣшала мнѣ или что другое. Я знаю. Вѣдь ты отъ природы такая, и не ставлю это тебѣ въ

* Публикация писемъ подготовлена Л. И. Ефемовой.

В. Т. Чисталёв да А. С. Ватаманова. 1914 во.

вину. Конечно, мнѣ очень бы хотелось, чтобы ты владѣла этими качествами, но что дѣлать, когда ихъ нѣтъ у тебя.

Письмо это покажется тебѣ очень неприятнымъ, но пріятнѣе на этотъ разъ я не могъ написать. Осталось ещё много сказать, но всего не напишешь, да и боюсь я, что и этого не поймёшь – будешь понимать по своему; другое дѣло говорить лично, – въ письмѣ пожалуй запутаешь и хуже будетъ. Итакъ, оставлю этотъ разговоръ, неприятно вчера начатый.

Спрашивать я у тебя ничего не буду, лишь прошу подумать хорошенько надъ этими вопросами (и себѣ тоже) и твёрдо рѣшиться на что-нибудь.

Ну, а пока прощай.

Желаю тебѣ здоровія и силъ. Скоро наступитъ страда для васъ, трудное тяжёлое время. Дай же Бог хорошей погоды и помощи трудящему люду. Что-то ужъ будетъ этимъ лѣтомъ, кончится ли это. О службѣ моей писать нечего, нахожусь въ строю, въ рядах, да, рядовымъ, а товарищи мои офицерами! Одинъ изъ нихъ Ал. Елькинъ въ нашемъ полку, остальные не знаю, не писали ещё.

Да, рядовой! Это меня ничуть не ... Желания мои очень скромны, нѣ очень велики, но желаю я делать другое, чѣмъ другіе. Станный я человекъ...

Твой Вениамин. 14 Іюля

Писала ты мнѣ о новобрачныхъ Порошкиныхъ.

Спасибо за сообщеніе. Но мнѣ не хочется писать о нихъ, не хочется и думать. Не потому, что они мнѣ чужие, и я безучастенъ, а такъ; бракъ ихъ я считаю мальчишескимъ. ... Я совсѣм по-другому смотрю на это дѣло и потому, можетъ, и долго и не могу сдѣлать этого шага. И Бог знаетъ, рѣшусь, но когда на это... Станный я, Аренька, человекъ! Отъ жизни я не много требую – лишь здоровье, свободу. Что награды, повышеніе, богатство, слава – мнѣ не нужны, а насчётъ семейной жизни у меня такое требованіе, – такое, такое! Въ ней я вижу всё счастье, Аренька, весь смыслъ жизни.

Писала ты о братѣ Иване. Какъ его проводила...

Да, жаль... больше домашнихъ жаль, матерей бѣдныхъ... Сколько ихъ осталось? – не перечесть!

Не беспокойтесь, – въ кавалеріи будетъ лучше ему – ...не попадѣтъ на позицію, (по крайнѣй мѣрѣ полгода... а въ пѣхотѣ скоро, очень скоро... А тѣмъ времѣнемъ можетъ многое измѣниться... Коихъ я думаю оставятъ послѣ войны дослуживать, что главное и имелось въ виду при призывѣ (если только война окончится скоро). Дай то Богъ уже. Опять лѣто пришло, пройде́тъ оно грустно ещё; – не вернуться къ страдѣ, какъ надѣялись, многіе. О, грустно, грустно. Вмѣсто косы да граблей ещё винтовкой да саблей придѣтся жаркое лѣто провести. Но ждѣмъ, ждѣмъ. Терпѣливо. Будьте же терпѣливы и тамъ. Ну, прощай! Желаю тебѣ здоровія и всего хорошего. Твой Вениамин. Поклонъ твоимъ домашнимъ. Опускаю письмо только 17е.

№ 32

15 Юня 1916 г.

Милая Аренька! Вчера я написалъ тебѣ письмо (быть может, очень непріятное для тебѣ), а сегодня спѣшу сгладить немного эту непріятность. Говорю, что «непріятное», – между тѣмъ я не нахожу ничего непріятного, только правда. Непр­іятным и неожиданным покажется только благодаря тому, что я давно ужъ, такъ давно не говорилъ въ этомъ духѣ (почти съ первой зимы нашего знакомства). Но не правда ли? – лучше быть откровенными и если кое-что сказать, то лучше «поздно, чѣмъ никогда»...

А теперь буду говорить въ прежнемъ тонѣ.

Сегодня получилъ твоё письмо отъ бго Юня, и спасибо за сообщенныя новости. Читая твоё письмо, я незримо виталъ тамъ у васъ на далёкомъ сѣверѣ, а въ тотъ мигъ именно въ вашемъ Вильгортѣ. Я живо представилъ себѣ ту обстановку, въ какой ты находишься теперь: домъ вашъ, комнату твою и тебя тамъ одну...

Хотя никогда не перестаёшь думать о родинѣ, о родныхъ, о тебѣ, обо всёмъ и обо всѣхъ; но въ эту минуту мнѣ особенно ярко представилась картина прошлого... Августъ мѣсяць 14го года. Какъ впервые я пришёлъ къ тебѣ на домъ, – это было бго Августа... Пріятно вспоминать, какъ сердечно, ласково встрѣтили меня вы съ бывшей Ан. Вас. на дорогѣ у Давпона и затѣмъ какъ мы вдвоёмъ прошли до вашего дома. Это былъ чудесный день – тихій, радостный, и намъ было очень хорошо... Мы были близко къ счастью, къ тому желанному счастью, которого мы давно ищемъ и не находимъ... Да.

Тогда я почти было нашёлъ свой идеаль (объ этомъ идеаль женщины я много тебѣ говорилъ осенью 14го года). Ты была такъ нѣжна, заботлива и ласкова ко мнѣ, на лицѣ твоёмъ свѣтилась и не сходила съ устъ твоихъ улыбка, и радость тихая звучала въ твоёмъ голосѣ (смѣху не было, что мнѣ очень, очень нравилось всё).

Была такъ наивна, невинна и стыдилась немного меня... Къ тому же ты показала мнѣ заботливой хозяйкой...

Да, не могу забыть я того дня. О, если бы всѣ дни такіе были или хотя бы половина, или даже одна четверть всѣхъ тѣхъ дней, которыхъ много уже мы съ тобой провели?! О, – один только да ещё нѣсколко похожихъ было въ Помоздинѣ. Какъ жаль...

Я въ прошломъ письме ещё писал, что «кто любить, тотъ не требуетъ, чтобы и его любили также, а довольствуется тѣмъ, что онъ любитъ». Теперь скажу, что это не совсѣмъ правда, а почему: потому что, во-первых, любви требовать нельзя, разъ ея нѣтъ, во-вторыхъ, для любви нужна взаимность, безъ которой невозможно любящему при ихъ совместной жизни... Но есть любовь другая, которой любовью живутъ, не встречая взаимности, любятъ совсѣмъ по-другому. Но такихъ очень мало и можно сказать. Что это не любовь, а что-то другое совсѣмъ, но которая лучше этой любви. Въ одно время и я былъ такимъ. Я не хотѣлъ ужъ больше писать, говорилъ объ этомъ, т.к. сознавалъ самъ, ни къ чему оно не приведётъ, вопросъ это чѣртъ знаешь какой; не только написать, можешь объяснить на бумагѣ, но и лично не перескажешь, сколько ни говори...

Десятый уже мѣсяць моей службы пошёлъ... Много мыслей въ головѣ побывало, много чувствъ пережило моё слабое сердце, а видишь, я всё тотъ же... Что

же тебѣ сказать? Такъ просишь писать обо всѣмъ. Я бы и хотелъ, да что-то не пишется. Слишкомъ много есть, и отъ этого охота пропадает, т.к. всего не опишешь, и лишь недовольство, горечь какая-то на душѣ. Мнѣ желательно, чтобы ты всё знала, всё, что я думаю, чувствую, страдаю, какъ я живу, какъ живутъ солдаты...

Вотъ опять погнали маршевую роту на позицію! Почти каждый день такъ, вѣзут въ Ярославль очень много войска. Музыка играетъ такъ трогательно, такъ за душу и хватаетъ, сердце рвѣтъ на части...

№ 33

2 Июля 1916 г.

Увѣдомляю тебя, Аренька, что полкъ нашъ изъ этого городка переѣзжаетъ въ другой... Кинешма, Костр. г. находится въ верстахъ 200 отъ Ярославля внизъ по Волгѣ. Пишу это на станц. жел. дор., куда я пришёлъ караулить казѣнные вещи. Многія роты уже уѣхали, наша рота поѣдетъ послѣдней 5го числа. Не знаю, какъ тамъ будетъ, а мнѣ здѣсь уже надоело. Думаю, тамъ будетъ спокойнѣе. На станц. шумно, пыльно, душно и съ болью въ сердцѣ думаю теперь о томъ, что у васъ тамъ дѣлается – идѣтъ мирный трудъ спокойно-спокойно, среди природы и чистого воздуха. Голова болитъ, ноги еле двигаются. Есть хочется, но дрянъ, какого кормятъ, не идѣтъ въ горло.

Ночь спалъ подъ открытымъ небомъ и зябь. Какъ хорошо подъ кустомъ на сѣнокосѣ въ полдень.

Адресъ мой будетъ:

г. Кинешма, Костром, г. 66й пѣх. Зап. полкъ, 7 рота.

Прощай, писать некогда. Прости твоего ВенЧистал.

...а так пиши побольше, не смотри на меня.

№ 34

16 июля 1916 г.

г. Кинешма,

Костром. г.

Здравствуй, милая моя Аренька! Ужъ давно я не писалъ тебѣ, кажется, недѣлю ...Въ послѣдній разъ писалъ предъ выѣздомъ изъ Ярославля въ числахъ 3х июля. Увѣдомляю тебя, что мы ужѣ на новомъ мѣстѣ. Здѣсь съ 6го Июля. Кинешма – уѣздный городъ. Стоитъ на Волгѣ, ниже Ярославля вѣрсть на 200. Городъ богатый, мѣстность живописная: гористая, а по сторонамъ лес, то тутъ, то тамъ сосновая роща, Волга у самого города. Но я не видѣлъ по-настоящему ни города, ни Волги, лишь мелькомъ проходя. Стало ещё строже; и шагу ступить нельзя. Начальство пошло другое и зель лѣкэсь... Занятія стали невыносимыми. Здоровье моѣ совсѣмъ плохое. Не то, чтобы опасно, но из-за усиленныхъ занятій совсѣмъ ослабъ, изнурился; а всё приходится ходить наряду съ другими въ строю; каждый день бываю къ вечеру разбитый, не усталый, а прямо разбитый. Не стѣргѣлъ я, и третьяго дня заявилъ врачу, что строевую службу больше не могу нести; я

сказалъ, что у меня ревматизмъ, и отъ того совсѣм нѣтъ силъ ни въ рукахъ, ни въ ногахъ; меня, говорю, и въ воен. училище не приняли. Онъ послушалъ и говорить, что сдѣлать, говорить, ничего не могу; но я остался увѣренъ, что меня записалъ, и вызовутъ на комиссію; не знаю, что комиссія скажетъ; на освобожденіе не надѣюсь, самое большее зачислятъ въ нестроевые... Ну, будь что будетъ.

Скверно, Аренька, живѣтся, до того скверно, что не знаю, какъ сказать. Главное, не видишь конца. Съ солдатами (Гырисис) обращаются хуже, чѣмъ къ собакамъ. Омелик кӧзяин бурджыка понсэ видзе, чѣмъ таны солдатэс. И ставсэ керены мӧдарен, бӧрэн, велэдэны, мый война вылас оз кол, только мучитэны. И быдэн, быдэн бытѣте йӧймемаэс. Тадзѣтэ он нин побѣдит. И тӧдан, мый понда меным щӧц эз вӧл окота офицерад. Эське щӧц лови, лучше прӧстэй йӧзыскед терпитны, чѣмъ мукедэс дзескедны. Виччисьлы гожем, кыдзи сылас, и думайтлы, надейтчиллы пом воас, но надея бара быри – пом оз тыдал...

И от тебя что-то долго тоже нѣтъ письма. Меня упрекаешь, а сама тѣмъ же отвечаешь. Послѣднее твоё письмо было отъ 21 Іюня, которое уже здесь получилъ. Что же ещё тебѣ писать. Вѣдь надоело поди всё одно: мои жалобы на скверную жизнь, на плохую пищу, на грязь, на тоску свою, на всѣ неудобства.

Живѣмъ въ центрѣ города. Казармы – они вездѣ одинаковые. Думалъ найти лучше, а гораздо всё хуже. Дороговизна, дороже даже, чѣмъ въ Ярославле, ... хоть ещё дороже, для меня безразлично – расходовать нечего. Ну, пока... Желая тебѣ здоровія. Привѣт всѣмъ твоимъ домашнимъ и сѣстрамъ.

Прощай. Твой Вениамин.

№ 35

6 августа 1916 г.

Милая, родная Аренька! Какъ я тебя обидѣлъ, оскорбилъ послѣдними письмами, должно быть... Послѣдніе два-три письма я писалъ такъ раздражѣнно, что теперь стыжусь самого себя. Прости. За послѣдніе дни я получилъ от тебя два письма, – одно отъ 20го, а другое отъ 24го дня. По письмамъ твоимъ сужу, что ещё два письма ты писала, кроме этихъ, но я не получалъ, вероятно, затерялись где-нибудь.

Сегодня 6 августа – день преображенія. Вспоминаю 6 августа 14го года... Какъ далеко оно ушло. Целыхъ два года! Нѣтъ, это не два года, – а целыхъ двадцать летъ. Такъ оно давно было, что и не упомнить уже! Да, время идѣт и событія...

/помыс абу/

№ 36

24 августа 1916 г.

Вологда

Пишу тебе, Аренька, из Вологды. Вотъ откуда пишу!.. Ты, конечно, удивилась бы этому, но удивительного въ этомъ ничего нѣтъ. Дѣло въ томъ, что я прикомандированъ изъ своего полка въ Тотъму. За ранѣнными(?) для принятія и

сопровождения ихъ въ свою часть. Еду, конечно, съ удовольствіемъ, хоть ненадолго забудешь противную казарменную жизнь, тѣм болѣе въ свою родную губернію, въ эту милую, симпатичную Тотьму. Опять увижу я, куда 9 лѣтъ тому назадъ (въ 1907 году) въ это же самое время, стучался въ дверь учитель(ства?), въ семинарію. Но, въ какомъ положеніи ...(По приѣздѣ) туда напишу на бревно?); придётся побыть тамъ съ недѣлку, а затѣм обратно въ Кинешму. Письмо твоё отъ 12 Авг. получилъ. Пишу на пристани, ѣду дальше... хоть увижу родные лица. Ах, кабы домой!

№ 37

31 августа 1916 г.

Вечер, 8 час

Аренька! До чего мнѣ грустно въ эту минуту. Такъ тоскливо, печально на душѣ; сердце такъ и сжимается – просит воли, свободы и света – охъ! Осенний день – тихій, ясный, пожелтѣлые листья на деревьях, закат солнечный – защемило въ груди. Осень, опять осень, а всё то же! Когда же, когда? Когда дождёмся конца этой жизни? Пишу второе письмо отсюда изъ Тотьмы; первое адресоваль ещё въ Вильгортъ, но это уже в Усть-нем посылаю, то письмо недокончено вышло; начиналъ и хотѣлъ было ещё продолжить подъ вечеръ да забылъ, что неокончено, вмѣстѣ с другими письмами такъ и ушло въ торопях...

Посылалъ съ дороги изъ Вологды открытку въ Вильгортъ, – увѣдомилъ тебя о своей поездке. Приѣхали мы сюда 25-е – уже недѣлю здѣсь, ещё не знаю, сколько времени придётся быть – дня три-четыре, думаю, придётся. Какъ жаль, что до дому немножко далеко, а то домой было можно съѣздить, отпустили бы дней на 10, нѣкоторые такъ и сдѣлали – двое Устюжских и одинъ Вятскій уѣхали до 2го сентября – воинскій начальникъ имъ разрешилъ, а мнѣ бы пожалуй какъ дальнѣму ещё больше далъ чисель до 5–7; но что уже дѣлать; до Устьсыольска бы и такъ успелъ, но что одними-двумя днями сдѣлаешь; да денегъ ни гроша – гдѣ ужъ. А из полка и думать нечего – отпускают только на 10 дней... Уж лучше подождёмъ конца.

/помыс абу/

№ 38

14 сентября 1916 г.

Аренька! Письма твои отъ 18 и 24 августа получилъ, а сегодня получилъ отъ 4 сентября – спасибо. Живу я всё «по-старому». Изъ Тотьмы вернулся 4го числа. Прости, что долго не писалъ; но писалъ изъ Тотьмы – получила ли? Въ Усть-нем это уже третье письмо, кажется, да что толку. Ничего не могу тебѣ сообщить хорошаго – тем болѣе обрадовать – скверная, ужасная жизнь въ конец доведётъ. – Писать толкомъ, – хорошо, красиво я ужъ не могу, прости.

Осень – сыро, грязно, холодно – беда солдатамъ, въ казармахъ шум, гам, грязь, пыль, вши и блохи не дают на минутку покою; грубость солдатъ, оскорбленія от начальника – это ужасно! И такъ уже цѣлый годъ тянется – годъ, похожій на

долгих десять летъ. Сегодня ровно годъ исполняется – въ этотъ день я выгхалъ изъ дому. Утромъ и днёмъ было очень грустно, такая тоска, писалъ домашнимъ письмомъ и плакалъ, плакалъ, какъ малѣнькій... И цѣлый годъ такъ – въ постоянной тревоге и всякихъ лишенихъ, и до чего довело, что даже и позиція теперь не страшитъ. Не знаю, что будет. Дѣло въ томъ, что всѣхъ, находящихся въ запасныхъ полкахъ низшихъ чиновъ болѣе 9 мѣсяцевъ – отправить на фронтъ. Какъ это узналъ, даже обрадовался – до того измучила эта постоянная тревога, неприятности все... обрадовался тому, что тамъ скорѣе въ которую-нибудь сторону рѣшится – или ранятъ или же убьютъ, а послѣ смерти ужъ ничего не будешь чувствовать; ранятъ же – наконецъ – хоть найдѣшь покой и миръ.

Вотъ до чего довела эта жизнь, вотъ какія мысли приходятъ въ голову... Пока неизвестно ещё, когда приведутъ во исполненіе этотъ приказъ, но это правда.

Сегодня годовщина моей военной службы – печальная годовщина – вся она изъ горя безысходного, печали, тоски бесконечной, слёзъ.

Когда же желанный конецъ будетъ? Когда – о, боже? Ждалъ въ Июле, въ Августе и теперь жду, но ничего не видно, не слышно речей о мире, ничто не радуетъ, а всё хуже и хуже становится, теряется терпение.

/помыс абу/

№ 39

16 сентября

Письмо это третьего дня не успѣлъ послать, так как назначили на полковую кухню дежурить съ 7 час вечера. Вернулся оттуда только вчера вечеромъ въ 8м часу: страшно усталъ за сутки, всё на ногах и безъ сна. Измученъ, истерзанъ весь, – хочется отдыха, страстно хочу покоя, тишины, чтобы никто не видѣлъ, не слышалъ. Въ тепло хочется, ласки, слёзы просятся, жаловаться на свою горькую долю, и если бы хотя одно слово промолвилъ близкій человекъ, участливо спросилъ, такъ бы и разрыдался. Такъ усталъ, что лёгъ бы и не всталъ никогда. Отдыха, покоя, тишины, тепла, пищи хорошей и ласки, участія жажду... Больше ничего не могу сообщить тебѣ. Прощай.

Ужасъ один, смѣртью вѣет кругом.

А тамъ далеко дома слёзы бесконечные жёнъ, матерей, дѣтей и сестёръ. Что будетъ, что? – Со многими уже случилось, у многихъ рѣшилась участь, но меня что ждѣтъ? Вѣдь каждый думаетъ о себѣ, так и я научился, а всё остальное для меня ничто...

Что я могу тебѣ писать, чѣмъ обрадовать, утѣшить, скажи чѣмъ? О чѣмъ болтать въ письмѣ, нѣтъ, не могу. Одно желаю только – покоя. Измученъ, истерзанъ тѣломъ и душой, нѣтъ мыслей, ни чувствъ, ни желаній... Прости, кончаю. Желаю тебѣ здоровья. Живи как-нибудь – совѣтую больше работать – такъ легче жить, право...

Прощай. Твой Вениамин.

№ 40

Сентябрь, 23. 1916 г.
На Волге.

Добрый вечеръ, милая Аренъка! Пишу это на пароходѣ, ѣду изъ Костромы обратно въ Кинешму; ѣздилъ двое суток, взадъ-впередъ, – сопровождать одного пересыльного солдата изъ Кинешмы въ Кострому. Значитъ, я опять былъ въ командировкѣ, но на этотъ разъ, видишь, очень недолго, ты писала какъ-то, да и самъ я признавалъ нѣкоторую пріятность такихъ поѣздокъ; да если бы не «это», да не «то», да ещё другое – то, пожалуй, можно сказать пріятностью, но – (этихъ «но» очень много и они портятъ всё.) Много распространяться не буду – всё равно ни къ чему не приду. Хорошо ѣздить въ теплѣ, въ чистотѣ, но скверно голодными, грязными; и въ холодѣ; пріятно отправиться туда, гдѣ ждѣтъ тебя уютъ, гостепрѣимство, близкій душѣ человѣкъ, участіе, ласка... Эхъ, когда же я приду къ той «пристани», къ тому отдыху, когда кончатся эти солдатские дни?.. Не дожидаться, должно быть. Кстати, напишу то, что было три дня тому назадъ. Я писалъ тебѣ, что вышелъ приказъ отправить на фронтъ всѣхъ кадровыхъ (обучающихъ) нижнихъ чиновъ. Такъ и случилось, но меня Богъ помиловалъ ещё, остался на сей разъ, но ненадолго уже...

/помыс абу/

№ 41

29 Октября 1916 г.
г. Кинешма

Здравствуй, милая Аренъка!

Привѣтъ тебѣ и пожеланія всего добраго прими отъ меня...

Прости, что такъ долго не писалъ, да и отъ тебя что-то рѣдко идутъ письма; за всё время пребыванія въ Москвѣ (съ 4 Октября) и по сіе время, т.е. за цѣлый мѣсяцъ, отъ тебя пришло только одно письмецо (карточка съ поздравленіемъ именинъ).

Винить, конечно, мнѣ тебя стыдно, такъ какъ самъ рѣдко пишу, да, можетъ, ты писала, да не дошло – вѣдь случаются часто пропажи писемъ. Изъ Москвы я писалъ только разъ на открытке. Прости за невниманіе; вообще, за послѣднѣе время очень я мало сталъ писать кому бы то ни было, кромѣ своихъ домашнихъ. А знаешь, почему? Объяснилъ бы, да нѣтъ времени на это, да и неохота что-то. Повѣрь, Аренъка, моему состоянію души! Нѣтъ настроенія писать вообще – вотъ и всё. Не могу какъ-то сосредоточиться ни на чёмъ. Знаешь, жизнь такая: всё въ человѣкѣ убиваетъ, всё – что было въ нёмъ; войди въ моё положеніе...

Всё опостыло, всё надоѣло до боли въ сердце, одно желаю – отдыха, свободы, покоя.

Прости, письмо кончаю. Опять я въ Кинешмѣ, опять въ казармѣ, новаго ничего у меня нѣтъ, разве про другихъ написать; отъ многихъ получаю писемъ (всѣ солдатскіе), но писать? Что писать? О, господи! Да всё это ужасно надоѣло объ одномъ и томъ же: о страданіяхъ, о тоскѣ, (мукѣ?) настоящей жизни... Нѣтъ, прости. И сама если не хочешь, не пиши, не принуждай себя. Прощай!

Другъ твой Вениамин.

Бывають, конечно, минуты, когда страшно хочется писать кому-нибудь, но проходит недосужное время, и опять не хочется.

№ 42

Аренька, – голубка моя!

Что жъ ты молчишь? Что не слышно отъ тебя ничего – словно умерла? – Ни привѣта, ни упрѣка, какъ будто ужъ нѣтъ тебя... Не пишешь, молчишь. Что съ тобой? – Жива ли, здорова ли? Иль намеренно молчишь? – Рассердилась? За что?? Не знаю, что и думать. Или я рѣдко пишу, да потому? Или скучны, печальны мои письма? Цѣлыхъ два месяца прошло, какъ о тебѣ ничего не знаю. Какъ живѣшь, какъ здоровье и самочувствіе твоё. Я рѣдко пишу тебѣ, скверно, иногда раздражительно, скучно-нудно бываетъ читать мои письма. Но подумай, вспомни положеніе несчастного солдата, пожалѣй его, прости, не осуждай. Забудь домашнюю обстановку, забудь былое положеніе его, забудь свободу его – представь его въ другомъ положеніи, въ положеніи солдата. Ох, Ара-Аренька, если бы ты всё знала, всё видѣла. Что за жизнь здѣсь, что за ад – мученье... Говорятъ, человекъ привыкаетъ ко всему, приспосабливается ко всякому положенію. Можетъ, и ты так думаешь. Но нѣтъ, ай, нѣтъ и нѣтъ. Можетъ, къ чѣму-нибудь другому, къ чѣму угодно, но къ этому положенію (къ положенію солдатскому) никогда. Напротивъ – чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелее, тѣмъ глубже скорбь, тѣмъ печаль неутешительнѣе, тоска беспросветнѣе, а обстановка и всё внѣшнее, – противнѣй и противнѣй. Одно ужъ и только думаешь, одно и твердишь: когда же конецъ, чѣрт возьми?! Терпѣніе потеряешь, здравый рассудокъ пропадаетъ, мыслить перестаёшь, становишься нервный, золъ, сердитъ, къ другимъ требователенъ, а между тѣмъ сам становишься (?), мнителен, лѣнивъ, то и дѣло сваливаешь на других... Такъ вотъ какими дѣлаетъ людей эта жизнь! Ой, если бъ когда конецъ?! – Какое счастье, какое блаженство! Считаешь это за какое-то несбыточное, никогда неисполнившееся чудо – это рай, это завершеніе всѣхъ желаній... – больше, выше этого счастья ничего не можетъ быть на свѣтѣ. Я и представить себѣ не могу, при всей своей фантазії, что было бы со мной, если бъ это (т.е. освобожденіе из этой ужасной жизни) произошло когда-нибудь? Казалось, сердце не выдержало бы, разорвалось отъ счастья и радости.

Да, Аренька, сэцэм міян ѳны олэмным. Ог тѳд, корке мынлылам огей нин, и кыдзи мынам – ловьен-э, дзоньвидзяэн, или... (тѳдан, кыдзь еще вэрман мынны?) – Страшнэ думыштны кулэм йылысь, смерт йылысь. Окота на олны, олыштны кѳтъ дзѣляника вѳльнэй свѳт вылас. А смерт ид вед абу и ылын – юр вылттыд лѣбалэ, смерта-ловъя костас олан дыр ѳны, талун эм – аски абу. Мэ унаысь нин гижлы, что мѳдэдны міянэс кѳсьены сэтче тыш вылэ и, тыдалэ, ыстасны же мед бѳрти. Кор, огэ на тѳдэ. Но лове мунны. Мый эське, тѳдан ке, ловьен колян – кѳнкэ, важен нин муным, кымын тая олэм ола, тая позорсѳ терпитэмись...

Он эд и висьми кѳтъ нин ѳнджыка – абу нин эське страк нинэмысь – кулэмысь кындзя – гашке, сэки мынлан недыр кежлэ. Вотъ Іона захвораль и лежитъ уже третій мѣсяць. Тебѣ, навѣрно, онъ писалъ. Захвораль онъ ещё въ (Августѣ?), сперва лежалъ тамъ, а теперъ въ числахъ 20х Октябрия эвакуированъ въ

Россию (в Кубанскую область у Азовского моря). Адресь его, тебѣ если писалъ – извѣстен, но на всякій случай я сообщаю /станция Приморско-Ахтарская Кубанской области, лазаретъ № 78-й Всерос. Зем. Союза/ Но не знаю, застанетъ ли уже его тамъ твоё письмо. Черезъ мѣсяць онъ надѣется поправиться окончательно. Думаетъ съѣздить до Москвы и меня, навѣрно, если здѣсь ещё буду, навѣститъ. Наконецъ, бѣдняга послѣ двухъ лѣтъ увидитъ хоть людей. Кто бы подумалъ, что столько придётся быть на военной службѣ, так долго продлится война, – да.

Ну, прощай, пока! Дай Богъ тебѣ здоровья. Пиши, как живёшь. Я здоровъ, здоровъ настолько, чтобъ не умереть. Прости, что так плохо писал, – писал на нарах.

Прощай! Твой Вениамин. 8 ноября 1916 г.

Мне бѣ такъ много, обо всёмъ почти хотѣлось писать, побесѣдовать по душамъ, но ничего не вышло, – одна лишь горечь вылилась. Такова теперь моя жизнь, моё душевное настроеніе. Прости же!

№ 43

16 Декабря 1916 г.

Милая Аренъка!

Наконецъ-то ты заговорила, получилъ твоё письмо, писанное мѣсяць тому назадъ (17 Ноября).

Всё ещё жива, здорова, оказывается, а я ужъ Богъ знаетъ чего думалъ – цѣлыхъ три месяца вѣдь отдѣляло насъ. Такъ всё ещё въ Устьнеме ты, всё за тѣмъ же дѣломъ находишься – за станкомъ своимъ; но что же это значило, твоё такое долгое молчаніе? Ты пишешь, что у тебя теперь была какая-то особенная жизнь; – Что же это, Аренъка, что это значитъ «особенная»? – Не понимаю. Только думаю и заключаю, что благодаря этой особенной жизни ты и забывала меня на цѣлые мѣсяцы. Скажи, правда? И то, что за жизнь у тебя была, т.е. ты хотѣла сказать жизнь-то та же, но настроеніе другое, – да? – А какое же, опять я спрошу тебя? Прости, что я такой любопытный. Но если у тебя ещё осталась хотя одна капелька чувства ко мнѣ (хоть какая), то скажи. Уже ли четыре года нашей жизни ничего въ тебѣ не оставили?! Уже ли мы не сказавшись, не объяснившись, въ чёмъ загадка жизни, такъ и разойдёмся – не понявши другъ друга? Нѣтъ, такъ нельзя, по крайнѣй мѣрѣ я такъ думаю; для меня не всё ещё конечно, не рѣшено много – быть или не быть намъ.

Хотя времени уже порядочно прошло, много ужъ воды утекло съ «того дня», но я ещё и ещё предоставляю времени, авось да оно скажетъ, а вѣдь время, говорятъ, лучший судья. Такъ ли, Ара, моя дорогая и любимая когда-то дѣвочка? А правду ли я говорю, называя тебя дорогой, любимой? Я самъ не знаю. И ты сама какъ думаешь, называя меня дорогимъ, милымъ? Мы ничего не знаемъ – оба, ничего не понимаемъ въ этомъ, потому что не знаемъ другихъ, кромѣ самихъ насъ, меня и тебя: я тебя, а ты меня, не знаемъ. Какъ бы мы себя чувствовали, если бы знали: я другую, а ты другого. Я говорю про себя, что не знаю и про тебя думаю, что и ты такъ же до сихъ поръ не знала, не имѣла близко къ

себѣ кромѣ меня. Вотъ вопросъ, вотъ загадка, которую мы до сихъ поръ не могли рѣшить. И Богъ знаетъ, придѣмъ ли мы когда къ чему-нибудь. Ты, можетъ быть, думаешь, что я не серьёзно говорю? Оставь. Это для меня не шутка, не простое любопытство – я хочу знать, что у насъ съ тобой и что бы было. Если бы...

Говоря это, имѣю въ виду не одного себя, но и тебя так же, столько же, сколько себя... Но сколько ни говори, сколько ни пиши – всё равно не скажешь и сотою части того, что думаешь... всё равно ни къ чему не придѣмъ. Итакъ, я оставляю это, поговоримъ о чёмъ-нибудь другомъ.

Вотъ приближаются праздники – Святки – Рождество – Новый годъ. Опять зима, Рождество, ещё годъ прошёлъ – ужасный, тяжёлый годъ... Новый годъ идѣтъ, но всё старо, всё то же. Святки, Новый годъ... При этихъ словахъ, при воспоминаніи о быломъ, о прежней, радостной, счастливой, мирной жизни – развѣ можно быть спокойнымъ, развѣ въ силахъ забыть... Бурю чувствъ, переживаній прошлого вызываютъ эти слова. Да, Новый годъ!

И тебя я привѣтствую съ грядущими новыми временами, съ наступающимъ Новымъ годомъ, желая тебѣ всего доброго отъ души. Гдѣ-то, какъ-то ужъ мнѣ придется быть и провести Святки сей поры? Въ прошломъ году, – да ты знаешь – я лежалъ больной въ лазаретѣ, что вспоминать, я писалъ тебѣ тогда. Да, я лежалъ, бѣдный солдатъ, проводилъ тускло, уныло праздники среди такихъ же несчастныхъ, печальныхъ солдатъ, а ты, ты была въ Помоздинѣ, проводила весело время. И сей годъ, навѣрно, тоже гдѣ-нибудь будешь:

.....

не читай, прости.

Писать больше не хочется, да и такъ я измучилъ тебя сегодня. Прости, но что же, разъ такъ есть, что правда, то правда.

Живу я всё по-прежнему – уныло и тоскливо, однообразно – тяжело живѣтся – холодно, грязно, противно живѣтся... Объ этомъ ужъ такъ много говорилось... Ну, прощай, прости, я прошу тебя об этомъ. Нового ничего сообщить не могъ. Про Юну брата уже знаешь – былъ болѣнъ и ѣдетъ домой отдохнуть. Про Москву ты спрашивала – я же писалъ тебѣ, – ни Кузиванова, ни Никитину я не видѣлъ, не знаю и про Ватаманову Анастас.; ѣздилъ я туда по дѣламъ. Живу – изо дня въ день одно и то же – встаёшь темно, ложишься темно, такова жизнь.

Прощай, до слѣдующаго разу.

Твой Вениамин.

Спасибо большое тебѣ, Аренька, за поздравленіе съ Рождествомъ и Новымъ годомъ. Я тебя уже поздравлялъ изъ Москвы, потому больше не буду. Тебѣ уже известно, что я былъ въ Москве; прости, что мало писалъ; теперь опять въ Кинешмѣ, опять въ казармѣ; – ох, какъ скучно, Аренька, какъ грустно, печально на сердце; тоска, тоска... Боже, когда же конецъ будетъ этой жизни?! Идѣтъ Новый годъ, но почему же такъ тяжело на душѣ? – Почему нѣтъ ожиданій.

Нѣтъ радости! Всѣ это такъ уже давно идѣтъ, такъ долго вѣрили, ждали, что въ концѣ концовъ извѣрились во всѣмъ; а прошлое кажется такъ давно, что похоже на сонъ, на пріятный радостный сонъ, который уже не повторится, можетъ, никогда. Тяжело и грустно.

На твоѣ письмо подробно пока не могу отвѣтить, спѣшу лишь увѣдомить объ этомъ и ещё о томъ, что я ещё живъ и не забылъ тебя. Въ Москвѣ время провёлъ я очень пріятно въ сравненіи съ казарменной жизнью. Жилъ я у Алѣши Поп., также у Ив. Сем. Поп., раза два ночевалъ, видѣлся со многими зырянами: М.А. Шах., П.А. Анисимовъ, В.П. Успасск., ювиштым курыд и быдтор, волым и Мар. Христоф. ордэ – сэны адзилы еще Нэмдынса нылэс Клавд. Григор., олы ме Мёскуваин өкмыс лун, но локты татче да еще шог лови. Зэл шог и деливö.

Но, прощай пока. Жел. Тебѣ здоровія и всего добр. въ Нов. году. Иона теперь дома, навѣрно, знаешь. Прощай. Твой Вениамин.

29 Декабря 1916 г. г. Кинешма

№ 45

25 Января 1917 г.

Здравствуй, Ара!

Прости, милая, что такъ долго не писалъ тебѣ, почти мѣсяцъ (въ последний разъ я писалъ тебѣ въ концѣ Декабря по возвращеніи изъ Москвы). А отъ тебя тоже что-то долго нѣтъ письма, не помню, когда ужъ получалъ. Но ничего, я прощаю и ты меня прости.

Охъ, Аренька, какъ тяжело, какъ скорбно на сердцѣ, какъ печальна и горестна наша жизнь... Сколько горя, слезъ прольётся на жизненномъ пути человека... Знаешь, какое горе постигло нашъ домъ, нашу семью. – Какая ... утрата для насъ – о, Господи! Ты знаешь уже и гораздо раньше меня узнала о томъ, чѣмъ я – я узналъ только эту вѣсть 6 января, почти черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ случилось. Да случилось, свершилось большое, великое горе для меня и для всей нашей семьи – не стало больше дорогого, незабвенного родителя. Закатилось солнце нашей семьи...

О, Боже, Боже! Что же такое... Господи! Ужели это правда, что нѣтъ больше дорогого, золотого, никогда незабвенного моего отца?

Ужели я никогда больше не увижу его дорогое, милое лицо, не обниму его сѣдой головы, не омою его грудь слезами своими? О, Господи, Боже!

Я не вѣрю, не хочу вѣрить, что всё это правда, что нѣтъ больше, нѣтъ... нѣтъ родителя моего... Для кого же я буду жить, кого радовать послѣ этого, кого покоить, лелеять – О, Боже!

Мнѣ думается, мнѣ кажется, всё это сонъ и всё, что есть во снѣ, случилось, – всё не могу очнуться отъ горя. Да, да.

Но вотъ уже два месяца, какъ не вижу его руки на письмахъ, не (слышу?) его ласковыхъ заботливыхъ словъ.

Уже три нѣдели прошло какъ...

Но не вѣрю, не вѣрю.. Сердце моё давно уже чуяло, давно болѣла душа; много слезъ ужъ успѣлъ пролить за этотъ мѣсяцъ и раньше до этого – да... Но не могу, не могу мириться съ тѣмъ, что случилось.

И живу я такъ, не зная что сталося и что будетъ. Богъ одинъ – велика его Милость и Воля его Святая, храни же меня, если угодно Тебѣ, Господи, всё упование моё въ Тебѣ.

И надъ тѣмъ, что случилось, Твоя Воля, Великій. Боже! Вѣчная память и вечный покой тебѣ, дорогой родитель!

Но всему бываетъ конецъ! Вѣдь правда это? И растенію, и животному, и птицѣ, и всѣму.

Такъ же и человекѣ. Всѣ мы умрёмъ, всѣ... да – умрём, не станеть насъ, рано ли поздно, но всѣ должны умереть, потому что міръ такъ устроенъ.

Такъ говорю я, такъ всѣ говорятъ послѣ того, когда уже потеряно то, что было, то, надъ чѣмъ плакали, рыдали, послѣ того, когда ужъ всё выплакали, исстрадали въ душѣ, когда ужъ больше ничего не осталось. Говорятъ, что слёзы утѣшаютъ человека, утѣшаютъ скорбь... Не знаю, правда ли это, но я по себѣ... сужу и говорю тоже – слёзы действительно утѣшаютъ, т.е. послѣ того, какъ выплачешъ всѣ слёзы и всю скорбь въ нихъ выльешъ, то послѣ этого больше ничего не останется. Нѣтъ больше слёзъ тогда до тѣхъ поръ, пока опять они не наберутся и не прольются въ другую минуту... Такъ со всѣми, такъ и со мной. Сегодня какъ проплакалъ, больше не осталось, а что завтра и дальше опять также, и опять слёзы же утешать тебя... да.

Какъ ни горюй, а что случилось, того уже не вернёшь никогда, – никогда...

А жить нужно, жить должны мы, потому что созданы для жизни, жить до тѣхъ поръ, пока она не кончится, таковъ законъ природы.

И буду я дальше писать, буду о жизни говорить, говорить о томъ, что есть.

Пишу это я всё ещё со старого мѣста своей службы, изъ Кинешмы, живу я пока, т.е. служу, по-прежнему въ своёмъ полку, только изъ роты перевѣлся въ команду по подготовкѣ въ школу прапорщиковъ неделю два тому назадъ; но скоро меня не будетъ здѣсь больше, – отправляюсь я опять учиться въ офицеры; на этотъ разъ въ Москву, въ Алексеевское военное училище.

Еду и думаю переменить своё служебное положеніе не по какому-либо самолюбію или тщеславію (нѣтъ, ты вѣдь знаешь отъ), но видишь, какъ изменились обстоятельства домашнія; хочу улучшить не только своё положеніе, сколько положеніе своихъ оставшихся родныхъ матери и сестёръ.

Что же ихъ ждётъ? Если меня не будетъ, или я лишусь на войнѣ трудоспособности, – вѣдь послѣ смерти солдата не столько будутъ давать пособія на прокормленіе, сколько по смерти офицера; вѣдь ничего не знаешь. А нужно всегда быть готовымъ; а братья вѣдь неизвестно, будутъ ли они живы, такъ же, какъ и я. И такъ, я рѣшилъ, если примутъ только, переменить своё положеніе. Послѣзавтра (27е) я уже уѣзжаю отсюда.

Пишу это, чтобы ты знала объ этомъ. А пока прощай. Твой Веня.

Слѣдующее письмо напишу уже изъ Москвы.

Писемъ изъ дому... Не знаю, какъ и что теперь делается, Иона писалъ 23 Декабря, и послѣ отъ него ещё не было. Теперь, навѣрно, его ужъ нѣтъ дома, т.к. писалъ, что выѣзжаетъ 13 января. Были письма только отъ ребятъ, бывшихъ моихъ учениковъ.

Почему не пишу, или боятся... давно... уже знаю.

Съѣздить домой.... Что же я поѣду? Да и зачѣмъ теперь. Когда уже всё кончено. Вѣдь сколько теперь станетъ дорога. Откуда я возьму?

№ 46

Г.Кіев

10 Февраля 1917 г.

Здравствуй, Александра!

Шлю свой привѣтъ изъ Кіева. Поздравляю тебя съ масленицей, хотя надѣюсь не поспеть уже – всего осталось два дня.

Да, масленица гдѣ-то, кому-то, но не намъ...

Сижу въ четырёхъ стѣнахъ. Должен тебѣ сказать, что я нахожусь въ военномъ училищѣ, уже пятый день какъ поступилъ. Жизнь скверная. Здоровіе плохое, несмотря на то, что и пища хорошая и помѣщенія отличныя – настоящій дворецъ.

Не знаю, что будетъ дальше. Изъ Москвы я отъ 3 Февраля. Здѣсь не знаю, сколько побуду.

Писать совсѣмъ было не хотелось уже, но тоска такая. Знаешь, почему не хотелось и совсѣмъ было.

Мнѣ такъ больно, обидно, какъ узналъ кое-что о тебѣ, такъ горько сердцу моему изъ-за того.

Но лучше ничего не буду говорить, не буду беречь незажившую рану.

Прощай, быть можетъ, навсегда. Прощай.

Желаю всего хорошего въ твоей жизни.

Кіев г., Констант, воен учил. ВеніаминЧ.

№ 47

12 Марта 1917 г.

г.Кіевъ

Подруга прошлыхъ дней моихъ юныхъ,
дорогая Александра Семёновна!

Что же мне писать тебѣ, съ чего начать говорить съ тобой, моя милая, чуть было незабытая уже, Аренька?!

Радость и утѣшеніе моё ты съ одной стороны, – тоска, грусть и горечь съ другой.

Охъ, Аренька, если бы видела меня теперь, если бъ знала, что я испыталъ за эти томительно-долгіе полтора года, что я пережилъ и переживаю. – Но къ чему всё это говорить...

Грустно, печально (какъ всегда) проводилъ я сегодня день... Такая тоска на душѣ съ утра, такъ печально моё лицо, несмотря на общее ликованіе товарищей-юнкеровъ въ виду праздника и прошедшихъ событій...

И вдругъ, неожиданно получаю отъ тебя письмо! Совсѣмъ неожиданно-негаданно. Я бы въ другое время сказалъ весѣлыми словами одной песенки: «Охъ, ты

моё мученье, ты моя плутовка», – но, увы, улыбки, весёлой нотки в голосе моём, увы, уж теперь нет.

Нет смеха, весёлой беспечной радости, кроме горести, печальной улыбки ничего не осталось. Но опять оставим это.

И как только нашла ты меня, я удивляюсь, т.е. как нашло твоё письмо. По истине ты счастлива в этом отношении (или я, – не знаю кто из нас), в прошлом году 1915м в Рославле также без указания роты пришло твоё первое письмо, так счастлива твоя рука.

Так грустно было мне сегодня и, вдруг такая неожиданная приятность – получаю от тебя письмо. Как я рад этой весточке с родимой сторонки, несмотря на то, что ничего не пишешь, кроме расспросов одной терзающей тебя мысли.

Сердечно благодарю тебя, Ара! Тем приятнее мне, что это первое письмо за всё полтора месяца пребывания в военном училище. Представь моё положение, при том без гроша денег всё время – мне только и жить так, – привыкшему к лишениям, другой бы считал себя несчастным в таком положении, но я, – я нет: у меня есть ещё много других печалей и горестей, затмевających такие мелочи, что считать из-за этого несчастным было бы глупо – да.

Ещё раз спасибо тебе за весточку! С своей стороны я должен извиниться, что не дал тебе своего адреса. Прости, пожалуйста. Действительно, я не писал так намеренно, а также и от тебя не хотел получать; я был страшно огорчён одним обстоятельством, до глубины души взволнован, задеть за живое, что ршил было совсем тебя забыть. Да, Аренка. Это правда. Я слышал о тебе два раза и не как-нибудь, я не спрашивал никого, а так между слов замкнул, вконец, почувствовал это, и я был глубоко задет... Может, всё это неправда, но я вдруг почувствовал такую обиду, что готов думать очень многое; ты знаешь, как я самолюбив, а за последние время такой стал нервный, что каждое слово на меня действует ужасно... Я не хочу здесь писать, где и от кого я слышал это. Но успокойся и не спрашивай меня, от кого я слышал. Они, может, сами не заметили, что говорили.

Да и сам я теперь готов вскрыть тебе, что ничего такого не было с тобой.

Итак, прости и не спрашивай больше. Оставим это и забудем.

Но не это одно – я и раньше выражал тебе своё недовольство, так что неудивительно, если вышел из терпения. Подумай обо всём том и пожалей меня. Эти полтора года военной службы со всеми лишениями и огорчениями значат же что-нибудь, ведь я не железный...

Жаль одно, что мало пишешь. А мне так хотелось знать, как там на родине идёт жизнь, как я тоскую о ней, как жажду знать обо всём том, что происходит. О, милый Сёвер, дорогая, родная Зырляндия, незабвенный Помоздин. Увижу ли ещё когда вас?!

От домашних ещё не получал и ни от кого, что дома у нас, не знаю, больше двух месяцев уже не получал, как там живут, где Иона, ничего не знаю.

О себе много писать не хочется, а также о жизни в военном училище не люблю... Скажу только, что очень здесь трудно для меня, нет ни минуты покою, нет никого, с кем бы по душам поговорить. Не знаю, пробуду ли до

конца. Уйду, кажется – хуже не будет. Всё время нездоровь – занимаюсь плохо – нѣтъ силъ, лежалъ уже въ лазаретѣ разъ и почти всё время нездоровь. Одно только, что пища хорошая, да чистота; – не нужно теперь стирать бельё, какъ было въ полку, но тяжело и беспокоино. Денегъ нѣтъ, не на что купить табаку, нечѣмъ оплачивать письма, не на что попить чайку по вечерамъ; всё время маюсь съ табакомъ – скверно, однако.

Начинается весна, скоро Пасха. Думалъ было изъ Кинешмы ещё съездить домой, да нелѣгкая дѣрнула меня сюда, а теперь не попасть домой до конца войны.

Скоро ты и именинница будешь. Поздравляю тебя съ днёмъ Ангела, также съ Пасхой время уже. Но въ слѣдующий разъ. Писать больше нѣтъ времени, и такъ я уже два часа пожертвовалъ. Прощай.

Будь здорова. Твой Веня.

Большие событія теперь происходятъ въ Россіи, много уже произошло. Нѣтъ царя, нѣтъ старой гнилой власти. Да здравствуетъ свобода! Вамъ, конечно, уже известно объ этихъ событіяхъ, но тихо, наверно, тамъ, не какъ здѣсь; много было кое-чего. И мы участвовали.

На этотъ разъ сообщаю свой адресъ: г. Кіевъ, Константиновское военное училище, юнкеру 3 роты В.Т.Ч.

№ 48

Кіевъ

26 Апреля 1916 г.

Олан-вылан, Аренька!

Получилъ я твоё письмо, которое писала 6 апреля. Радъ. Спасибо за ласку. Давно уже ты не писала такъ, не говорила со мной такъ сердечно, просто. Спасибо, милая. Цѣлую тебя крепко, крепко... Твой Венчик.

Не знаю, съ чего это ты такъ, – думаю, что весна повліяла на тебя. Не оправдывайся. Это естественно – «весна пробуждаетъ любовь». Подъ вліяніемъ прошлого, воспоминаній былого тебѣ кажется (также и мнѣ), что мы любимъ друг друга...

Не знаю, любила ли ты меня когда-нибудь, – любилъ ли я когда-нибудь...

Вѣдь не можемъ сказать этого. – Да? Да, было что-то такое, но любовь ли эта была, или что другое? Да и есть ли эта самая любовь? Давно это было, какъ подумаешь! Уже четыре года минетъ этой весной, какъ сблизились мы съ тобой. Былъ май 1913 г.

Помнишь? Помнишь, съ чего началось? Мнѣ помнится, что ты сперва начала. Да, – ты виновница. Не оправдывайся. Помню я, – ты сидѣла у окна въ углу, а я сзади стоялъ. Что-то говорили. Передъ тѣмъ провожали, кажется, твоихъ друзѣй (Кузиванову и Худяеву), всѣ разѣхались къ тому времени изъ Помоздина.

Остались мы съ тобой вдвоёмъ. Тебѣ было скучно и мнѣ тоже. Почувствовалъ какую-то пустоту, одиночество. И всё.

Ты сидѣла. Я сзади тебя. Я дѣрнулъ тебя за косу, и волосы твои рассыпа-

лись... Потомъ мы подальше отошли отъ окна, и ты укутала меня своими волосами, а потомъ... Сэсся кутын куртчасыны... Помнишь, вѣдь такъ было... В Помоздине, у Клавдии Петровны, въ твоей комнатѣ, былъ вечеръ тихій, тёплый майскій вечеръ... Помнишь, вѣдь такъ было... Мы тогда ещё холодны были друг къ другу, ничего не было похожего на то, что было потомъ.

Было что-то наивное, искреннѣе, такъ было просто, была довѣрчивость друг къ другу. Просто были дружны. Были оба одиноки. Скромны, тихи... Можетъ, это и побудило насъ съ тобой быть такими, какими были потомъ. Я находилъ въ тебѣ много схожего съ собой... Я объ этомъ не разъ говорилъ... Да, было, было, Аренька. И послѣ много было у насъ съ тобой... Но что вспоминать...

Вотъ видишь, и на меня вина подѣйствовала, да ещё какъ. Охъ, если бъ всё писать, все думы, желанія, мечты, воспоминанія. Какая бездна! Море печали, грусти, тоски. И въ ужасъ приходишь отъ всего этого, что происходитъ на свѣте. Зачѣмъ, для чего? За что эта война, зачѣмъ столько горя и слёзъ? Кому нужно? Теперь все это поняли, всѣ чувствуютъ. Я же съ первыхъ дней и до гроба буду проклинать эту войну, всѣй душой её ненавижу... Охъ...

Но довольно, однако. Если бъ это было, т.е. всё вмѣсто этой бумаги говорилъ тебѣ лично, сидя рядомъ. Много, много бы я рассказалъ тебѣ, – да. Теперь же придётся объясняться только сухими словами... Но ты понимаешь меня, знаешь, что думаю въ эту минуту, какъ моё сердце волнуется.

А теперь поговоримъ о другомъ. Скажу несколько словъ на твой вопросъ. Сперва должна поблагодарить тебя за деньги, которые ты мнѣ посылаешь. Не скажу, чтобы они мнѣ не были нужны. Они необходимы, безъ нихъ очень скверно. Но зачѣмъ мнѣ тебя обижать. У тебя и такъ мало их, я знаю, какая теперь дороговизна на всё... Но разъ ты посылаешь, и этимъ хочешь оказать ты свою заботливость ко мнѣ. Я очень тронутъ. Спасибо тебѣ. Но чѣмъ же отблагодарить тебя. Словами – мало. Поцеловать? Поцѣловать тебя не могу, ни обнять, так как нас раздѣляютъ тысячи вѣрствъ. Ты, посылая мнѣ гостинцы, даёшь возможность мнѣ изобразить свою тѣнь на карточкѣ. Объ этомъ я уже давно думаю, но никакъ не могъ выполнить за неименіемъ денегъ на это дѣло. А теперь снимусь и пошлю тебѣ карточку. Потомъ беспокоишься о моёмъ здоровіи. Конечно, я не тотъ уже, что былъ раньше, но думаю, что вернётся снова всё это, и буду я не хуже, чѣмъ раньше. А слабость – это временная. Эта военщина, со всѣми непріятностями и лишениями, когда приходится так много тратить энергіи и силъ, а отдыхъ недостаточен, и пища не то, и всё. Когда на душѣ всѣгда такъ тяжело, такъ гнетётъ положеніе, не видишь радости, а всё одно и то же, одно и то же безъ конца.

А о томъ, что, можетъ, я не буду офицеромъ пока, объ этомъ не стоитъ говорить.

Это такъ неважно для меня. Теперь гораздо важнее для меня, буду ли я солдатомъ, – это гораздо важнѣе, гораздо, чѣмъ быть офицеромъ. Чтобы объяснить – пришлось бы много писать, а потому молчу. Сама подумай, почему. Ещё скажу тебѣ, что это зависитъ отъ меня, т. е. буду ли я офицеромъ. Да, отъ меня самого. Я знаю, что дѣлаю и неспроста. Вѣдь у меня никогда не было желанія быть офицеромъ. А если я сюда шёлъ, то только из-за одного. Но это, то что я хотѣлъ, теперь мнѣ показалось такимъ ничтожнымъ. Я долго и много думалъ.

Теперь время другое настало. Многое изменилось, и ещё больше удалило меня от мысли быть офицеромъ. Пришлось бы очень долго говорить почему так, потому лучше не стану начинать.

Поговоримъ ещё о чём-нибудь.

Жаль, что мало пишешь. Когда я спрашивалъ тебя, чтобы ты писала, какъ живут на сѣверѣ, на родинѣ, какія новости, перемены, ты отвѣтила, что ничего нѣтъ нового. Как же?

Теперь такое время, что не можешь этого бояться. Подъ словомъ родина ты, должно быть, поняла, что про Помоздинъ я спрашивалъ, – ты отвѣтила, что не знаешь, какъ тамъ живут. Нѣтъ, я вообще спрашивалъ про весь наш край. Меня интересует теперь, какъ повліяли эти событія, что произошли въ мартѣ и теперь идутъ всё ещё по всей Россіи и во всёмъ мірѣ, на нашъ край, на всю Зыряндію. Да, теперь будемъ называть такъ, теперь имѣемъ полное право называться зырянами, а край нашъ Зыряндіей. Вѣдь и раньше уже так начинали называть. Пока, конечно, мало измѣнилось – но въ будущемъ будетъ много. Теперь пока только, навѣрно, полицію удалили, – не стало урядниковъ, стражниковъ и приставовъ (не будемъ теперь бояться, что губернаторъ не утвердитъ смѣту), также нѣтъ губернаторовъ и Земскихъ начальниковъ; есть теперь комиссары да комитеты. Да, много измененій будетъ, начиная съ царя – его уже не будетъ больше на Руси – будетъ республика, а во главѣ вмѣсто царя выборный – президентъ. Теперь война тормозитъ всё, кончится, тогда начнутъ издавать и вводить новые порядки. Будетъ созвано учредительное собраніе, которое издастъ новые законы, новые порядки.

Но война скоро уже кончится, теперь идутъ совѣщанія всё время, какъ бы скорѣе покончить съ войной. На позиціи часто уже отказываются солдаты стрѣлять и идти въ атаку, какъ съ нашей, такъ и съ Австрийской стороны, так же случилось и на Германскомъ фронтѣ. Жить стало лучше. Теперь уже не такъ стѣснительно на военной службѣ, какъ было раньше. Возможность скорого конца войны даётъ надѣжду на будущее. Скоро, скоро, наверно, скоро будетъ миръ. Дай-то Бог! О, сколько уже исстрадались люди! И за что? Всё виновато въ этомъ старое правительство, старые порядки...

Отныне будетъ Свобода всѣмъ народамъ, живущимъ въ Россіи. И намъ будетъ не такъ стѣснительно Зырянамъ. Дадутъ лѣсу (а вѣдь раньше он не нашъ былъ, а царскій), будемъ свободно говорить, писать и печатать по-своему – не боясь и не стеснясь...

Мэ ѳны пыр письмеяс Комиэн гижала, тэныд кындзя, но и тэныд ѳнысянь кута гижны Комиэн же. Быдэн аскывен ас костаныс сёрнитэны миян кындзя, коми кындзя.

Сэкі тай тольке вѳлэм муса и дона лове ас сёрниыд, кор он кыл сые, ылысянь видзедлэмен, янсалэм бѳрин. И гортла дорід, чужан муид сыдзьже.

Гажід быре и кыске сэтче. Мэд ылынкэ, мэд кѳдзидке, мэд гажтэм миян войвил, но мен гортла дорін койд долыд и гажа некѳн абу и оз ло. Мэд же Ен сетлас на волыны сэтче, адзедлыны Коми мусэ, олыштны-вылыштны...

Но, прощай. Бур мывкід, долыд олэм, Кузь нем – ме тэныд желайта!

Вениамин

Тавун праздник міян Вильгортын – Стэпан лун. Ёна же нын гаж быри горт-ла дорысь и быдэнысь. Эське колэке Вильгортэ тавун кайлым неке Кіев ин а тэ Нэмдин ин. Кызди нын мый олэ Ан. В.

Іона вь Костромѣ был, но теперь уже, навѣрно, его нѣтъ тамъ. Гдѣ твой братъ Иван? – Живъ ли.

№ 49

Кіев

14 Мая 1917 г.

Олан-вылан, дорогая Аренька!*

Тэ кѳнке ѳны гортад нин. Тэ гїжлын бѳрѣя письмеад (24 Апреля) регїд тэ гортэ лэтчан. Сыісь водзинджїк гїжлэмїд (14 Апр) вѳлы и он нын щѳкты вѳлы гїжны Нэмдынэ, но мэ еше на ѳтикес сэтче мѳдэдлы, ог тѳд тольке пѳлучїтлын эн. Деньга тэнсїд сизим шайт пѳлучїтлы – атьте. Зэл лѳсялы. Мэ снимїтчи. Тавун тэныд мѳдэда ассим чужем-вуджерес. Эн шэнзи мый паськїд чужемэй! – Пѳсялэма вѳлы и сыен сэщем лосема.

Татче мэным тэ эн нын гїж, пѳсьмэ оз нын су. Май ін міян помасьс занятиас, а Іюнын пѳтам нын татысь. Офіцерэн мэ ог ло навѣрнэ, сы йылысь мэ гїжлы нын.

Сыя мэ сайін вѳлы, но ог желайт. Развѣ против желанїя вѳчасны нѳль тѳлысь мїсьти, а ѳны пѳта унтер-офицер эн или рядэвей эн.

Гїжны ке дыр тырмас, но тэ мэ надейтча понимайтан мэнэ мэ прѳстэ сыдзи эг вѳч...

Гортэ волыны регїд эн мэ ѳны ог вермі, кѳть їй пѳлучїта татысь пѳтыг эн не уна деньга. Полксянь гашке не дыр овмісьт лэдзъласны. Іона вок бара ветлас гортэ мэ пыдъдї.

Мэ пыр вїтчїся пом война лысь но пом век на оз тыдал. Кор нын и помась-лас?!

Пыр зэл шог и деливэ. Гажтэм сѳлэм вїлын. Жаль пѳра коле, бур том пѳра весь воше...

Талун зэл лѳсїд лунїс, сэщем гажа, что бѳрдны окота...

Но, прѳщай сэсься ѳны кежлэ.

Тэнад Варїш, кыздъ тэ шулын важэн. (Веня)

16 Мая. Вѳлысьт мѳдэда. Эг слѳймі, тавун воїс тэнад пїсьмэ їд кодэс гїжэмїд 30 Апреля. Гїжны ог эшты. Зэл вывтї шог и деливе сѳлэм вїлын. Пѳраїс сэщем ѳны таны война вїлын дорсїс страшнэ олнысэ. Тѳрїт уна ловї переживайтнї...

Прѳщай.

* Коми пїсьмѳяссѳ колим, кызди гїжысьыслѳн (Ред.).

№ 50

21 Мая 1917 г.
г. Киев

Олан да вылан, Аренька – шань нылэй!

Бара нын мэ тэнсид пöлучиты писъмэ, кодэс гижлэмид 30 Апруля Нэмдынсянь на. Атьте же тэныд, мый он вунэд – пыр казътыллан.

Прöстит мый мэ гежэда гѣжа. Колян вэжонэ мэ мөдэды тэныд ассим карточкаэс – воис эз бара а, – зэл вöлы некор и ачым эг эшты сдایتны пошта вылас да йöз ки пыр мөдэды заказнэй эн, но квитанция сэ эг пöлучит – ог тöд сдایتлыс эз служитель ис, кодкед мөдэды. Сыысь водзин джик мөдэды ыджид писъмэ же и Нэм дынэ на адресуйтлы, но тэ кöнке эн нын сэн вöл. Öны дерт нын важэн гортад. Кыздь нын мый олан? Тавун Троица лун – гажа лун. Уна юрүн дум, уна эм сьöлэм вöлын, важ олэм дум вöлэ уси... ог нын лучше гиж татче, всё равно ог во гортэ кокни оз ло... Вот эське ке друг тae гижиг эн вой сэтче тѣян олан динэ?!

Мый нын тавун и гѣжан тэныд? Век öти тор лове – шог да гажтэм, быд писъмэын öти тор йылысь лове. Лучше ог нын казътылы.

Мый нэ сесься гѣжан? – нинэм сьöлэм вöлын абу мукöд тор, только колема шог да синва важ олэм йылысь. А водзе нинэм оз радуйт! Кöннэ помис тae олэмис лэн – оз помыс некön тыдал. И кыздь же мэ верма водзе йылысь думайтны.

Корке эське ке мынла тая олэмсис сэки бара на ловзила, бара на сьöлэм восьсилас олэм вöлэ вир вöрзилас и юр кыпаллэ.

А öны адзан нинэм на абу, ог лысыт надейтчины счастье вилэ, вывты нын дыр кыссе тая сьöкид пэмид олэмис, что ставсэ нын вѣйс мый вöлы сьöлэмад. Только пöра вöлын восьсилас ставис син водзяд и сьöкид, – сьöкид сэки олны...

Тэ ювалан гортэ волэм йылысь. Нинэм вед ог тöд лове оз волэм.

Рад что тэ желайтан меннэ адзедлыны, мэным сэщем же окота тэнэ адзедлыны. Но нинэм на öны ог тöд лове оз волэм гортэ – не аслад вöля, небось он мун, кущем ке эське окота же да, ок, эське борда пöтка лысь кэ бордсэ имѣитны – лэблы же мэ сэтче войвил стöрöнаас...

Сэссия дугда тавун гѣжны, тырмас. Прöстит. Лучше ланьтны чѣмь шогэдны мөдэс.

Прöщай. Тэнад Веня.

Прöстит, мый эща гѣжа. Уна эм сьöлэм вöлын, но юрэй оз уджав ёна думайтэмьсла.

Поклон гортса ныдлы мэсянь!

№ 51

14 Юня 1917 г.

Олан-вылан, Аренька!

Дыр нин мэносим эн пöлучитли тэ писъмэ, кöнке проч нин дöзмін, – куйим вежон дорись-нин дыр мэ эг гѣжлы, i он нин чайт кöнке менэ татысь. Но мэ век на важ местаин – Киев ин, военнэй учѣлищеин.

Мэ вѳлы думайта – мѳсяэд кѳнке регид мѳдѳдасны мыен занятие кончитчас, но коймѳд вежон нын вот помасис велѳтчем, тѳварішыс важен нін муналысны, а мэ век на тан. – Ола прѳстѳ, нинѳм ог кер; но не шойтчем мѳным тая олѳмис... ѳнджіка страдайта, чѳм водзин вѳлы.

Водзин (занимайтчигѳн) кѳть омельджіка нін вѳлы сѳлѳмѳй вѳсе, сѳкі вѳлы сѳщема мыдзан, что онджык сѳщема чувствуйт шогсѳ, вывті ѳна мудземіс вѳлы ветьте. А ѳны тая вѳтчѳсемнас проч лигшті; думайтче, кытче бара веськала а, мый менѳ ѳжидайтѳ водзин. Мѳнім век же кыдзьке неудача. Вот мукедлаіс лѳдзисні учительясѳс гортясѳ (миян Іона кѳнке важен нін гортын), а мэ веськалы сѳщем местаѳ, кытѳсь оз лѳдзьні. Быдлаін лѳдземаѳсь, а Кіевскей военнѳй округісь оз. Кушчем ѳбіднѳ.

Учительяс требуйтѳны таны мѳд ѳське і татысь лѳдзисні. Кодке лун мэ ветлы салдатскей–учительскей собраніе вѳлѳ. Ходатайствуйтам, но кор на мый кѳть ій лѳдзясны да, сѳтчедзь мэ верма на пѳзиція вѳлѳ веськальны. А ѳні сѳтче іѳз уна колѳ. Завадитѳні наступайтны мѳян. Чукѳртѳні жѳлающѳйяс ѳс «батальон смерти» ѳ поступітны...

Корнін і помасьлас тая проклятѳй войнаіс. Кызвын салдатіс (пѳчти быдѳн) ѳтказывайтчены наступайтні водзе, но ѳфіцерство і капіталіст яс ызьѳдѳны, – ог тѳд тольке налы удайтчас оз а. Сія тольке горзѳ «война да война», «до побѳды война» коды в безопасности чувствуйтѳ асьсѳ, сѳщем іс же і старайтчены кыдзьке мыйке лѳнь інын джік олны. Шуны ід ѳд кокні, – не кулны...

Мѳ ог тѳд мый нін і лове, корнін поміс волас. Гожѳм бара нін воіс і дерт нін коле. Проклятіе! І некыдзь оз верміны помалны война тае. Мѳян ѳз сѳгласитчіны сепаратнѳй мир вѳлѳ Германья кед – сѳк ѳське ій поміс вѳлы, да вот ѳмѳсь на враг яс Россія пыщкас. Пропадитас, рѳзорітчас Россія... – і уна же тор ѳны быдлаін, тольке сіе і кылан.

Сѳщема нін надоѳдитыс быдтор, что ог тѳд. Зѳл нервнѳй лові, прамо такі ачім ѳс ог тѳд. Да і ревматизмѳй ѳна мучітѳ. Думайта татысь петмысьтѳн коміссія вѳлѳ проситчіны колѳке і мына, – ѳны выль расписаніе болезней петыс і сия серти мэ таног ѳн мына, а именнѳ ревматизм і неврастенія освобѳдайтчѳ воен. служба-ысь.

А і дыр же нын таны куті олны. Мѳдѳдѳсні ѳське колѳке регид послѳ 1 Іюня бѳрти да вот код сюрѳ іс мэ кодѳдем іс отпускѳ мунісны кык вежон кежлѳ. Тая лун яс воасні нін і дерт лун-мѳд мѳсьт петам. Мѳным тоже вѳлы вѳзьѳны, но ѳткажітчі – кытче нѳ мэ кык вежон ід кежѳ муна – весиг ѳд туй вѳлас оз тырмі кык вежонід.

Мѳным татысь сетче 135 рубль деньга, но сѳ шайт дорісь унджік мунас обмундированіе вѳлѳ, так что мѳнам коле шайт комін тольке, но сія комін шайтід ѳны куйім шайт койд. Сѳйны нинѳм оз сюр нинѳм вѳлѳ, ог тѳд кыдзи кѳсьясны ѳще воуйтны.

Ок, ок, ок, Аренька! Чѳстѳ тай ышловзисе, мыен водзе век кыдзьке шог джік. Оз нін нюмѳй петлы некор, оз серектышт.

Пісьме яс важен нин оз воны і дырна ѳще лове витчісьны.

Тѳнсыд бѳрѳья пісьме ястѳ ѳтѳ 8 Мая и ѳтѳ 21 го Мая пѳлучітлы. Кѳть ѳське он нін гіж гортысь олѳмсѳ, – ѳще нын сѳѳкід; тѳдны окота, зѳл окота, но і сѳѳкід сѳлѳмллы, что кѳнке ѳм олан ын, лѳсид вѳльнѳй олѳм...

Прощай же! Тэнад Веня.

Тöрыт вötэн тэнэ адзиштлі, колян вежонас тоже. А ог эд адзил зэл... Поздравляйта тэнэ Купальнича лунэн і Петыр лунэн... регід нін воас...

№ 52

10 Сентября 1917 г.

Помездын

Олан-вылан, Аренька!

Вот мэ и гортын; воі ме рытын – Пожегін задержітісны. Гижні уна ог эшты – эн дивіт, пукала собраніе вiлын – первой Волостной земскэй собраніе міян.

Мэнэ бöрйісны предсѣдательэ Земскэй Управаас і кöсьены хлопочітні сөвсем коледны гортэ. Ог тöд мый лове сэсься.

Воі і ог вермі некыдзи успокоітчіны – сэщем уна выль тор мэным таны...

Гіж ачід сэсься. Тэсянь вотэдзь мэ ог куж сэсься кытче тэн гіжны. Прöщай.

Тэнад Веня.

№ 53

21 Сентября 1917 г.

Ок, ок, ок! Мый бара тэ думайтан мэ йылысь, Аренькаэй а!

Быд ногіс кöнкэ відан і ёран мэнэ. А дыр жэ нын эг гіж пісьмötэ. Прöстит же, вэрманкэ.

Мый сэ нын кöнкеэ эн думайт мэ йылысь! Конерэй, эща кöнке мучітчін думнад. Тэныд водзя пісьмэ серти ід кодэс гіжлэмід лэтчігад Джеджімін зэл сьöкiда гіжема. Мэ тавун ог вермі сія пісьмэ вiлэ öтвэьтитны. Прöстит! Ог эшты. Піщальэн лыйсины мöдэтча – зэл окота лові ветлыны.

Ола омэлика. Быд лун öтилаэ да мöдлаэ гөститны корены – сурэн юктасены. Сэсься тавун сянь тырмас! Абу лөсид кыдзькэ сьöлэм вiлын – зэл шог и деливö, вэсиг вiна іс оз гажэд; водзин вöлы юлы ла да сьылны да йöктыны пыр заводита, а öны мэ ог тöд мый мэкöд. Оллы рыт мод і ныл яс дінын. Эн ревнуйт! Весь койд эсь ставныс. – Толькэ окота оллылэ дурыштны дзёляника. Сэсься нинэм. Ок, тэ кэ вöлын кущема ревнуйтын. Таны ныл яс іс мöда мöд вiланыс лöгалэны мэ понда. (Мэ сые заметиты). Öтикэд кэ заводитан дурны пыр кутасны вэжэктыны. Тешь. Не толькэ ныл яс но і вэрэса яс щöщ бытьте мэ налэн ли мый ли. Аскі бара локтасны міяны Иона лэн ним лун. Сэсься ог нын тащема ю. Тавун вот тöрiтча сис кiей дрöжжитэ.

Тырмас!

Ответ телеграмма вiлэ эз на во. – Ог тöд мый воас – коледасны оз. Надея абу. Лэтчіны кöтый самэй Пöкрэв лун яс эдза ог лэтчі. Гіж кöны тэнад ловэ патера ыд. Прöщай.

Тэнад Вень.

21 Сентябр 1917 г.

Помэсдын.

Міян таты төл нын лымъя коймод лун.
Утка яс лэбены колэ лэтчилны кыйны.

№ 54

28 Сентября 1917.
Помесдын

Олан да вылан, Аренъка.

Мэ пыр на гортын ог төд кодарэ ловэ. Колем йылысь нинэм на ог төд – эз во –
оти эе сетлым да öны мөдэснын (телеграмма).

Öны Управа ин нинэм на праменя ог кер. Шойтча – щөгетча, быд лун гөстита
чері-яй сёя. I ачим тоже кыя. Төндзи утка яс эс лыйла, а төрит вөрэ пэталлы да
кык көч да кык ур кыйи.

Гортын енсыкэд міян олэнына. Нянь бур и уна воэма, турун сыісь бур – сур
пувены да олэны. Тан жэ эськэ тай і олны – іс да. Зэл не окоата мунны.

А тэнэ кущема олан? Кыдзи мый карін овмэгчін? Он же тай гіж. Час гашке
тавун воас же нин сэсься.

Гіжны сэсься торъя нинэм йылысь.

Прөщай, эн дивит.

Тэнад ВенЧи...

№ 55

12 Октября 1917 г.

Аренъка! Мэ бара эща гіжа – прөстит! Тэнсид пісьмэ-тэ оть 6 Октября пöлучіты.
Гіжны торъя нинэм. Пыр на віся – мөдэд вэжон нын некытчэ ог пэтал. Аскі
нимлун – некодэс ог кор, сыдзь гашкэ кодкэ пыралласа, ачим тожэ öны некытче
эг вэтлыл – ёна эськэ корлысны да. Кор нын і бурдла? Зэл делэ – абу вісемісла а
прөстэ сыдзь мыйкэ. Лэтчіны карэ ог на көсьйи – вітчісьланын Пітер сяныіс –
мый воас. Öти телеграмма волыс да толькэ гіжены что ходатайство возбудитэма.
Министр внутр. дэъл. лы.

Водзья пісьмэ ясыд тэнад волыс жэ. Тэ ювалан гіжлы эг мэ Кінешма ад. –
Гіжлы важ эннын, ог төд толькэ төваріш эй сэн нын абу. Ан(?). Вас. эг адзил
öны щөктэмыд вöлы вісьталныда. Сунис абу таны. Кор Ан. Вас. ід лысь. Гашкэ
сылэн аслас эм. Рэгід тэ ордэ гөсть локтас Іона – собраніе вілэ кутас лэтчіны.

Сэсься прощай!

Тэнад ВенЧик

12 Октября 1917 г. 10ч.веч.

с. Помэсдын

115 во тыригкежлö

Илля Вась*

(1895 – 1981)

Илля Вась (Лыткин Василий Ильич) родился 15 декабря 1895 года в Тентюковке – в пригородной слободке г. Сыктывкара. Первоначальное образование получил в Тентюковской церковно-приходской школе и Устьысольском городском училище. В 1912 году поступил в Тотемскую учительскую семинарию и окончил её в 1916 году. Лыткин является одним из зачинателей коми советской литературы и литературного движения. Свою литературную деятельность начал ещё до Октябрьской социалистической революции, в период учёбы в Тотемской семинарии. В условиях царизма ему не удалось свои первые юношеские стихотворения довести до печати. Первые четыре коми стихотворения В. И. Лыткин («Сир шог олём», «Сувталöй, коми йöз, чеччöй», «Велöдчысьлы», «Парасковья») были напечатаны на страницах газеты «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов» лишь в конце 1918 года под псевдонимами «Митрей чож» и «Дзоля морт».

Из дореволюционных произведений В. Лыткина дошло до наших дней 28 стихов.

Литературная деятельность молодого поэта Лыткина была прервана первой мировой войной. В 1916 году, после окончания учительской семинарии, В. Лыткин был сразу мобилизован в армию. Участвовал в империалистической и гражданской войне. Демобилизовался из действующей армии только в конце 1920 года. Литературная деятельность В. И. Лыткина по-настоящему развернулась после Октябрьской социалистической революции. В ноябре 1918 года В. И. Лыткин был одним из инициаторов организации в г. Устьысольске первого литературного объединения «Комиссии по собиранию и созданию зырянской литературы для школ и народа», состоял в руководящей семёрке этой комиссии.

П. Г. Доронин, учёный, писатель.

* Публикация по книге: Доронин П. Г. Письменность и литература коми до Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. – Сыктывкар, 1965 / Архив КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 11. Ед. хр. 251.

«Йой» Иван

Туй кузя көмтөм
 Төв шөрын, төлын
 Котөртө вөнтьөм,
 Тэрмась «йой» морт.
 Коньөрөй, коньөрөй,
 Кытчө нө муан?
 Коньөрөй Иваной,
 Кытчө нө муан?
 Көдзыд зэв, көдзыд зэв,
 Лым быдсөн дзуртө;
 Йой Иван кынмө тай,
 Йой Иван ружтө.
 Коньөрөй, коньөрөй,
 Кытчө нө муан?
 Коньөрөй Иваной,
 Коктө өд кынтан!
 Йой Иван котөртө,
 Йой Иван пышйө;
 Сы бөрся ыджыд пон,
 Усьласьө, вөтчө.
 Йой Иван, йой Иван,
 Кытчө нө пышъян?
 Сувтлытө, сувтлытө,
 На көть со чышъян!
 «Йой локтө, йой локтө!
 Кильчөтө игнав;
 Кежны, зон, кутас кө,
 Изйөн тэ шыблав!»
 Йой Иван, йой Иван,
 Мыйла нө тэысь
 Полөны татөн!
 Кыдзикөн биысь?..
 Коньөрөй, тэнад өд
 Нюкыртө кынөм:
 Куим лун, нельөд нин
 Сёйны тэд нинөм!
 Коньөрөй, коньөрөй,
 Коді нө шонтас?
 Иваной, Иваной,
 Коді нө вердас?

«Йой» Иван ай-мамсө,
 Рөдвужсө оз төд;
 Некод өд сылы, дерт,
 Паньдсө оз пет!
 Йой Иван, йой Иван,
 Кытысь тэ ачыд?
 Коньөрөй Иваной,
 Код тэнад батыд?
 Көдзыд зэв, көдзыд зэв,
 Тірала пасьөн...
 Иванлөн став пелььыс
 Еджыд нин важөн.
 Иваной, Иваной,
 Кепысьыд көні?
 Коньөрөс Иванөс
 Көдзыдыс венө.
 «Йойыд со котөртө», –
 Челядьлы индө: –
 «Оз өд и кынмы дай», –
 Висьгалө синтөм.
 – Ичиньой, керкаад
 Лөсьыд, дерт, тэныд!
 Петан кө көмтөгыд,
 Ёна-ө шоныд?
 Чуньясыс пиалө
 Иванлөн важөн.
 Сингьяссыс виалө
 Синваыс шерөн.
 Иваной, Иваной,
 Код тэнө чужтис?
 Коньөрөй Иваной,
 Код тэнө быдтис?
 Горзө нин көдзыдла
 Иваныд мяян.
 Көдзыдөй, дзикөдз өд
 Коньөрөс виан!
 Коньөрөй Иваной,
 Мыйла тэ шудтөм?
 Майбырөй, быдсөнлы
 Мыйла тэ мустөм?

Пыран кӧть шонтысьны –
 Кильчӧйд пӧдса:
 Абу ӧд гӧлыдлы
 Некод дзик тӧдса!

Иванӧй, мыйла нӧ
 Йӧз тӧнӧ венӧ?
 Мыйла нӧ йӧй пыдди
 Лыддӧны тӧнӧ?

1914 во

Тувсовлань

Лымйыд сылӧ, шондӧ ёнмӧ,
 Матысмӧны гажа лунъяс.
 Тулыс матын, сьылӧм кылӧ –
 Палялӧны чӧскыд унъяс.
 Матын шоньд. Ӧдйӧ локтӧ,
 Восьтӧ сывборд тувсов гажыд.
 Нюдза пышйӧ жугыль луныд...
 Пышйӧ: бӧрӧ кольӧ важыд.

1915 во

Сиктын

(Никитин «Ночлег в деревне» серти)

Зына керка. Тшына сартас.
 Кокъяс улын ёг.
 Няйтӧсь лабич, черань везъяс.
 Гӧгӧр быдӧн шог.
 Дзескыд пӧлатъ, буса паччӧр,
 Чорыд нянь да ва,
 Шыж печкысьлӧн, кага бӧрдӧм,
 Гӧгӧр бус да са!
 Пыр тӧ шогсы, нӧмыд уджав,
 Коригтырйи кув.
 Со кысь корсьӧй, муса вокъяс,
 Тшыг-шог пыкан му!

1915 во

Зон

Мича гача, кок кӧлача
 Зон.
 Выль дӧрӧма, ачыс ош кодъ
 Ён.
 Юрас пунктӧм паськыд шляпа
 Бур.
 Мый нӧ, зонмӧ, тӧныд колӧ?
 Сур?!
 «Ме ӧд вына, вай и вина,
 Сет!
 Он кӧ кӧсйы, татысь вешйы,
 Пет!»

1915 во

С-вылӧ эпиграмма

Выживмыны кутіс
 Миян щӧтьтӧм порсьыс:
 Юрсӧ вылын кутӧ,
 Сӧян оз сӧй ворсьыс.
 Матӧвоим – мунӧ,
 Карта вылысь петӧ –
 Университетӧ.
 «Питирӧ тась муна», –
 Миянлы век шуӧ:
 «Книга лыддя уна,
 Профессорӧ воа,
 Астрономӧн лоа,
 Выль кодзувъяс восьта,
 Уна деньга босьта...»
 «Дугды, порсьӧй, сӧрныд», –
 Шуис сӧки баля:
 «Лучшӧ идзас
 Кодзув пыдди
 Карта вылысь лыддъы!»

1915 во

Думъяс менам

Думъяс менам, думъяс менам,
 Мыйла паныд сувтід!
 Тіянös нö лёк йöз вöтліс,
 Али асьныд локтід?
 Гашкö, ыбын пöльтö тöлыс,
 Гашкö, лымйыс тыртö?
 Гашкö, гажтöм. Шогыд тэнö
 Сьöлөмö мем пыртö.
 Думъяс менам, думъяс менам,
 Эновтöй ті менö;
 Биа öгырөн ті сьöлөм
 Энöй сотöй, энöй!

1915 во

Шуис мортлы моргыд

Шуис мортлы моргыд:
 «Кön нö тэнад гортыд?»
 – Менам гортöй,
 Ичöt мортöй,
 Пожöм йылын öшалö,
 Вой төв вылын төлалö».
 «Кön нö, – шуис Васька:
 Тэнад мича паськөм?»
 – Менам паськөм,
 Дзöля Васька,
 Паськыдінын дзордзалö,
 Менö корö, виччысьö.
 Шуис мортлы тьötка:
 «Тэнад кön шуд-пötка?»
 – Пötка менам
 Ылö мунöм,
 Меным мывкыд аддзыны,
 Олөм-вылөм лөсьöдны.
 Шуис мортлы дядьö:
 «Тэ нö, мортöй, садь-ö?»
 – Кысь нö меным,

Дядьöй, вина,
 Кодыр зептöй рекмөм,
 Рушку-кынөм тшыгмөм.
 Шуис мортлы мамыс:
 «Воши пилөн сямыс,
 Кытчö мунö,
 Сэтчö сунö –
 Увлань юрөн тупыльтчö,
 Мыйкö век со жугыльтчö».
 Шуис мортлы дедыс:
 «Дивуйтчö став светыс.
 Дугды сөрныд,
 Йöйö пөрныд,
 Лөсьыда да бура ов,
 Дивитөмысь йöзысь пов!»
 Шуис кодкö: «Пиöй,
 Шыбитчы кöть биö,
 Тыртөм кынөм,
 Сөйныд нинөм –
 Зептад öти куим ур,
 Мед тэ мича, мед тэ бур.

1916 во

Дивö

Дивö, дивö!
 Миян Ивö
 Мыйон чеччис,
 Эжва дорö лэччис.
 Сэни лунтыр
 Быттьö гундыр
 Черияскöд вензис;
 Гортö кайис,
 Кык йөрш вайис...
 Миян мамö шензис!

1916 во

Эжва

Шутьлялö вой тöлыд нора,
 Гызьöма Эжвалон ва,
 Ызгö и шумитö гора,
 Шыбласьö, чеччалö ва.
 Вой тöлыд усьласьö, пöльтö,
 Эжваыд пемыд, сим-лöz.
 Ва дорын шензигтыр шöйтö
 Пестера, курана йöz.
 Скöрмöма Эжваыд ёна –
 Кучкысьö кыркötшö гы.
 Ылöдз зэв, ылöдз зэв кылö
 Эжвалон косясьöм шы.
 Вой улö гажтöм зэв сэни –
 Шутьлялö, омлялö тöv:
 Пыдössянь чеччалö Эжва,
 Гудралö васö сё пöv.

1916 во

Юлия Демьянова

Демьянова Юлия Анатольевна, родилась в Москве. Окончила факультет русского языка и литературы МОПИ им. Н. К. Крупской. 27 лет отдала педагогической деятельности в г. Москве. Имеет звание «Отличник народного образования». Стихи и прозу начала писать с 1999 г. Выпущены сборники «Разговор с собой», «Серенада Шуберта». Публиковалась в периодических изданиях газеты «Московский литератор», в литературных альманахах: «Третье дыхание», «Сетунь», «Сияние лиры». Под редакцией Демьяновой выпущена книга воспоминаний родственников о В. И. Лыткине «Сердцем хранимый родной и любимый». За вклад в литературное творчество награждена Союзом писателей Москвы памятными медалями А. С. Грибоедова и А. П. Чехова. Является членом Союза писателей России.

Илля Вась

Очерк о незаурядном человеке

Приходит время, когда события давних лет, которые хранила память, проявляются в новом качестве более ярко, глубоко, осмысленно, и возникает потребность поделиться...

27 августа 1981 года ушёл из жизни Василий Ильич Лыткин (Илля Вась)... Кем же был этот человек? Выдающийся учёный с мировым именем, один из основоположников финно-угорского языкознания. Он был заслуженным деятелем науки и техники Коми АССР, Отличником народного просвещения РСФСР, членом Союза писателей СССР, Почётным членом финно-угорского общества в Финляндии, Заграничным членом Финской Академии наук, награждён орденом Дружбы народов. Как много при жизни почётных званий и наград за его научный, просветительский и творческий труд! А для меня он был просто дедушкой...

Вспоминаю дни, когда, подавленные горем, мы получили Правительственную телеграмму соболезнования из Сыктывкара с просьбой о захоронении праха на Коми земле. Вылетели в Сыктывкар вдова дедушки Тамара Ивановна Тепляшина, мой дядя Женя (дедушкин сын) и я. С нами были коллеги дедушки из Института языкознания АН СССР.

Чёрные правительственные машины встречают нас в аэропорту и везут в гостиницу «Сыктывкар». Почти бессонная ночь накануне... Время как будто застыло. Полное безразличие ко всему... А завтра день, который унесёт в небытие часть меня, моей души. Только бы хватило сил...

Утро проснулось... Северное сентябрьское солнце прячется за серые облака, как будто извиняется за своё бессмертие.

Окна и люстры Центрального зала филармонии закрыты чёрной тканью. Здесь установлена урна с прахом бабушки и его портрет, убранный цветами. Озабоченно-скорбные лица членов Обкома партии и Правительства Коми республики в почётном карауле. Стою у портрета в траурной рамке, смотрю на родные любимые черты и не могу поверить, что не увижу живым это лицо, не поглажу его мягкие светлые волосы, и не тронет его губы улыбка стариковской благодарности, которая часто проходит незамеченной за привычной суетой ежедневной жизни.

Как сквозь туман движется непрерывный людской поток: идут люди разных профессий, разного возраста, те, кто знал его лично и кому известен он только по книгам. Многие, возложив цветы, склоняются перед его портретом в низком христианском поклоне. Помню ребятешек Тентюковской школы. Они входят в зал робко, стесняясь, прижимая к груди букетики цветов. Школьники отдают последнюю дань памяти тому, кто был автором их первого букваря, чьи стихи они читают на уроках родного языка, человеку, который когда-то жил в деревне Тентюково и учился в их школе.

Цепь автобусов и машин тянется к центральному кладбищу Сыктывкара... Дорожка из мраморных плит ведёт к надгробию... Звучат последние слова прощания друзей, коллег, писателей Коми республики, последователей и учеников...

В июле 1985 года нас с мамой пригласили как почётных гостей на VI Международный конгресс финно-угроведов.

Впервые форум такого уровня проводился в Сыктывкаре. Во многом, отмечали учёные, это заслуга В. И. Лыткина. Опираясь на его научные труды, новое поколение языковедов изучает историю языков, делает их сравнительный анализ, что важно не только для языкознания, но и для глубокого понимания истории народов.

Я слушала выступления лингвистов и думала о том, как мало я знала о бабушке как об учёном. А какой разносторонней была его работа! Он выпустил более 300 монографий, множество исследований в области литературы, истории лексикологии и диалектологии пермских языков. Им созданы школьные и вузовские учебники, словари. Обобщающей лексикологической работой бабушки является «Этимологический словарь коми языка», вышедший в 1970 году, который с большим нетерпением ждали учёные-лингвисты. Он был одним из организаторов и непосредственным участником научных конференций по финно-угроведению, членом Оргкомитетов трёх Международных конгрессов финно-угроведов, которые проводились в Будапеште, Хельсинки, Таллинне. Со своими докладами он выступал на языке той страны, где проводился конгресс (знал 5 языков). Был инициатором Куратовских чтений, проводимых в Сыктывкаре. (Иван Куратов – поэт-демократ, основоположник коми литературы).

В дни работы Конгресса мы с мамой посетили Литературно-мемориальный музей Куратова. Одна из экспозиций музея рассказывает о жизни бабушки. Заботливыми руками работников музея собраны документы, фотоматериалы, его личные вещи. Дорогая нам память стала достоянием целого народа. Экспозиция выполнена в коми национальном стиле. Стены расписаны пейзажами лесного края. Предметы крестьянского быта напоминают о том, откуда он был родом. И приходят на память строки его стихотворения «Моя муза»:

Родилась она не в барском,
А в мужицком доме,
Родилась в лесу, в чащобе
У простого коми.
Звон пилы она слыхала,
Стон сосны слыхала.
Мне, бывало, в дни покоса
Песню напевала...

На фото деревянный дом в деревне Тентюково, где 27 декабря 1895 года родился Вася Лыткин. Здесь окончил Тентюковскую двухклассную церковно-приходскую школу и Усть-Сысольское (Сыктывкарское) городское училище и, как впоследствии писал сам, «в 16 лет с трёшником в кармане оставил родной дом, поехал учиться за 700 вёрст, чтобы попасть на казённую стипендию».

А это фотография его матери, Марии Ивановны. Простое лицо женщины-крестьянки в платке. Трепетную и нежную любовь к матери дедушка пронёс через всю жизнь. Эта фотография была с ним всегда рядом на рабочем столе, куда бы ни забросила его судьба. А этот снимок сделан в годы гражданской войны. Дедушка в форме красноармейца со своим боевым командиром. Защищая Советскую власть, он сражался на Колчаковском, Северном и Польском фронтах.

И даже в окопах он писал стихи о крестьянском быте, труде, о любви к родной природе и дорогой его сердцу Коми земле. Многие свои стихи он посвятил теме революции. «Начиная с дореволюционного времени, – писал он, – дал сотни революционных стихотворений». К 10-летию Октябрьской революции им написана первая поэма в коми литературе «Идут». После возвращения с фронта с 1921 года дедушка много занимается творческой и литературной деятельностью. Он сотрудник издательства и преподаватель школы.

А «...в 1922 году, – пишет он в своих воспоминаниях, – меня рекомендуют учиться в Москву в Первый МГУ. Я принимаюсь изучать языковедение вообще и угро-финское языковедение в частности. Меня интересует научное изучение коми языка, но в Москве не от кого было изучать его, поэтому я изучал всё, что попадало под руку об угро-финских языках и народах. Моими занятиями в первые годы никто не руководил. Лишь позже профессор Селищев стал давать мне указания в отношении литературы по этому вопросу. В результате у меня выработалось убеждение, что угро-финские языки едины по происхождению, и народы, говорящие на этих языках, родственны между собой. Профессура сформировала во мне убеждение, что единственно научный метод в языковедении – метод сравнения родственных языков, происшедших из единого праязыка...» Его педагогами были известные учёные-слависты А. М. Селищев, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон. Отметив серьёзные занятия и глубокий интерес студента Лыткина к теме изучения угро-финских языков, профессура направляет его в 1926 году учиться за рубеж, где «исследования в финно-угорском языковедении в то время были на высокой ступени», а в СССР финно-угорской лингвистикой и этнографией никто не занимался. Он проходит обучение в Венгрии, Финляндии, Германии, Эстонии, параллельно изучает языки этих стран. В своём письме директору института народов Востока академику Н. Я. Марру обращается с благодарностью за предоставленную воз-

можность работать за границей и сообщает о своих занятиях. «Полтора месяца живу в Будапеште. Здесь устроили меня в студенческом общежитии, живу в дешёвых условиях. Главное внимание обращаю на изучение венгерского языка. В университете слушаю только 12 часов в неделю (впрочем, понимаю ещё с трудом)...» В 1928 году в Венгрии, сдав экстерном экзамены за весь курс Будапештского университета, пишет научную работу «С-овые суффиксы в пермских языках» и получает учёную степень доктора философии. В 1928 году он возвращается из командировки в Москву с собранным диалектным материалом, обогащённый знаниями последних достижений в финно-угорском языкознании за рубежом.

С 1929 года – доцент МГУ, научный сотрудник в НИИ национальностей Севера при ЦИК СССР.

Но есть страницы биографии дедушки, подробности которых хранит только семейная память. Грозное время сталинских репрессий. Недоверие ко всему и всем. Наука стала неотъемлемой частью политики. Политический диктат навязывал и давал свои установки в развитие научных теорий, зачастую безграмотные и вредоносные. Свобода мысли и слова была недопустима. Проводилась русификация национальных школ и давление на национальные интересы малых народов России. Кто не поддерживал и не следовал этим установкам, объявлялся врагом народа. Пользуясь смутой времени, даже в научных кругах, посредственность, стремясь избавиться от серьёзных конкурентов, пробивала себе дорогу к карьере путём доносов и наветов. Власть их поддерживала...

В 1931 году ОГПУ Нижегородского края завело дело «Софин» – организации, состоявшей из национал-шовинистской части интеллигенции. Программные установки и деятельность этой организации ставили конечной целью отторжение путём вооружённого восстания Удмуртской, Марийской, Карельской и Коми-Зырянской автономий от СССР и создание единой финно-угорской федерации под протекторатом Финляндии.

Были проведены аресты среди интеллигенции. 21 января 1933 года был арестован и мой дедушка. В то время дедушка со своей женой Анной Афанасьевной (моей бабушкой) и дочкой Ией (моей мамой) жили на Метростроевской улице, занимая комнату в коммунальной квартире. Мама вспоминает: «...среди ночи, разбудив всех жильцов, в квартиру вошли люди в военной форме. Начали что-то искать, доставали книги с полок, просматривали, бросая их на пол. Затем отца увели...» Эти впечатления детства тяжело ранили душу ребёнка и остались в памяти на всю жизнь.

Дедушке было предъявлено обвинение в том, что он был членом панфинской организации и послан за рубеж контрреволюционной организацией со специальным заданием. Начались допросы...

Из показаний В. И. Лыткина от 22 марта 1933 года: «Членом никакой контрреволюционной организации не являлся и не являюсь. За каждый шаг, сделанный мною за границей и в СССР, я считал себя ответственным и старался делать его так, чтобы он был на пользу Советскому Союзу и строительству социализма. Вся моя переписка, рукописи, дневники, взятые при обыске, подтвердят, что я никакими контрреволюционными делами не занимался». Решением Коллегии ОГПУ короткая запись: «Лыткина Василия Ильича заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет».

26 июля 1933 года дедушка пишет заявление Генеральному прокурору СССР Акулову. В заявлении указано, что «во время следствия я неоднократно просил сообщить мне фактический материал, на основании которого мне было предъявлено обвинение, или же, если такового нет, снять обвинение, как ни на чём не обоснованное. Но обвинение не было снято и никакого фактического материала (показания, очные ставки и т.д.) мне не было предъявлено. Таким образом, я не знаю, за что получил приговор. Мне не страшны 5 лет трудлагеря, но мне тяжело пережить то, что я переведён в контрреволюционеры (не думаю, за то, что был связан с границей по линии специальности, за то, что я, будучи коми, изучаю финно-угорские языки) и вынесена мне гражданская смерть. Прошу пересмотреть моё дело и учесть мои объяснения в показаниях 22–25 марта и в заявлениях прокурору ОГПУ от 10 и 30 июня 1933 года. В. Лыткин».

Срок заключения дедушке был сокращён на 2 года. До 1935 года он находился в лагере в Хабаровском крае, а потом ещё до 1938 года работал в системе Дальлага в должности экономиста. Многие его рукописи, книги в эти годы были уничтожены. А сколько потрачено жизненных сил и энергии в бесконечной цепи объяснений и изнурительных допросов. Как нелегко было выдержать и пережить бесцеремонное вмешательство политической власти в личную жизнь и унижительное попираание человеческого достоинства. ГУЛАГ отодвинул во времени занятия полноценной научной и творческой деятельностью, разрушил семью. После освобождения дедушке было запрещено проживать в таких городах как Москва, Ленинград, Сыктывкар, а это значит, что он был лишён возможности работать с материалами крупнейших научных библиотек, общаться с коллегами-учёными. В силу сложившихся обстоятельств, дедушка вместе с дочерью уезжает в 1939 году на жительство в Оренбург. Он создаёт новую семью, где рождается сын Евгений (впоследствии он, закончив с отличием медицинский институт, стал военным хирургом. Ныне проживает в Харькове).

В Оренбурге дедушка работает в пединституте, не оставляя научную деятельность. Там им были написаны кандидатская и докторская диссертации. Мама, закончив в Оренбурге среднюю школу, уезжает в Москву и поступает в пединститут на факультет русского языка и литературы. По окончании института она получает распределение на работу в школу Солнцево, где мы и жили с 1954 года нашей семьёй: папа, мама, брат и я. В 60–70-е годы Солнцево был небольшой рабочий посёлок, пригород Москвы, близ кольцевой дороги. Именно с этого времени я помню дедушку таким, каким он был для меня: добрым, заботливым, бесконечно родным и близким.

Дедушку реабилитировали в 1956 году. Он возвратился в Москву на постоянное место жительства и часто гостил у нас в Солнцево.

Мы с Виталиком (моим младшим братом) очень любили, когда к нам приезжал дедушка, и ждали его. Он появлялся в дверях, невысокого роста, коренастый, в серой каракулевой шапке и пальто с каракулевым воротником. Щёки с мороза были красными, запотевшие очки блестели золотой оправой. Он широко распахивал руки и, обхватив нас с Виталиком, крепко обнимал, потом целовал маму. От него пахло свежестью и морозом. В комнате он начинал раздачу подарков. Он очень любил делать подарки, сопровождая вручение шуткой. Для нас его приезд всегда был праздником. К столу дедушка привозил, кроме фруктов и сладостей,

мясо сайгака, купленное в магазине «Олень» на Ленинском проспекте. Мама тушила это нежное постное мясо со специями и подавала с горячей картошкой. Мы пиروвали... Дедушка расспрашивал нас об учёбе, но никогда не журил за оплошности в успеваемости. А мы наперебой рассказывали с братом о своих маленьких победах в школе. Дедушка внимательно слушал нас и, время от времени, вскидывая брови, складывал губы в трубочку, с удивлением, нараспев, низким голосом произносил долгое «Ну-у-у...».

У нас был чёрный с белыми лапками кот Мишель. Дедушка шутя называл его Мышель. Часто, когда дедушка днём отправлялся прилечь на диване, кот запрыгивал к нему на грудь, вытягивался во всю длину и обводил стены комнаты своими круглыми жёлтыми глазами. Дедушка широко, всей ладонью, гладил его, уговаривая: «Ну, Мышель, расскажи мне свою сказку». И кот включал свой мягко рокочущий моторчик и начинал свой неторопливый кошачий сказ... О чём думал дедушка в эти минуты? Вспоминал ли он бедность и тепло родного крестьянского дома, грустную нежность глаз матери, свою молодость, фронтовые годы и ссылки ГУЛАГа, а может, уносился он памятью к «просветлённой Эжве», которая «покоится в сказочном сне», и рождаются в этот момент у него строки новых стихов. Кто знает?..

Мы – частые гости в его семье. Дедушка заранее договаривался с нами о приезде. Ждал и готовился к нему. Увидев нас из окна, он вышел на лестничную площадку и встречал нас уже у дверей лифта, оживлённый и немного суетливый от подступившей радости. Нас с искренним теплом и радушием принимала его жена, Тамара Ивановна Тепляшина, дочери Галина и Татьяна. Дети вместе со взрослыми сидели за общим праздничным столом. Привычка проявлять живой интерес и родственное участие к каждому члену нашей семьи была заложена в нас с детства. Сохранились фотографии этих семейных встреч. До сих пор мы поддерживаем добрые и сердечные отношения в нашей общей семье, с благодарностью вспоминая нашего дедушку. В одной из комнат этой московской квартиры был рабочий кабинет дедушки с огромными, до потолка, книжными шкафами. Это библиотека. Научная литература, словари, сборники стихов, прозы. Полки с печатными изданиями, автором которых был он сам. Среди этих книг в тонких обложках выстроились в ряд сказки в стихах, написанные на коми языке. В детстве мне было непонятно, почему дедушка не писал свои сказки-стихи на русском языке, понятном мне и брату. Меня точил червячок ревности. Позже я поняла, что он всем своим творчеством осуществлял мечту – создать будущее коми языку, старался раскрыть его красоту и самобытность, образность и чистоту, прививая любовь коми читателя к родному слову. Во многих произведениях звучат мотивы коми фольклора: поэма «Сказка о незадачливом Нёриме», «Ясный сокол». Много переведено произведений Маршака, Михалкова, Барто, Чуковского, Есенина на коми язык. Юным читателям известны его книги «Зайкин праздник», «Кот-котофей» и другие. Я вела дедушку в кабинет-библиотеку и просила почитать мне его сказки.

«Ты же ничего не поймёшь», – улыбаясь говорил он. Но мне было интересно слушать звучание незнакомого мне языка. Дедушка читал... и мягкие, тёплые, курлыкающие звуки проникали в мою детскую душу, обволакивали её домашним покоем и заманивали в неведомое прошлое, оставляя ощущение неосознанной причастности к языку коми народа.

Когда я училась в 10 классе, дедушка спрашивал, куда я пойду учиться после окончания школы. Мой выбор поступать на факультет русского языка и литературы в пединститут он одобрил. Впоследствии (я уже была студенткой Московского областного пединститута им. Крупской) он высказал своё пожелание о том, чтобы я продолжила учёбу в аспирантуре. У меня хранится его письмо и вырезка из Коми республиканской газеты «Красное знамя» со статьёй «Эпос нового времени» (о первом исследовании по коми-пермяцкой литературе). Его рукой карандашом на газетной вырезке подписано: «Это материал для реферата при поступлении в аспирантуру. В. И. Лыткин».

Эти воспоминания пришли из моего далёкого детства и юности. Но без них невозможно представить себе дедушку, как человека Семьи, любящего своих внуков и детей. Постоянное стремление к объединению в семье, желание участвовать в судьбе каждого, умение радоваться вместе успехам, сопереживать в трудностях были выражением его человеческой сути.

Зимой мы выходили с дедушкой на лыжные прогулки в солнцевский лес. Он, не спеша, размеренным шагом шёл по лыжне. Катались мы долго, около трёх часов. Я не слышала, чтобы он когда-нибудь пожаловался на усталость, напротив, он был бодр и постоянно шутил. Я удивлялась, что пожилой человек в 75 лет так физически вынослив и силён. В чём же секрет? Только ли в заложенном в нём с рождения крепком крестьянском здоровье? Нет, во многом он помогал себе сам. Дедушка рассказывал, что в детстве, мальчишкой, чтобы закалить свой организм, он следовал примеру старшего брата. Зимой, в любую погоду, по несколько часов катался на деревянных коньках по льду замёрзшей реки. Эту привычку поддерживать свою физическую форму, чтобы сохранять работоспособность, он закреплял в течение всей жизни. Мама вспоминала, когда они жили в Оренбурге, дедушка принимал участие в лыжных соревнованиях среди преподавателей пединститута. К финишу он пришёл одним из первых, хотя был далеко не самым молодым из участников, и получил приз – 5 французских булок. В то голодное послевоенное время это был большой подарок.

В часы досуга он много двигался, был умерен и разборчив в еде, строил свой день по режиму. Не раз летом мы вместе отправлялись в Коктебель, в Дом творчества писателей под Феодосией. Дедушка любил пешие прогулки, часто поднимался по горным тропам на возвышенности Кара-Дага. Мой папа (ему в то время было 37 лет) и сын дедушки Женя (ему было чуть больше 20 лет) решили подняться на одну из самых высоких вершин Кара-Дага, на Святую гору. Они не знали маршрута и шли наугад. Через 2 часа, уставшие и измотанные трудной дорогой, они наконец добрались до цели и присели отдохнуть. Вдруг с другой стороны возвышенности показался пожилой человек с палочкой, в летней шляпе и солнцезащитных очках. Он неторопливо шёл по тропинке по направлению к ним и что-то тихо напевал. Каково же было их удивление, когда они узнали в этом человеке дедушку. По возрасту тогда он был старше папы вдвое.

Сильная воля и твёрдый характер были отличительными чертами дедушки и помогали ему в жизни. Мама рассказывала: «В 1940 году, в Оренбурге, папа работал над кандидатской диссертацией на тему «Древнепермская графика». Из дверей его комнаты постоянно шёл густой табачный дым. Он очень много курил. Эта привычка стала мешать в работе, память ослабевала, трудно было сосре-

доточиться. Однажды я зашла к нему в комнату и увидела на рабочем столе блюдец с горькой семечек. С этого дня отец навсегда расстался с курением».

По характеру дедушка был оптимистом. Он никогда не поддавался плохому настроению. Любил читать рассказы А. П. Чехова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова. Одной из любимых книг был роман финского писателя Ларни «Четвёртый позвонок». Телевизор включал редко, но кинокомедии смотрел с удовольствием. Ценил тонкий и деликатный юмор. Любил остроты народных анекдотов, каламбуры, но не принимал грубых шуток и тяжеловесного юмора «бородатых» анекдотов. Сам никогда не произносил вслух бранных слов. Умел и любил шутить. Однажды врач выписал дедушке рецепт на лекарство. Приём препарата назначил три раза в день. Затем задумался и приписал: «После пищи». Дедушка прочитал и спросил: «А пицать обязательно?» Удачная шутка развеселила обоих.

Праздничный вечер в честь 70-летнего юбилея бабушки в ресторане «Москва». Один из друзей подготовил собственное поздравление в стихах юбиляру. Основа была позаимствована у А. С. Пушкина из вступления к поэме «Руслан и Людмила». По прочтении посвящения дедушка спросил: «А я всё-таки кто? Кот или дуб?» – «Конечно, вы – дуб!» – на прямой вопрос, не задумываясь, ответил автор. Дедушка от души смеялся и часто вспоминал этот эпизод.

В течение всей жизни дедушка проявлял живой интерес ко всему окружающему. Он был очень разносторонним человеком. Его интересовало всё: политика, космос, искусство, музыка. Если мама напевала дома какую-нибудь популярную классическую мелодию, дедушка спрашивал: «Как называется это произведение? Кто композитор?» Я помню долгие беседы с моим отцом (Анатолием Петровичем), учёным-физиком-химиком. Дедушка расспрашивал зятя о новых открытиях в области химии, интересовался происхождением и строением Вселенной. Во время разговора он подставлял ладонь, как небольшой рупор, к плохо слышащему уху, направляя её в сторону собеседника; взгляд его светлых, серо-голубых глаз отступал куда-то вглубь, в себя. Он слушал и размышлял... Часто они спорили о том, может ли современная техника заменить человеческий разум. Дедушка соглашался с тем, что технический перевод машина выполнить может, но художественный перевод стихов он отрицал, потому что главным принципом поэтического перевода считал создание подобного (но не буквально переведённого) произведения с сохранением в переводном варианте идеи, образности и поэтической системы оригинала. Папа подарил дедушке маленький портативный приёмник «Сокол». По вечерам, перед сном, прижав его к уху, он слушал последние новости политики нашей страны и зарубежья, классическую музыку.

Самыми главными качествами, которые он пронёс через всю жизнь, были трудолюбие и высокая работоспособность. С детских лет он привык к тяжёлому крестьянскому труду. В два года лишился отца. Отец, крестьянин-лесоруб, погиб при рубке леса, когда под ударом топора большой сук отскочил от дерева и попал ему в голову. Мальчики – братья Степан, Пётр и Василий, подрастая, помогали матери... Я помню бабушкины крепкие крестьянские руки, с сильными пальцами, широкие в ладонях, которые умели всё: починить обувь, зашить одежду, приготовить пищу. Дедушка говорил: «Человек должен всё уметь делать сам, на то он и человек!» Он был очень приспособлен к жизни. «Во время войны, – вспоми-

нала мама, – было очень трудно прокормить семью. Был голод. Папа завёл двух коз, Марту и Таню. Мы косили траву, сушили сено. Козье молоко помогло нам выжить».

Дедушка трудился всегда. Я не помню его подолгу отдыхающим. Он умел отдыхать, но только для того, чтобы восстановить силы для работы. Ему было более 80 лет. Он гостил у нас в Солнцево по несколько дней. Я видела, как ночью он, приподняв худенькие плечи, сидел за письменным столом при свете настольной лампы, чуть наклонив голову набок, что-то читал и делал пометки карандашом; левой рукой он держал лупу, так как очки не помогали, а один глаз почти ничего не видел. Сердце моё сжималось от жалости и боли. Я видела борьбу уже подобравшейся немощной старости с ясным и сильным разумом, с его неистребимым желанием жить и работать, осуществляя задуманное, опираясь на огромный опыт и накопленные знания. Может быть, внутреннее ощущение несоответствия между разрушительной силой физической старости (глухота, частичная потеря зрения) и молодостью души, тонко чувствующей, стремящейся к деятельности, было его личной трагедией, скрытой от внешнего взгляда?.. Я помню, как с горькой усмешкой он говорил: «Старость – это не радость, а гадость»...

В 100-летний юбилей со дня рождения дедушки мы собрались в Солнцево всей нашей объединённой семьёй. Весь вечер мы делились воспоминаниями о нём. Дети и внуки рассказывали – правнуки слушали. Эти воспоминания записаны на аудиокассету, которая будет передаваться будущим поколениям нашей семьи как память о дедушке, отце, крупнейшем учёном-финно-угроведе, писателе и поэте. Пусть они знают о том, что ни тяготы трудного детства, ни фронтовые испытания, ни лагеря ГУЛАГа не отравили его душу разъедающей мстящей обидой, не ожесточили её. С добрым, чистым открытым сердцем шёл он по жизни, познавая её, творя добро, в неустанном труде во имя науки, во славу своего народа и любимого им Коми края...

Сегодня коми народ, помня заслуги В. И. Лыткина, увековечил его память в мемориальных досках на здании Института языка и литературы Коми филиала Академии наук и на здании Сыктывкарского университета. Его именем названы школа, где он учился, и улица столицы Коми республики города Сыктывкара.

Проза. Поэзия

Дарья Снегирева

*Снегирева Дарья Сергеевна.
В 2009 году окончила Ухтинский филиал
Современной гуманитарной академии,
(психология). Работает журналистом в
ухтинских СМИ.*

Судьба – не точная наука

Дарья Снегирева родилась в 1987 году в Ухте. Первые стихи, сочинённые в шестилетнем возрасте, записывала в большую толстую тетрадь с пояснением на титульном листе: «Стихи, навеянные «Санта-Барбарой». Ещё писала о любви. «Приди ко мне, приди! Пойми меня, пойми! Пожалуйста, пойми! Приди к шальной любви». Автор ещё в школу не ходил.

А честолюбие поэта дало о себе знать лет в 9–10, и Даша стала активно «бомбардировать» письмами редакции детских журналов и газет: «Мурзилка», «Миша», «Жили-были». Публикациям радовалась, ликуя в душе и прыгая от счастья по квартире. Но особенно радовались её родители, которые исправляли грамматические ошибки и занимали юное дарование творческими играми. К счастью, детский порыв не иссяк с возрастом. В 17 лет её стихотворение было опубликовано в литературном альманахе Республики Коми «Белый бор». В 18 лет она написала поэму «Детдомовец», посвятив её своему другу по переписке из Казахстана – Денису Тубису. Поэма сразу была отмечена таким известным поэтом как Надежда Мирошниченко. Она назвала Дашу «своей» и взяла её под свою опеку. «Детдомовец» был опубликован в «Белом боре», в московском альманахе «Академия поэзии». Совсем недавно у Дарьи Снегиревой вышла первая книжка «Взрослым мальчикам». Не всё в ней ещё написано одинаково сильно, но несомненно, что у Даши есть все данные, чтобы стать настоящим поэтом.

Андрей Попов

* * *

Не нервничать, не дёргаться, не плакать...
Он виноват – понятно и ежу.
Его заложит первая собака,
А я скорее душу заложу.
Хотя... куда ценнее нынче – тело.
Сошла с ума... Но – Боже помоги! –
Я, видимо, и правда бы сумела...
Затем лишь, чтоб вернуть его долги.
Избита, опорочена, распята
И – вечна! Это лучшая броня.
Читайте Достоевского, ребята.
И бойтесь – сумасшедшую – меня.

* * *

Не говори, что это ненадолго.
Не повторяй пророчества слова.
Известно всем, куда впадает Волга
И сколько будет – два прибавить два.
А вот судьба – не точная наука,
Чтобы ответ безропотно принять.
Не говори, что мы не друг для друга.
Молчи и слушай – сердце, не меня.

* * *

Под ногой пробежала трещина –
Этот лёд безнадёжно тонок...
Я же чувствую всё, как женщина.
А веду себя, как ребёнок.
Как ребёнок – плохой, испорченный, –
Что выклянчивает игрушку...
Но однажды спектакль закончится,
А ребёнку не станет лучше.
Не поймут занятые взрослые,
Не узнают другие дети,
Что нужна не игрушка вовсе-то,
Ведь игрушек полно на свете.
Не игрушка – а что-то большее,
Что не требует доказательства.
Всё, что было, – в дороге брошено.
А надежда – как издевательство.
Слово «Дайте!» – как зов о помощи,
Что расслышали слишком поздно.

И ребёнок – как всякий тонущий –
Криком просто сбивает слёзы.
Стойте там! Я прошу – пожалуйста!
Подойдёте – утонем вместе.
Жизнь не терпит такие шалости,
Жизнь придумает способ мести.
И от этой паршивой истины
У меня на душе так скверно...
А спасти может тот... единственный...
Только он не спасёт, наверно.

Звезда

Звезде положено светить...
А если нет ни сил, ни света,
Зачем подмигивать планетам,
Блестящий сохраняя вид?..
Звезде сорваться бы, горя!..
И вновь – на грани угасанья,
Как смертник, – загадать желанье...
Стать чем-то вроде фонаря.

Про Монако и Макао

Давай уедем с тобой в Макао
(Не хочешь? Ладно, тогда в Монако).
Я буду утром варить какао
И втихомолку от счастья плакать.
А ты научишься улыбаться –
Под небосводом безбрежным лёжа.
Давай уедем туда, где шансы
Бывают даже у безнадежных.
Давай уедем – ведь это просто!
На отпускные купить билеты –
И без сомнений, и без вопросов
Уехать в сказку с названием «Лето».
Туда, где небо блестящим лаком
Покрыто; звёзды горят веками.
Давай уедем с тобой в Монако
(Не хочешь? К чёрту – тогда Макао).
Давай уедем туда, где осень
Подобна бреду. Но время лечит.
Давай уедем – кого-то бросим,

Солжём кому-то: «До скорой встречи».
Давай уедем туда, где море
Шершаво лижет сухие пляжи.
Туда, где ярче глаза и зори,
Мечты – прозрачней, а кожа – глаже.
Туда, где пальмы – такие дылды,
А мы с тобою – всего лишь люди.
...Давай уедем туда, где ты бы
Сумел однажды сказать, что любишь.

Пророчество

Давай я напишу, как это будет.
Как ты мне скажешь: «Нет, не уходи».
И дрогнет мир – и не заметят люди.
И что-то остановится в груди.

А мы стоим... вот так – ладонь в ладони.
«Уйду – умру... Пожалуйста, спаси!»
И ты молчишь. И тихо в целом доме.
И не дождётся, видимо, такси.

А мы с тобой – две раненые птицы:
Друг друга приучая к высоте,
Боймся не разбиться, а забыться –
Пути назад не вспомнить в темноте.

«Не бойся, я с тобой, держи фарватер...
По курсу счастье – видишь, впереди?..»
И мы ни в чём не будем виноваты...
И надо лишь сказать: «Не уходи».

Не верю я ни в колышек осины,
Ни в колдовство, ни в хитрости фэн шуй...
Но знаю, что в стихах моих есть сила –
Я потому об этом и пишу.

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужы Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Мужы

Начало в №№ 2 и 3 2010 года

Пашка

В нашей сельской пекарне работает полная, небольшого росточка женщина с курносым щекастым лицом, ничем не примечательная, увядшая к пятидесяти годам, которую и дети, и взрослые зовут Клавкой. Живёт она в маленькой избёнке на краю села, которую зимой заносит по конёк, и хозяйка ходит по узко прокопанной в снегу траншее, а летом на завалинках разводит цветы – ни у кого я такого не видел – и всю свою нерастраченную ни на кого любовь передаёт им. Ни близкой, ни далёкой родни у Клавки нет, привезли её с эвакуированными детьми в сорок первом, и росла она в детдоме, который давно закрыт, уже и здание развалилось, стоит пугалом на отшибе возле кладбища, гудит всеми щелями на ветру, и давно бы снести его пора, да некому.

Клавке денег хватает, но ходит она всегда в изношенной одежде и только любит почему-то цветастые косынки, часто их меняет, и если кто-нибудь едет в город, то непременно заказывает купить поярче.

Никто Клавку всерьёз не принимает, и она как-то обходится без подруг, с бабами ей говорить не о чём – ни семьи, ни хозяйства, – а если что-то и скажет когда, то никто к её словам не прислушивается. Что она может, мол, понимать?

Но память людей изменчива и привередлива... А ведь много лет назад из-за этой женщины мой братан, тётки Анисьи младший сын, утопился.

Я десятый класс заканчивал, когда разыгралась Пашкина драма, а вернулся

он из армии осенью предыдущего года, возмужавший, крепкий, видный из себя парень, не знавший унынья и злости, сразу привлёкший особое внимание всех девчат, что были – как говорится – на выданье. А Клавка и тогда была Клавкой, работала в пекарне, ходила в том, что успеет натянуть, только была молода, щёки налитые, между ними – вздёрнутый носик, глаза живые, смешливые, и вся сдобная, тёплая, как белые булочки, что пекла, вечно что-то напевая.

Никто за Клавкой не ухаживал, разве подвыпивший кто пойдёт после танцев провожать, прикинув в голове, что девка одна живёт на краю деревни, может, что и согласуется, но Клавка никого не пускала в избу, а если кавалер начинал приставать, лапать её и тискать, рука её была тяжёлой, носы квасила запросто. Потом обиженный кавалер сморкался кровью и матерился сквозь зубы.

– Надо по-хорошему, – назидательно говорила Клавка.

– Чего?

– Женись, тогда, пожалуйста.

– Нужна ты кому-то! – бросал бедолага и уходил прочь, чтобы уже никогда не подойти к пекарше.

Братан мой Пашка влюбился в Клавку, как только вернулся со службы, да так втрескался, что никакой управы не находилось на него, будто сдвинулось что-то в голове, хоть ты колуном бей... Уж братья ругали его, мать плакала, отец ремнём размахивал – завидные же невесты были, за свадебный стол посадить не стыд, а он Клавку выбрал, у которой ни ума, ни стати, которая ничем не вышла, жалеть можно, а любить...

Девчата от Пашки отвернулись, обиделись, парни посмеивались над ним, успокоились за своих невест, один председатель рыбокоопа радовался – дрова для пекарни ухажёр колот кубометрами, на лошади старшего брата воду возил, зимой снег во дворе разгребал и никакой платы не брал за воловий труд, и делал всё это единственно для того, чтобы Клавка снизошла до него, пустила посидеть на лавке напротив печи, возле которой крутилась она, румяная, пышная, крепкая.

Какая муха укусила Клавку? Или в природе это у всего женского рода? Но стала она мучить Пашку, и чем больше он страдал, тем больше изгалялась, при людях насмешки строила и задирала свой коротенький нос, будто какая заморская принцесса. Пашка всё терпел, в морозы часами простаивал у дверей её избёнки и ждал, потому что обещала выйти, да будто забыла и – стирать принималась или читала районную газету, держа на вытянутых руках. А то ради смеха, чтобы знакомых повеселить, назначала свидание на почтовой горе, и торчал там Пашка у всего села на виду часами, так что Клавка не одну косынку выпорила. Пашка ездил как-то по делам в Салехард, купил там на последние гроши красивую брошь. Так она, Клавка, фыркнула и подарок бросила под ноги. Дурила девка прямо на удивление всем, будто ведьма вселилась в неё. Уж и пожилые бабы говорили с ней, мол, парень-то больно хороший, где тебе ещё такого найти, брось ломаться, выходи за него, детей нарожай да живи припеваючи. Так она отвечала:

– Пусть он мне с луны камень принесёт. Песня такая есть... «Принеси мне лунный камень». Вот принесёт – тогда выйду...

В мае, как только открылась река, как только уплыли на север последние изъеденные солнцем льдины и вышли суда на вольную воду, собрался Пашка в

дорогу. В это лето решил он плавать кормприёмщиком на плашкоуте, и должны были его посудину поднять вверх по Оби километров на пятьдесят, где рыбаки ловили муксуна и щокура. За полчаса до отплытия Пашка ушёл с берега и, как я потом узнал, напрямик двинул к Клавке, при этом вид у него был самый решительный. Какой у них произошёл разговор в избушке, того никто не расскажет, потому что Клавка молчит, а других свидетелей не было, но вышел Пашка оттуда очень расстроенный и шёл назад, никого не узнавая. Я был на причале, ждал его. Он подошёл, постоял рядом, потом руку пожал и сказал тихо:

– Ну, бывай...

Катерок уже стучал, выстреливая из трубы тугие клубки дыма, рыжий капитан Сенька Шнайдер прошёл в рубку и нахлобучил на голову великоватую ему фуражку с огромным крабом. Пашка убрал сходни, я подал концы чалок, и катерок потащил за собой три плашкоута. Пашка сел на деревянный кнехт и так сидел неподвижно, пока мои глаза его различали. Что случилось потом, уже рассказывал Сенька. Они только свернули за мыс, и Сенька чего-то оглянулся, будто его кто окликнул. И тут он увидел, как Пашка соскользнул с кнехта, на минуту уцепился локтями за борт, повисел, как распятый, и ухнул в реку. Труп долго искали и нашли через месяц ниже села. Везти его было невозможно, и закопали там же на берегу, сколотив гроб из не поструганных досок, лежавших штабелями неподалёку. День был жаркий, спешили.

Тут был широкий с озёрцами луг, трава росла высокая, сочная и густая, как шерсть.

Клавка утопленника не видела и на могилу не пошла: то ли боялась, то ли не хотела никому показывать своих чувств. Никто не заметил её слёз или скорби, всё так же продолжала ходить в пекарню, пекла хлеба, но за лето вдруг увяла, померкла, будто серой пылью обсыпало её румяное прежде лицо, глаза выцвели, и в упругом ещё теле появилась заметная вялость. Ни с кем она о Пашке не заговаривала, начала цветы разводить на завалинках своей избёнки.

Пашкины братья ненавидели Клавку, грозились что-нибудь такое сотворить, отчего она не рада стала бы жизни, однако утихли постепенно, притерпелись к ней и только при встрече отворачивались, не могли смотреть на неё.

Годы шли, ничего в Клавкиной жизни не менялось, жила бобылкой, старела. Я часто её вижу, встречаю на улице почти каждый день: то в пекарню идёт, то в магазин. Перекинемся двумя-тремя необязательными, ни о чём не говорящими словами и разойдёмся. Но каждый раз, глядя на её тусклое лицо, на её сонную походку и тяжёлую сутулую спину, я вспоминаю своего брата Пашку, и грустно мне становится – никак не могу понять, что же он в ней нашёл. С той же печалью ухожу иногда от суеты к его могиле, подолгу сижу на сколоченной из плах скамье, смотрю на желтоватые воды Оби и снова спрашиваю неведомо кого: что же он в ней нашёл, что такое рассмотрел, невидимое остальным? Томит меня и мучает, вопреки времени, вопреки многим утёкшим годам, всё тот же вопрос: какое скрытое диво разглядел он в Клавке? И знает ли она сама, отчего была любима так, как редко какая женщина бывает любима на этом свете?

* * *

С кожаным диваном, что стоял в Володином кабинете, была целая история. Она тем примечательна, что весьма характерна для Володи, и потому не могу уйти от соблазна рассказать обо всём по порядку.

Случилось это в начале семидесятых годов, если не изменяет память. А может, в конце шестидесятых. Но время тогда было ровное, неподвижное, как вода в пруду, так что разницы и нет.

На фасаде горкома партии висели огромные портреты тогдашних членов Политбюро, а немного выше метровые буквы гласили, что партия и народ едины. Горком помещался в трёхэтажном кирпичном здании, стоявшем на главной площади городка, и перед ним на высоком квадратном постаменте сияла окрашенная алюминиевой краской маленькая фигурка Ленина с вытянутой чуть в сторону рукой. Вождь указывал на расположенную с правой стороны площади церковь, от которой остались щербатые стены и остов крыши.

Почему и по какому делу мы оказались в том городке, я уже не помню, но выпало отчего-то много свободного времени, и мы бродили по улицам, наслаждаясь бездельем. Отличное это состояние, когда тебя не гнетут заботы и не надо никуда спешить!

Перед памятником вождю Володя остановился, показал рукой на порушенную церковь и сказал не без горечи:

– Никогда не прощу ему.

Тогда о вожде ещё не знали того, что теперь, и люди винили в своих бедах кого угодно, только не его. И Володя был одним из тех, кто понимал всю фарсовую трагичность шествия к светлому коммунизму, но объяснял это отходом от ленинских заветов.

Володино «не прощу» на площади заштатного городка прозвучало для меня чуть ли не кощунственно.

– Не он рушил, – сказал я.

– Первый замахнулся. Не спорь.

– Я не спорю, но...

– Никаких «но». Я знаю, что говорю.

– Религия задушила бы революцию.

– При чём тут храмы?

– Религия и храмы – одно целое.

– Тёмный ты человек, Афанасий. Замолчи и не огорчай меня. Ещё минута – и мой бедный мочевого пузырь лопнет.

– В этом городке общественного туалета нет. Сообщаю тебе об этом не без злорадства.

– Ой, заткнись!

– Однако что же делать?

– Идём в горком. Там-то есть...

И мы с деловым видом двинулись к парадному подъезду, прошли в солидные высотой и массой двери и были остановлены дежурным милиционером, который поднялся из-за столика и встал на пути, явно угадав незваных посетителей.

– Куда? – спросил довольно вежливо и даже козырнул при этом.

Я решил промолчать, положившись на Володю, и даже с интересом ждал, что будет дальше.

– Понимаешь, братка, – начал доверительно Володя, и я замер с открытым ртом, потому что увидел, как передёрнуло физиономию милиционера, – мы по малой нужде.

Рука постового поползла к тяжёлой кобуре на боку. Он понимал, у дверей какого святилища стоит, и первым порывом было арестовать наглецов. Но мой глупый вид и обескураживающая улыбка Володи несколько охладили стража порядка или ему показалось, что ослышался, но как бы там ни было, а пистолет остался в кобуре.

– Вы уж нас извините, – продолжал Володя. – Мы приезжие. Не станем же на улице... Сами понимаете.

– Вон отсюда! – побагровел милиционер и с ужасом увидел, что по лестнице спускается нам неизвестное, но для него большое начальство – маленький толстяк в сопровождении небольшой свиты.

Должно быть, никогда в жизни постовой не оказывался в такой сложной ситуации, когда не знаешь, что и делать. А тут ещё Володя миролюбивым голосом говорит:

– Хозяин идёт, спрошу у него.

Выталкивать нас на улицу на глазах у руководства, может быть, первого секретаря, местного царя и бога, милиционер не осмелился, однако понял и то, что Володя полезет к начальству со своей чудовищной просьбой, и тогда неизвестно, что будет, какой скандал разразится, но всему виной окажется он, поставленный здесь соблюдать порядок. Положение сложилось аховое, в полном смысле слова – бедственное.

Напротив парадной двери, у которой мы торчали, находилась другая, ведущая во двор. И в последний миг милиционер принял героическое решение, мотнул головой на служебный ход и бросил со злостью:

– Бегом!

Мы ринулись и пересекли коридор перед самым носом у начальства. Оказавшись во дворе, Володя ринулся к сортиру и после нескольких минут вышел умиротворённым и довольным жизнью.

Горкомовский двор был огорожен высоким забором из обрезных досок, возле открытых ворот находились гаражи под общей крышей, рядом высилась куча железных труб, лестничных переплётов и разного другого металла, схваченного ржавчиной, а в дальнем углу горел костёр: какой-то сутулый мужчина как раз бросал в огонь поломанный стул. Володя прямо-таки замер, увидев возле костра огромных размеров кожаный диван, вокруг которого ходил дюжий мужик с топором и явно собирался разделать антикварную вещь, как говяжью тушу.

– Друг и товарищ! – кинулся к рабочему Володя. – Пойдите, прошу вас. Жечь, что ли, собрались?

Оба мужика уставились на него, не понимая, чего от них хотят.

– Вы его оставьте, – попросил Володя, показывая на диван.

– Не положено, – буркнул рабочий с топором, но медлил, чуя интересный поворот дела, и не ошибся.

– Две бутылки поставлю, – обещал Володя.

Тогда уже была в ходу жидкая валюта. Лица рабочих стали доброжелательнее, в глазах появилось уважительное внимание к чужаку.

– Хохлова надо, – почесал один из них затылок.

– Где он может быть? – с философским глубокомыслием произнёс второй.

– У себя? – предположил первый.

– Сходи, – посоветовал второй.

– Не-е, лучше ты.

– Да на кой чёрт Хохлов этот?! – воскликнул Володя, с трепетным волнением разглядывая диван. – Я вам бутылки – вы мне диван. Скажете – сожгли.

– Догадается, – усомнился первый рабочий.

– Это уж непременно, – подтвердил второй. – У него нюх.

– Кто этот Хохлов? – спросил Володя с досадой.

– Завхоз наш.

– Без него нельзя?

– Никак без него...

– Как он к этому? – Володя артистично щёлкнул себя по шее.

– Уважает, – солидно заверил первый рабочий. – Завсегда готов.

– Тогда зовите.

Рабочие топтались на месте, соображая, кому сподручней идти.

– Ну, что вы? – спросил нетерпеливо Володя.

– Мы вчера того... – стал объяснять рабочий с топором. – Перебрали малость.

Вроде обидели Хохлова-то...

– Заодно и помиритеесь, – сказал Володя. – Чего маяться? Несите сюда Хохлова.

На что человек не пойдёт ради опохмелки! Очень важное дело – голову поправить. С больной-то башкой дюже худо жить, никакого удовольствия.

Володя обходил диван, разглядывая с разных сторон, и было ясно, что вещь ему понравилась настолько, что дело принимает крутой оборот. Посланец – мужик без топора – задерживался, должно быть, Хохлова не оказалось на месте, и пошёл искать, потому что возвращаться без завхоза никакого резона не было. Володя нетерпеливо поглядывал на дверь, потом пошёл по кругу, заложив руки за спину и что-то мурлыча, затем остановился и долго стоял, широко расставив ноги и уставясь на увечную церковь.

– Когда разрушили? – спросил Володя мужика.

– Церкву-то? – не сразу понял рабочий. – В войну вроде...

– В войну? Вроде или точно?

– Так слышал...

– Может, свои постарались?

– Не могу знать, – уклончиво ответил мужик.

– Приезжий?

– Да ни-и, местный.

– С какого года?

– Я-то? С тридцать пятого.

– И не знаешь? Не видел, не слышал?

– Да что мне до церкви? Стоит и стоит. Я не верующий, интереса нет.

– Верующих много?

– Бабки больше. В соседний городок ездят. Там церква стоит. Прошлым летом загорелась, деревянная... А тут ливень.

- Выходит, есть он, Бог-то.
- Может, и есть.
- Так есть или нет по-твоему?

– Скажи – есть, уволят с работы. Тут с этим строго. Да и не приучен с детства верить-то... В детдоме рос. Туда Бог не заглядывал, обходил стороной.

Должно быть, нахлынули невесёлые воспоминания, лицо рабочего помрачнело, обиженно скуксилось, и Володя не стал продолжать расспросы, а молча смотрел на разрушенную церковь и о чём-то своём думал.

Я знал его слабость к старине, он жил как бы в двух измерениях – в прошлом и настоящем. О будущем Володя говорить не любил и откровенно признавался, что ничего хорошего не видит. Мельчает человек, говорил он, с каждым веком что-то уходит навсегда, будто вымывается проточной водой не песок, а золотые крупинки, и становится всё меньше неповторимых людей, обесценивается душа, всё больше властвует рассудок, иссушая живую жизнь, подлаживаясь под общую моду, под стандарты.

Мне тогда казалось, что Володя не признаёт Христа богом. И я как-то спросил:

- Так ли? Миф и не более?

– Нам, людям, – ответил Володя, – не дано представить, что есть Бог, потому что это выше нашего разума. Я знаю одно – Он всемогущ. А раз Он всемогущ, то почему же не мог послать на землю Учителя ради спасения людей?

К учению Христа Володя относился прямо-таки свято, хорошо знал Евангелие, мог бесконечно долго толковать о святом писании и был, как Лев Толстой, уверен, что люди однажды получили единственно верную науку о том, как надо жить, но не захотели и не сумели её понять. Чтобы суметь, надо захотеть. А этого не случилось.

– Да какие же это верующие люди, – возмущался он, – если католики считают, что правильно веруют они, а православные думают наоборот, но те и другие готовы головы рубить, чтоб доказать своё. А «не убий»? И во всём этом виноваты церковники. Терпеть их не могу. И за то даже, что приучили молиться и бить поклоны, считая это занятие чуть ли не главным долгом перед Богом. Ведь мы в своих молитвах только и делаем, что попрошайничаем. Христос по воле Бога дал нам учение на понятном нам языке. Но легче же поклоны бить, чем следовать Учению. Бог дал человеку всё – разум, волю, душу... Дал прекрасный земной мир. А люди всё равно просят и просят что-то у Бога, будто они слепые и глухие, неразумные и безрукие. Бог всё дал. И главное – есть Учение. А мы всё чего-то ждём от него. Помоги! Снизойди! Спаси нас! А он уже всё сделал для нашего спасения. Во всех бедах своих мы сами виноваты, потому что живём не согласно, а вопреки Учению.

– Как же так, приятель? – перебил я как-то его. – Ты не жалуешь церковников, но прямо-таки балдеешь перед церковью, если даже от неё остались одни стены. Как же тебя понять?

– Что ты говоришь, Афанасий! Храмы, братка, складывали по кирпичику. Не год и не два воздвигали стены, подводили своды, ставили купола. Потом художники расписывали изнутри и снаружи, создавали иконы, чеканили оклады. И все эти мастера знали, что они строят не коровник, не тюрьму, а храм. Эта вера, что

они строят храм, осталась, хотя их самих давно нет. Потому в любом храме особая аура, даже в порушенном я чувствую излучение веры давно умерших мастеров. Это убеждает меня в бессмертии добродетелей.

– Делишь людей?

– Да. Одни просуществовали, нагадили, начадили и вымерли. Одна польза – хоть какое-то удобрение. А творящие добро никуда не исчезают, они остаются. Не могу объяснить, каким образом, но они с нами, их незримое присутствие необходимо для полноценной жизни, вроде кислорода. Они питают своим излучением душу. Когда я ступаю в храм, особенно остро это чувствую.

Так в те времена думал мой друг Володя.

Я не заметил, как вышли из здания двое, и увидел их в десяти шагах. Хохлов был явно из отставных, ещё сохранилась армейская выправка, но простоватое лицо уже носило плутовское выражение начальника по хозяйственной части.

– Кто такие? – спросил он с вызовом, ощупывая нас подозрительным взглядом.

Рабочий, конечно же, всё ему объяснил, но должность требовала держать фасон. Володя достал билет члена Союза писателей и протянул на изучение. Хохлов внимательно ознакомился с документом и перевёл взгляд на меня.

– С вами?

– Со мной, – поспешно ответил Володя.

– Тоже писатель?

– Нет, – замотал я головой. – Мы это... Ничего писать не собираемся. Мы насчёт дивана...

Хохлов не обратил никакого внимания на мои слова и перевёл строгий начальственный взгляд на Володю.

– Где служите?

– Нигде. На вольных хлебах, так сказать...

– Интересное дело, – посмотрел Хохлов на своих рабочих. – Как это – нигде? Указ о тунеядстве не отменяли.

– Всё в порядке, – уверил его Володя. – Как член Союза имею право.

– Надо будет проверить. – Хохлов задумчиво посмотрел на меня. – И по какому делу пожаловали?

– Смотрю, – начал Володя, – жгут. Я, можно сказать, с детства мечтал о таком диване. Где ты его сегодня купишь? Явно смастерили по заказу.

– Вещь натуральная, – солидно подтвердил Хохлов.

Сию мебельную единицу трудно было и назвать-то диваном, потому что представлял он из себя нечто более значительное, своими объёмами и вместительностью напоминал Ноев ковчег или то самое райское облако, на котором блаженствуют святые; на нём можно было при желании даже попрыгать, как на батуте, но это уж, конечно, излишества и баловство, на самом же деле он не внушал никакой легкомысленности, а был как бы воплощение величия государства. В прошлые годы подобные диваны занимали места в самых больших кабинетах, потом стали постепенно исчезать, а этот чудом, как последний мамонт, сохранился в периферийном городишке и в свой предсмертный час случайно попался на глаза Володе.

– Продайте его мне, – сказал Володя.

– Не положено, – ответил Хохлов.

– А что положено?

– Списать.

Я тогда работал на киностудии и никак не мог понять, почему использованные декорации списывали и непременно сжигали. Такой пиломатериал бросали в огонь, что сердце ныло. По всей стране миллионы костров горели на дворах складов, магазинов, учреждений, чтоб никто не воспользовался списанным. «Не положено» – эти два слова определяли дух эпохи куда полней, чем многие тома научной литературы.

– Какая разница, – спрашивал Володя, – спалите вы или я заберу.

– Есть инструкция.

– Я же не даром.

– Тем более. Я не собираюсь из-за вас расставаться с партбилетом.

– Отчего же расставаться?

– Узнают – не сдобровать.

– Никто не узнает.

– Это не иголка, а мебель. Увидят – доложат.

– Ночью вывезу.

– У нас сторож.

– Со сторожем я полажу. Вы-то сами согласны?

– Ничего я не согласен. На что вы меня толкаете? Прошу удалиться с территории.

Володя посмотрел на рабочих, и ему, видимо, показались подозрительными их спокойные лица. С чего бы это? Ведь явно жаждали опохмелиться. А тут слушают своего начальника чуть ли не одобрительно. И Володя догадался, что завхоз набивает цену: двух бутылок, о которых посланец не преминул сообщить, было мало за такой роскошный диван.

– Трудно говорить, когда во рту сухо, – улыбнулся Володя. – Надо промочить.

Или я что-то не то говорю? А, славяне?

Он достал деньги и протянул одному из рабочих.

– Для начала. Закусить сообрази.

Хохлов цепко глянул на деньги, кашлянул в кулак и, подобрев, кивнул головой:

– Грех отказаться от угощения.

– Очень мудро заметили, – поднял палец Володя. – Где устроим мальчишник?

– Вопрос разрешимый, – вовсе расслабился Хохлов и, кивнув на диван, сказал рабочему:

– Пусть постоит...

Гонец мелкой рысцой и с видом счастливого человека побежал в магазин, а мы все дружно двинулись к гаражам. Хохлов зыркнул глазами в разные стороны, летучим взглядом окинул горкомовские окна и, показав на дверь гаража, коротко бросил:

– Быстро!

Мы юркнули в узкую дверцу и оказались в пустом помещении со множеством полок, на которых лежали детали, запасные части и стояли банки с маслами. В углу приютился письменный стол с двумя тумбами под зелёным сукном, словно сбежал с надоевшей службы и тут прижился.

В этом укромном месте после прихода гонца и первого тоста за здоровье

Володя продолжил сложные дипломатические переговоры о судьбе дивана. Рабочие окосели быстро и, умильно поглядывая на три ещё не тронутые бутылки, стали поддакивать Володе и убеждать Хохлова, что хорошим людям надо бы пойти навстречу.

Хохлов ещё какое-то время хорохорился, строил из себя начальника, но водка делала своё дело, и человек преобразился, да настолько резко и круто, что я подивился. У наших новых знакомых появились неуёмная энергия и чертовская сметливость. К тому времени уже наступили сумерки, и я лишь помню, что мы все суетились под команды Хохлова: откуда-то взялась грузовая машина, в кузов которой мы погрузили диван, потом ещё пили, и всё складывалось славно, с каждой минутой крепла наша дружба с Хохловым, с рабочими, а затем и с водителем грузовика. Только назавтра я охнул, узнав, во что обошлась Володе покупка.

Мы с Володей пришли в себя в кузове летящего в ночь по шоссе грузовика. На диване.

– Зачем он тебе? – похлопал я по отменной коже.

– То есть как зачем? – удивился Володя.

– Ну, вот зачем?

– Так это же всем диванам диван! Такого, брат ты мой, ни у кого нет. Только представь себе – приходит Лагин. Видит – диван. Он же от зависти лопнет. Стихи разучится писать. А Леокадия Петровна? Она же тронулась на антиквариате. За этот диван себя предложит.

– Устоишь?

– Да я за этот диван...

– Ну, что, что?

– Костью лягу. Ничего ты не понимаешь, Афанасий. Вот что я должен тебе официально заявить.

– И чего же я не понимаю?

– Не можешь даже представить, как обрадуется этому дивану Саша. Ты заметил – она кошка. Разве что не мурлычет. А какая же кошка не полюбит сей диван?

– Выходит, для Саши старался?

– Я давно думал, что бы такое купить. Для неё бабьи мечты: все эти кольца, ожерелья, клипсы – побрякушки. Она кошка и не нуждается в украшениях. Сама шьёт на себя. Тоже кошачья натура, не хочет походить на других. И потом... никакого подарка Саша от меня не примет. А этот! С этого дивана она не сможет слезть. Всё! Остаток жизни проведёт на этом диване. Тут будет завтракать, обедать, читать, спать и вообще блаженствовать, как любая уважающая себя кошка.

Проплывали ночные огни деревень, над головой искрилось звёздное небо, машина неслась вперёд, нервными лучами фар нащупывая ускользящую дорогу, и казалось в темноте, что мы летим в глубины космоса, покачиваясь на мощных пружинах сработанного на века дивана.

– Худо твоё дело, Володимир, – заявил я тогда. – Влюбился ты. Вот что случилось, мой дорогой! А должен знать: семейные узы – что кандалы. Прощай, свобода! Может, в последний раз мы с тобой вырвались на волю.

– Глупый ты, Афанасий...

– Ой ли?!

– Послушай меня и постарайся понять...

Пошла неровная дорога, и нас так подбрасывало – того и гляди, окажемся за бортом. Диванные пружины работали отменно, какое-то время мы находились в воздухе и не ведали: в кузов опустимся или уже на асфальт. К счастью, колдобины кончились, машина покатила ровно. И Володя, развалившись на диване, продолжал:

– Я глубоко верующий человек, Афанасий. Не католик, не православный, не буддист, не мусульманин, а просто верующий. В Бога верующий. Ему нет имени, нет сравнения, нет определения. В человеке гнездятся страшные силы, вся нечисть уместилась в нём, самые низменные страсти нашли приют. Хуже того – эти низменные страсти приносят радость и упоение человеку. Вот мы с тобой напились, как свиньи, а ведь не вопим, что больше не будем. Мы запомнили, что нам было хорошо. Да сколько соблазнов вокруг, на которые человек падок! Я уж не говорю о деньгах, о власти... По мелочам возьми. Ленишься слаще, чем трудиться. Соврать легче, чем сказать правду в глаза. И так далее, и так бесконечно. Откуда же в человеке вся пакость и блуд? Кто её посеял? Отчего так трудно освободиться от дурного? Почему нас так тянет в грязь? Грех сладок и доступен, а человек слаб.

– И откуда же пакость и блуд?

– Оттуда, – хмуро ответил Володя. – На ночь не след вспоминать нечистого. Но я не о том. Бог, только Бог ограждает человека от духовной гибели. Это я по себе знаю. Бог посылает ангела-хранителя. Именно это я хотел сказать тебе, Афанасий, по поводу Саши.

В наше время разговоры о Боге стали модными, а тогда было странным слышать от грамотного человека подобного рода рассуждения, и я даже чувствовал какую-то неловкость оттого, что не мог серьёзно воспринимать Володины слова, однако не смел и отмахнуться – пустое, мол, в жизни всё просто объясняется: животные мы, отсюда и себялюбие. И уж никак не полагал, что кому-то есть до меня дело, что кто-то печётся о моей душе. Я, конечно, не был правоверным материалистом и не оспаривал существования высших сил, но твёрдо был уверен, что Вселенная велика и Богу не до людей, хватает у него других забот.

А Володя, сидя на диване в кузове грузовика, летящего в ночи, говорил с непоколебимой верой, что Сашу послали ему небеса, что она его ангел-хранитель.

– Саша пришла утром того дня, когда я проснулся с мыслью сегодня же и непременно покончить с собой. Меня совершенно перестали печатать, но я не винил партийную цензуру, а решил, что потерял талант, пропил его, сгубил и стал бездарем, каковым жить не могу и не хочу. И тут появляется юная девушка, говорит, что любит меня. Я в жутком состоянии после вчерашней безобразной пьянки, и она не может этого не видеть; но вовсе не пугается, а ведёт меня на кухню, поит чаем и чудным своим голосом говорит о том, какой я нужный писатель, как много знаю о неуправной душе человека...

Володя впервые говорил так о Саше, его будто прорвало.

– Она чиста, – Володя прижимал ладони к груди, – удивительно, в ней нет ни капли хитрости. Она всегда такая, какая есть. И мне стыдно перед нею быть циником, грубияном, пошляком, вруном, наконец. А это всё есть во мне – цинизм,

грубость, ложь... Но при ней и даже при мысли о ней я стараюсь быть лучше. Это происходит помимо воли. Она ангел. И Бог послал её во спасение мне. Вот так, братец Афанасий. Если ты понял и поверил мне, буду тебе очень благодарен.

Я не ответил. Я смотрел на огни приближающегося города и думал о том, сколько же в тысячах многоэтажных домов живёт народу! А по всей земле? Где ж напасть на всех ангелов?

Диван мы выгрузили у подъезда Володиного дома, рассчитались с водителем и, оставшись вдвоём, одновременно поняли, что наше приобретение ни в какие двери не пройдёт.

– Утро ночи мудренее, – сказал Володя, после чего мы валетом устроились на диване и тут же уснули.

Я проснулся первым. Сияло солнце, глухо гудел город, был в разгаре очередной будничной день. Я поднялся, посмотрел по сторонам и заметил поодаль зевак, которые сгорали от любопытства: что за диван появился у них во дворе и почему знакомый им товарищ писатель со своим дружкой спит на улице.

Володя жил тогда в двухэтажном восьмиквартирном доме послевоенной постройки. Во дворе среди тополей стояли детские качели, беседки и карусель, скособочившаяся и намертво застрявшая. Сиденья карусели облюбовали бабки и заседали там целыми днями, как нынешние политики за круглым столом.

Я растолкал Володю. Он долго не понимал, где оказался, потом очухался, увидел соседей и, широко улыбаясь, приветствовал их.

Теперь они получили право приблизиться и задать мучившие с утра вопросы.

– Где продают? – спросила вежливо бабка.

– Сколько же он стоит?! – подивилась вторая.

– Вроде не новый, – вставил слово кто-то из мужчин.

– Кожа, глянь, не заменитель.

– Хорошая вещь.

– Умели раньше делать.

– Такие нынче не продают.

– В учреждениях видел.

Мы с Володей только вертели головами, переводя взгляд с одного на другого, а люди рассуждали и в нас явно не нуждались.

– Мужики! – поднял руку Володя и утихомирил соседей. – Вот что скажите: разбирается этот диван или нет?

Вопрос был серьёзный и требовал осмысления. Соседи стали обследовать диван. Тут ещё какие-то доброхоты пришли, образовалась солидная комиссия.

– Не, – сказал один из экспертов. – Не разбирается. Цельная вещь.

– Как же в квартиру внести? – спросил Володя с таким видом, словно собравшиеся обязаны были знать, как это сделать.

Уж кого-кого, а советчиков всегда хватает. Один шустрый даже предложил крышу разобрать, благо, тащить предстояло на второй и последний этаж. Никто его не поддержал, но мысль он заронил – можно обойтись без дверей. Тут гражданин с портфелем, худой и костлявый, будто век его не кормили, стал развивать теорию о том, как можно распилить диван на три части и потом склеить специальным клеем, который у него есть, и он с радостью одолжит его. Второй товарищ, объёмный и упитанный, пристально смотрел на балкон и был чрезвычайно задум-

чив. Многие заметили его неотрывный взгляд и тоже уставились на балкон. Зрела идея.

– Окно, – сказал упитанный.

И началась бурная деятельность. Откуда ни возьмись, появился складной метр, будто кто-то носил его в кармане на всякий случай. Охотники помчались измерять окно. Велико было огорчение толпы, когда выяснилось, что и в окно диван не пролезет. Но упитанный товарищ был явно из неугомонных рационализаторов. Он предложил выставить оконный блок вместе с балконной дверью, что тут же и было исполнено, несмотря на протестующие вопли Володи. Я ещё раз убедился, что ломать – не строить, моргнуть не успел, как уже зияла чуть ли не на всю стену дыра. Побили много стекла. Но как обойтись без издержек в таком новом деле? Толпа это понимала.

Но более всего поразил меня момент с верёвками. Я и теперь не могу объяснить этого феномена. На вопрос упитанного: «Может, у тебя верёвка есть?» – худосочный положил плашмя на диван портфель, щёлкнул замками и вытащил два мотка прочных, как парашютные стропы, верёвок.

Далее всё шло, как по плану. Командовали все, у кого голоса хватало, но работа ладилась, потому что кричали одно и то же. Четверо поднялись на балкон, остальные помогали снизу. Диван шевельнулся, оторвался от асфальта, повис, покачиваясь, потом пополз вверх.

– Давай! Давай!

– Тяни правую!

– Левую тяни!

– Ровней, мать вашу!

Диван достиг балкона, и тут возникла новая загвоздка: требовалось его развернуть и пропустить в проём торцом, потому что дураку было понятно – иначе не пройдёт. А ты разверни! Этакую махину! На тесном балке!

Однако народ был неунывный, посыпались советы один другого чудней, а четверо мужиков сопели, бесполезно напрягая мышцы, и вдруг завопили:

– Берегись!

Не удержали всё-таки, рухнул диван со второго этажа, всей тяжестью грохнулся на асфальт, благо люди успели разбежаться. Я видел, Володя схватился за голову и закрыл глаза. Я и сам отвернулся, чтобы не видеть жалких обломков. И вдруг – крики, вопли, смех, будто всеобщий праздник наступил. Я посмотрел на диван, и сердце моё наполнилось гордостью за безымянных мастеров. Цел!

Долго рассказывать, как люди обсуждали ситуацию, что предлагали, какие великие идеи возникали, но всё кончилось тем, что худосочный гражданин пригнал кран, а тут ещё подкатили пожарники на трёх машинах, выяснилось – по ложному вызову, и общими силами всё-таки водворили нерушимый диван в кабинет Володи.

Потом мы с Володей неделю наводили порядок, приглашали плотника и стекольщика, чтобы восстановить балконную дверь и окно, расставили книжные полки, так как диван сильно потеснил их, поменяли ободранные обои и побелили обшарпанный потолок.

– Ну, доволен? – спросил я Володю, когда вся суета улеглась.

– Очень! – сказал он, восторженно глядя на диван, и неожиданно для меня философски изрёк: – Какие зады на нём сидели! Эпоха!

Володя оказался прав – Саша, увидев диван, пришла в неописуемый восторг. Она радовалась, как ребёнок. И Володя был счастлив видеть её такой.

Я, забытый ими, смотрел со стороны и думал: «А что, если Володины слова не пустые? Вдруг и впрямь Саша его ангел-хранитель? Уже то, что он в это верит, многого стоит. Есть ли у меня вера? Во что?»

Богоборец

Теперь наше село очень разрослось, народу понаехало со всего света, и уже не все даже друг друга знают по имени, а в прежние времена, лет тридцать назад, тут помнили не только дедов, но и прадедов, рассказывали о них разные истории, и я по тем былям запомнил многих, будто в жизни знавал. Теперь дедов забывают, кое-как родителей помнят, и то не все. У моей соседки Анны двое сыновей и не где-нибудь за дальней далью живут, в другом конце села, а вспоминают о матери, когда рубля на бутылку не хватит... Другие примеры приводить не буду, потому что одно расстройство от этого, да и не о том разговор.

По натуре я человек тихий, зла никому не делаю. Хвастать больше нечем, так хоть незлобивостью выставлюсь. И по причине такого характера не люблю людей гонористых, беспокойных, сторонюсь их и знакомств не завожу. А вот вспомнил Егор Вася, и стало грустно, что не могу я с ним посидеть, потолковать о жизни. И такое у меня чувство, что он мне понятен и родственен, что я знаю о нём много, как о себе. Почему?

Егор Вася давно нет, но я его ещё застал, мне было двенадцать, когда его хоронили, и я хорошо помню мёртвое лицо с туго надутым лбом, впалыми щёками и задиристо вздёрнутой сивой бородёнкой.

При жизни он ходил, сутулясь и заметно припадая на правую ногу, а в гробу лежал, вытянувшись во весь рост, обратив к небу дерзкое лицо, будто бросал вызов тому, с кем спорил весь свой короткий человеческий век.

В двадцать втором году в нашем селе установилась Советская власть, и первый председатель волисполкома Копылов Семён Потапович первым делом решил обезглавить церковь, ибо считал её рассадницей тьмы и всякого обмана. Решение было принято, но охотников свалить купол не находилось. Семён Потапович всё ходил и агитировал молчаливых мужиков, яростно размахивая единственной рукой. Кое-кто и хотел бы ему помочь, да не мог: немалая требовалась ловкость забраться на церковь, на её крутую крышу и спилить маковку, ловко сработанную из обычных досок приезжими мастерами.

Егор Вася по ту пору был совсем молод, только что женился на пригожей дочери местного учителя Задонского Петра Ильича, потомка ссыльных дворян, и переехал в новую избу. Но не прошло месяца, как молоденькая жена его умерла. Врачей тогда не было, причину смерти никто не установил. Полагаю, что молодичка была сердечницей, оттого и скончалась внезапно.

Егор Вася три дня ругался, то есть был не в себе. Думали, свихнулся, но как-то утих, затаил от людей боль, ходил молчком, в тайге пропадал, а однажды пришёл в церковь, долго смотрел на худолицего Спаса и сказал:

– Я те голову сверну.

Копылов Семён Потапович ликовал, как подпиливал маковку Егор Вась, как опутал её канатами и концы бросил вниз, как при всём народе ради живой агитации активисты дружно потянули за концы, и купол рухнул. Семён Потапович произнёс речь, в которой развенчал Бога, но тут всё дело испортил Егор Вась. По ошибке он сел на оторванный кусок жести и с адским грохотом покатил по железной крыше, как с горы на санках, сорвался и полетел, махая руками, будто ангел крылышками, да тяжелоат оказался и грохнулся оземь.

– Бог наказал, – тут же запричитали бабки и стали расходиться.

Егор Вась сильно повредил ногу и отбил нутро, но отлежался, через месяц поднялся с кровати, однако долго ещё харкал кровью и остался на всю жизнь хром.

К нему во время болезни приходил поп и затевал беседы.

– Ты, – говорит, – в Бога не веришь?

– Это как так? – отвечал Егор Вась. – Кто те сказал?

– Отчего на божий храм полез?

– А зачем храм-то?

– Как это зачем? – лопотал поп. – Как это? Хвалу возносить господу, грехи отмаливать...

– За что ему хвалу? Что молодой бабе пожить не дал? Человека сотворил по своему подобию... А сам-то бессмертен! Это по совести получается? Сам живу, а ты, человеке, мри. Да ещё хвалу возноси, церкви строй... Не я перед ним, он передо мной повинен. Хоть одного он в живых на свете оставлял? Всех губит. Всех! А ещё – «не убий»! Самый он убийца и есть...

Святой отец выходил от Егор Вася весь в поту и полдня потом крестился, отплёвывался и охал, боясь глаза поднять к небу.

В бывшей церкви устроили клуб, и комсомольцы ставили там спектакли, в которых осмеивали попов и шаманов, а самого Бога отрицали напрочь. Но Егор Вась в этих шумных затеях не участвовал, считал баловством и ребячеством лихие частушки и отчаянное лицедейство. Он в Бога верил, признавал его существование, но не был с ним согласен, а это уже другое дело.

Время брало своё, потемнел сосновый крест на могиле жены, Егор Вась привёл в свою избу вдовую Лукерью и с ней народил четырёх сыновей, поднял их на ноги, а тут подоспела война.

– Вот оно! – сказал Егор Вась. – Опять он! Ему б только над людьми издеваться, только б всяко их мучить...

На фронт Егор Вась проводил двух старших, сам был непригоден, хромал. Сыновей звали Петром и Данилой, хорошие были парни, беззлобные, стояли на палубе в обнимку и пели вместе со всеми призывниками, а Егор Вась по колено в реке стоял и горестно плакал, не стыдясь людей. Да и кого было стесняться, когда по всему берегу голосили бабы и мрачно смотрели мужики?

Ни Петро, ни Данила не вернулись, пали солдатской смертью где-то на чужой земле, а в самом сорок пятом призвали третьего – Никиту, и тот погиб под Прагой, остался один Мишка, мой одногодок, пятнадцати не было.

Егор Вась исхудал, остались одни кости да кожа, волосы поседели, спина согнулась, но в иссиня-чёрных глазах непокорства и ярости прибавилось. Даже старые бабки опасались при нём перекреститься. Тут же накинется:

– Давайте, давайте, благодарите! Кланяйтесь! Возносите хвалу за убиенных!

И страшно бабкам от его горячего взгляда.

– Не гневи, – говорят они. – Радуйся, что Михайла с тобой.

– Радуюсь! А то не видите? Всю жизнь колотит, шпыняет, душу рвёт, а я ему, самодуру, не поклонился. С покорного хоть шкуру снимай... А я умру, но креста не наложу.

– Угомонись, Василий. Молчи хоть...

Лет десять прошло со дня победы, наладилась жизнь, новые семьи сколотились, детворы прибавилось, жизнь брала своё. Мишка женился, родила ему жена сына, и назвали они его Петром в память погибшего. Егор Вась души не чаял во внуке. Через год второй родился. Назвали Данилкой... А третья родилась девочка.

Жить бы Егор Васю в покое, поднимать внуков да спокойно стареть, но характер с годами не изменился, и благоразумия не прибавилось.

В километре от села на пологом безлесном мысу рос кедр, и был он так велик, что даже удивительно. Деревья в нашем краю растут не очень высокие, зимние арктические ветры обжигают верхушки, а этот кедр вымахал на двадцать метров и внизу раздался на два обхвата. Во всей округе другого такого дерева не было. Должно, мыс оказался для него благодатным местом – от ветров оберегали холмы, а солнцу он был весь открыт.

С давних времён кедр у местных хантов считался святым, ему делали подношения, одних монет лежало в подножье с большую муравьиную кучу. После войны стало много приезжих, и они разорили монетный холмик.

Тогда ханты стали бросать денежки в реку напротив кедра. Плывёт кто-нибудь вниз ли, вверх ли по течению, поравняется со святым деревом, достанет гривенник или полтинник – медяки не признавались, – метнёт в воду. И пошла эта мода по людям, все уже стали бросать деньги – и верующие, и без веры. Вот тогда Егор Вась восстал. Другой бы до этого не додумался, а он сказал:

– Церкви нет, икон нет, так они дереву молиться будут, мать вашу так и разэтак! Сами не знают кому, а кланяются. Не могут без этого... Вот же натура подлая!

Егор Вась взял бензопилу, в майскую лунную ночь подплыл на калданке к мысу, долго стоял перед деревом, которое шумело о чём-то печальном, будто жаловалось на своё одиночество, и чуть было не повернул назад богоборец, но подумал о внуках, о Петьке и Данилке, о том, что им тоже предстоит умереть, ибо ничто на свете, кроме самого творца, не вечно, и это издевательство сильного над слабыми который раз ослепило гневом непокорного старика.

Дерево дрогнуло и замерло на миг, будто раздумывало, падать или ещё постоять, но корни, прежде такие верные, не держали больше.

Егор Вась отскочил на безопасное место, но тут на поляну выскочил лосёнок, его гнал неугомонный Буран – аж хрипел, пробираясь сквозь кусты, чёртов пёс. Дерево дрогнуло всем телом и начало падать.

– Куда? Куда? – бросился Егор Вась к лосёнку.

Зверь нагнул безрогую голову, подскочил на длинных нескладных ногах и ринулся на человека, так велик был его страх перед собакой. Егор Вась успел отшатнуться, лосёнок пролетел мимо, и тут огромное дерево навалилось сверху, будто рухнуло небо.

Егор Вась был жив, когда прибежали проезжавшие по реке люди. Они еле вытащили его из-под кедра, уложили на спину. Егор Вась смотрел на небо ясно и открыто.

– Ничего, – проговорил он спокойным голосом. – Я с ним и там...

Жил он ещё три дня. Тихо лежал на кровати и смотрел в потолок. Когда его о чём-то спрашивали близкие, он закрывал глаза, давая понять, что ни с кем говорить не хочет. А на третий день позвал громко старшего сына Петра. Не отозвался старший, не мог ответить отцу, давно уже и кости его истлели в чужой стороне. Чуть погодя, позвал второго сына Данилу. Не отозвался и второй сын, не услышал отцова слова, слишком тяжка была плита на братской могиле, под которой спал Данила. Позвал Егор Вась третьего сына, но не ответил отцу Никита. Не тлели его кости в чужой земле, не спал он в братской могиле, давний ветер развеял пепел по полю, вешние воды унесли невесомый прах в реку, а та текла в широкое море...

Подошёл к постели Михаил, дотронулся до руки отца, и тот вздрогнул.

– Все собрались? – спросил Егор Вась.

И после этого долго молчал. Михаил уже подумал, что отец забылся, уснул, но тот вдруг громко и отчётливо сказал:

– Слышь, Петька? Данилка, слышь? И вы, Никита с Михайлом? Кто же повинен?.. Ужто мы сами, а не Он?

* * *

Живёт ли во мне вера какая? – это я у себя спрашивал не единожды, но по молодости отмахивался от вопроса, откладывал ответ, мол, успеется, а теперь всё больше задумываюсь, всё угрюмей, всё требовательней заглядываю в себя и нервничаю, потому что пусто в душе, как в старом нежилом доме с побитыми окнами, – ветер гуляет по комнатам, шелестит свисающими со стен лохмотьями обоев и глухо гудит в печной трубе, будто стонет.

В моём детстве мир был населён домовыми и лешими, водяными и русалками, в существовании которых не могло быть сомнений.

А ещё в красном углу избушки стояла на полке икона, и мама говорила, что на ней нарисован Бог.

Попа в селе убили ещё в начале двадцатых годов, когда мама была девчонкой, и если она что-то и знала о Христе, то многое за эти годы забыла и толковала мне о Нём по своему разумению и вымыслу. И молитвы, конечно же, не помнила, а потому, обращаясь к Богу, разговаривала с ним, как с добрым знакомым, который всё может, но по причине своей занятости иногда забывает, кому надо помочь. Мама напоминала ему, крестясь и кланяясь:

– Ирinya-то уж больно плоха. Пожалел бы грешную. Дети останутся сиротами, а ещё малые. Надорвалась она, брёвна-то катая... Пожалел бы... А я тебе помолось.

Насколько помню, мама всегда просила за кого-нибудь, словно была связной между Богом и людьми, живущими голодно и тяжело в послевоенные годы.

Для меня они были все равны – и мамин Бог, и домовый, и леший, и другие разные духи, живущие в конюшне, бане, болотах, прячущиеся днём от людского глаза и шустрые ночью, когда я спал и не мог их видеть. Я и по сей день помню то чувство всеобщей заселённости, когда была святая уверенность, что в каждом дереве кто-то есть и, прежде чем рубить, надо спугнуть его – кыш! кыш! – чтобы дух успел переселиться.

В этом разнообразии жизни особое место занимали люди, которые окружали меня в детстве. Приходил из тайги зеленоглазый Вокуев, и сердце моё замирало от зависти, когда я глядел на этого кряжистого мужика, живущего месяцами в тайге без боязни. Мне даже трудно было представить, насколько он был смелым и сильным. Вокуев набирал в сельповском магазине съестных припасов и одиноко уходил в лес по Тильтимской дороге, которая – как я знал – сходила на нет. Я смотрел ему в спину, и мне начинало казаться, что это лешак на время оборотился в человека, чтобы вскоре вновь принять страшное мохнатое обличье.

Но отчего так добры и так печальны были зелёные глаза Вокуева? Редко наезжал в село и Севли из старого Киевата. Я помню, как пришёл он однажды в нашу избушку, сел на полу у порога, подобрал под себя ноги и сидел молча несколько часов. Мать не спрашивала, чего он заявился, а только вздыхала и продолжала возиться у печи. Мы с братиком выглядывали из-за перегородки, но боялись потревожить Севли, который прикрыл глаза и неслышно дышал. Когда мать сварила в чугушке картошку, коротко пригласила Севли:

– Поешь.

Он сел за стол с нами, чистил, обжигаясь, картофелину, макал её в соль и ел, как и мы, без хлеба.

Потом посидел ещё за столом и сказал, уставясь в пол:

– Хороший был...

И ушёл.

После него мать обнаружила в сенцах двух полупудовых малосольных муксунов, принесла в дом, и я увидел на её глазах слёзы.

– Чего приходил? – спросил я маму.

– Отца помянул, – ответила она. – Вместе рыбачили, с отцом-то вашим...

А с Пашкой мы жили по соседству, и был он немногим старше меня, так что мальчишками играли в лапту в одной команде. Бегал он быстро, был увёртлив и ловчее всех владел битой, ударит – не промажет, и мяч так высоко взлетал, что мы успевали перебежать поле без всякой опасности... И ещё одним удивил меня Пашка. Однажды мы поплыли на калданке за реку, решили прокатиться, а заодно проверить сети. Я с охотой сел за гребни, а Пашка развалился на корме, выложив руки на борта. Когда завернули за остров, и никто уже нас не видел, Пашка запел. Я никогда прежде не слышал, как он поёт, и поначалу даже неловко стало, потому что не было у Пашки никакого голоса. Но он пел. А я вынужден был слушать. И сам того не заметил, как привык. Сотни раз слышанные слова песни показались незнакомыми, потому что Пашка их выкрикивал, как свои, единственные. Он кричал о своей любви.

Они окружали меня, учили понимать белый свет без назиданий, а самим своим существованием – Вокуев, Севли, Пашка, Серафим, Филиппов, Сухов, Егор Вась и множество других родных и близких, соседей и просто знакомых.

В детстве родилась моя вера в человека, и я прошагал с нею через всю свою жизнь до той грани, когда вдруг понял, что люди изменились вокруг, с ними что-то случилось, и я растерялся, как верующий христианин, обнаруживший, что бьёт поклоны иконе, на которой проступили черты Князя Тьмы.

Разочаровавшись в человеке, я потерял единственную веру, которая была моей опорой. Как летучий над рекой мост на сваях, так душа держится на вере.

Володя искоса посмотрел на меня, притормозив у светофора, и сказал:

– Грусть – красивое чувство. В минуту грусти человек не сотворит подлости.

– Это к чему?

– Я заметил, что все хорошие люди часто грустят.

– А есть они? Хорошие люди...

– Ну, Афанасий! Не нравишься ты мне. Не успел прийти к тебе, как накинулся. Всё ещё кипишь?

– Да нет, нет... Скажи о Саше. Когда это случилось?

– Прошлым летом.

– Как? Почему?

Загорелся зелёный свет, и Володя рванул вперёд в потоке других машин, всегда почему-то срывающихся с места, чтобы у следующего светофора опять оказаться рядом. Не так ли и в жизни, бежим оголтело, пихаем друг друга локтями, а финиш для всех один. Куда спешили? Чего бежали? Чего выпендривались друг перед другом? Смешно...

– Расскажу, Афанасий, – подал голос Володя.

Движение было оживлённым, и я оставил Володю в покое.

Прикрыл глаза и вспомнил, как однажды мы чаёвничали с Сашей на кухне, а Володя корпел за письменным столом, что-то там спешно заканчивал, потому что все сроки прошли и звонили из редакции журнала с угрозой занять оставленное место другим материалом. На улице моросил осенний дождь, оттого особенно уютно было сидеть в тепле, уже пропустив рюмочку и располагая початой бутылкой. Саша никогда не осуждала нас за малый грех, но когда мы перебирали, просто уходила, ей становилось с нами скучно. На этот раз я ограничился стопкой и пил чай с превеликим удовольствием, сам не осознавая того, что мне так хорошо единственно из-за присутствия Саши.

– Афанасий, – вдруг обратилась она ко мне, подперев щёки кулачками. – Почему ты не женишься?

Я тогда был в разводе, отдав супружеству три года, нажив дочку и сына, которые в основном росли у бабушки по матери, генеральской вдовы, изредка навещали меня, особенно когда случалась нужда в деньгах, и все мы не имели друг к другу никаких претензий. Женился я случайно, ослеплённый красотой девушки, а она ошибочно приняла меня за будущую знаменитость, но вскоре уверилась, что с моим характером карьеру не сделать. И умница, что вовремя спохватилась. Я разошёлся с женой без боли, даже с облегчением, возрадовавшись тому, что никто больше не будет заставлять меня делать потуги, дабы преуспеть в этой жизни.

– Вопрос очень содержательный. – Я отпил глоток чаю. – Позвольте ответить прямо и честно.

– Даже прошу.

– Но ответчу вопросом на вопрос. А есть ли в нашем благословенном городе или за его пределами ещё такая же, как вы, Сашенька?

– Афанасий! – распахнула она смешливо глаза. – Что с вами?

– Вы не ответили...

– Откуда мне знать! И при чём тут я?

– А при том, дороженькая, что ни на какой другой жениться я не согласен, как только на вас похожей.

Я был совершенно уверен, что дурачусь, и за моими словами нет ничего серьёз-

ного. Но женщину в этих тонкостях трудно провести, неведомо как, но чувствует она истинное отношение к себе. Конечно же, я не смел думать о Саше иначе, как о друге, но природа наша такова, что чувства не подвластны разуму. И только потом, спустя дни, я понял, что объяснился в любви, и был безумно благодарен Саше, что она всё поняла и сделала вид, будто и в самом деле мы просто дурачимся.

– Ах, так! – воскликнула она. – Ну, тогда вы останетесь вечным бобылем.

– Догадываюсь и скорблю.

– Пейте с горя чай, остынет.

– А ведь могли!

– Что я могла бы?

– Не к нему прийти, – махнул я театрально рукой в сторону кабинета, – а ко мне. Ну, сами поймите – что такое Володя? Ни вида, ни стати. Приглядитесь беспристрастно. У него даже усы будут рыжие, если отпустит. А у меня, как смоль. Я носил. Ах, усы! Что за прелесть! Сбрить пришлось. Женщины набрасывались... Да я во сто крат лучше Володьки!

Саша смеялась моим словам, но как-то излишне старательно, а потом притихла, запечалилась, уставилась в окно, по которому мелко барабанил дождь, и вдруг сказала:

– Вы хороший...

Странная грусть прозвучала в этих словах. Потом, вспоминая их, я гадал, что значила та грусть, и однажды меня осенило, что Саша всегда сомневалась, любит ли её Володя и можно ли вообще её любить, и, уловив за моей болтовнёй сокрытое чувство, была благодарна за неожиданную поддержку. Она была весьма невысокого мнения о себе, совершенно зря считая себя обыкновенной женщиной. Милая Саша!

– Вы хоть знаете, что означает слово «хороший»? – спросил я.

Она удивлённо посмотрела на меня.

– Хороший и есть хороший. Что же тут знать?

Я стремительно поднялся и из старинного книжного шкафа, стоявшего в прихожей, принёс том словаря Даля.

– Лепый, красный, прекрасный, – стал я читать, открыв нужную страницу. – Красивый, красовитый, басистый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности. – Тут, естественно, я широким жестом показал на себя и продолжил: – Добрый или путный, ладный, способный, добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству. Вот что вы сказали обо мне, Сашенька.

Она весело покрутила головой и произнесла:

– Это дикость, когда пропадает такой жених. Поисками невесты займусь сама, путный вы наш.

И вдруг я заметил, что Саша опять опечалилась.

– Надоел? – спрашиваю.

– Да нет, Афанасий, – отвечает.

– Я же вижу... Всё, ухожу непонятым. Володимиру передайте привет. Расписался наш чародей пера.

Саша вскинула на меня глаза, губки дрожат, щёки порозовели. Не говорит – шепчет:

– Боюсь за него.

Я не успел изобразить на лице удивление, как Саша заговорила порывисто и взволнованно:

– Он при мне постоянно, этот страх. Жуткое предчувствие! Нет, нет, я не придумываю... Он живёт во мне, этот страх. Когда прочитала первую Володину книгу, он и появился. Я сразу же поняла, что этот человек умрёт, если меня не будет рядом. И я пришла к нему, наплевав на все приличия. Я хочу и не могу объяснить, что это за страх. Вы не поймёте, Афанасий.

– Чего вам бояться? – пожал я плечами.

– Сон видела. Ещё давно. Может быть, в детстве. Не помню. Или это теперь мне так кажется, что в детстве. Но я видела во сне Володю на много лет раньше, чем впервые услышала о нём.

– Вполне возможно.

– Вы смеётесь?

– Отнюдь. Мне тоже кажется, что я вас видел раньше. Когда Володя познакомил нас, я тут же вспомнил, что уже видел вас.

– Думаете, Афанасий, что так бывает?

– Мы не знаем, что там, за этой костью! – Я постучал пальцем по лбу. – Тайна сия велика есть и недоступна.

– Конечно, конечно, – рассеянно проговорила она, глядя в окно, за которым было пасмурно от дождя. – Но я не о том... То есть вы правы... Наверно, потом уже придумалось, что видела Володю. Но сон-то был. Был сон. Будто я очень люблю человека. Больше собственной жизни. Будто утро. Мы где-то в деревне. Он моется, а я ему поливаю. Потом подаю полотенце. И вижу, обороты, странно-го типа. Он манит меня рукой. Я уж догадываюсь, кто это, но подхожу к нему. И он говорит, показав ногтистым пальцем на моего любимого: «Я ему враг. Я лютой ему враг с той минуты, как он родился. Я хочу его погибели. Нет, не смерти. Это банально. Не смерти, а погибели его хочу». И он исчез, растаял на глазах. Словно его и не было.

Саша умолкла и, не в силах успокоиться, поднялась, зачем-то из чайника вылила в раковину кипяток, наполнила свежей водой и поставила на огонь.

– Над ним – рок, – сказала она, – я это чувствую.

И уж совсем по-бабьи добавила:

– А он такой неосторожный!

– Всё дело в том... – начал я, нагнав на себя весомую раздумчивость.

– В чём? – быстро спросила Саша.

– А в том, что вы его любите.

– Вы ничего не поняли, Афанасий, – отвернулась она.

– Всё я понял, пани Александра. Не такой глупый. К тому же – с высшим образованием. Кому, как не мне, дано понимать, что женщина тряётся за жизнь того, кого любит... дитя ли это, охламон ли вроде Володьки. Умри я хоть сейчас...

– Перестаньте, Афанасий! – прикрикнула Саша и даже ножкой топнула. – Что за глупости вы говорите! Простите, конечно, но я зря заговорила об этом.

– Отчего же зря?

– Это моё, и никто не поймёт.

Да нет, Саша, нет! Ты ошибалась, думая, что слова твои не дошли до меня. Я всё понял. Очень даже хорошо...

Алексей Попов

Попов Алексей чужис 1950 воын июль 25 лунö Кörtкерöс районса Ыдждыдвидз сиктын. Дас класс помалис Шойнатыын. Уджаліс совхозын. Армияын служитöм бöрын веськаліс Кörtкерöс районса «Звезда» газетö. Уджысь ордчытöг помалис Сыктывкарса университетлысь история юкөн. Медводдза висьт «Войвыс кодзув» журналын йöздöдіс 1971 воын. Сійö кадсянныс гижöма уна висьт, повесът да пьеса. Петалисны небöггяс. Пьесаясö пуктісны Сыктывкарын, Набережные Челныын, Рубцовскын, Балашовоын да нöшта уна карын. Гижысьлы сетöма «Коми республикаса заслуженной уджалысь» ним. Донгялöма Виктор Савин нима Государственной премиян. Пасйöма Россійскöй Федерацияса культура министрстволөн «За достижения в культуре» знакөн. Пыртöма Россияса гижысь котырö.

Мывкыд Парма

Кык юкöна драма

Ворсöны:

ЛАСЕЙ – ар нелямына.

МИРОН – сылөн пи, ар кызя.

ЯКÖ – ар нелямын вита.

ЛИКÖ – сылөн ныв, ар кызя.

ПÖЛИК – ар нелямын вита.

КАЛИСА – сылөн ныв, ар кызь кыка.

ЗАКАР – ар нелямына.

ВАРУК – сылөн гöтыр, сыкөд тшöтшья.

ЕЛЮК – налөн ныв, ар дас öкмыса.

ЛÖЗ КÖР.

Медводдза петкöдчöмас мунö войпук, коми том войтырлөн важся гажöдчöм. Том йöз йöктöны, гажöдчöны. На пöвстын Мирон да Ликö.

ЛИКÖ. Мирон, кытчö тэ аски мунан сёлаястö лыйлыны?

МИРОН. Менам лэчьяс пукталöма. Ог на мöвпав лыйлöм йывсьыс.

ЛИКÖ (*майшасьöмөн*). Сідзкö, он мун?

МИРОН. Ветла, ветла. Сава шор дорö. Кöні тай ыджыд пожöм сулалö.

ЛИКÖ (*ловзыштö*). Сэні öд кык ыджыд пожöм.

МИРОН. Ыліджык дорас. Сійö пожöмыс, мыйлакö, меным мусаджык. И сёлаясыс сы дорын лэбавны радейтöны.

Вөр. Ыджыд пожом. Сы дорё матыстчө Ликö. Видзöдалö гөгöрбок. Киас чуман. Вотчыштö быттё.

ЛИКÖ. Со, йöйыд, эг öд и тöдмав, корджык сийö локтас. Гашкö, рытнас да? (Саймовтчö.)

Мыччысьö Мирон. Мышку сайын пищаль. Локтö веськыда пожом дорас.

МИРОН. Йöйыд тай ме и эм. Ликöлы эски. Ачыс со абу-а. Мися жö, мудера видзöдлiс ме вылö, кор юалис, кытчö ме талун вöравнысö муна. Шмонитiс, тыдалö.

Мыччысьö Ликö. Зонмöс аддзöм бöрын весиг шöйöвошыштö. Мирон тиöтши жö дыркодь нинöм шуны оз вермы.

ЛИКÖ. Мыйкö нö лыйин эн? Грымöбтöмсö тай эг кывлы-а.

МИРОН. Нинöм эг. Мый весьшöрö дрöб-пороксö лотны? Матысса чöс туй вылö кежалi, да сөймөн сьöла шедыштöма. Тырмас миянлы.

ЛИКÖ. Ме тай чумансö тыртлi жö нин-а. Гортö мунны буретш лöсьöдчи.

Найö недыр сулалöны чöv. Ликö син бöжнас видзöдлывлö зон вылö. Тöдчö, мый кыкнанныс мыйкö мövпалöны, виччысьöны. Медбöрын ныв полöмпырысь матыстчö Мирон дорö. Тэрмасьтöг нюжöдö кисö зонлөн пельпом сайö öшöдöм пищальлань да кутчысьö сэтчö. Мирон быттё видлö вешйыштны. Ликöлөн таысь мыччысьö майшасьöм, но пищальсö кисьыс оз лэдз. Зон ваимунö да весиг лöсьöдö пельпомгъяссö, медым нывлы кокныдджык лоис босьтны сы пельпом вылысь пищальсö. Ликö век на полiгтыр босьтö пищальсö да топöдö ас бердас. Кыкнанныс сулалöны шудабсь.

Ласейлөн керка пытшкöс. Кöзяиньыс пукалö да мыйкö ноксьö. Лэч лöсьöдö ли мый ли. Пырö Мирон. Ласей видзöдлö сы вылö, аддзö, мый пищальыс пиыслөн абу, да босьтчö майшасьны. Мирон нинöм оз шу. Мыйкö ноксьыштö керка пытшкас да петö. Ласей кывзысьыштö, а сөсяя педзигтыр мövпалö. Кыскö пельöсьысь, дзевасiнысь, гөрд рöма табак көшель. Ышловзёв, сөвтö сэтчö посньöдлöм табак. Кыскö зепсьыс мөд рöмабс, кодöс век новлөдлö сьöрсьыс. Тиöтши жö тыртыштö куритчанторнас.

ЛАСЕЙ. Кодлөн бара нылыс-а? Быттё некодкөд на эг аддзыв Миронсö. Эз висьтавлывлыны ни. Гашкö, кузь рытывбыд ковмас корсьысьны. Лöзöдтöдз куритчöма лö. Он öд пыригмозыс керкасьыс пет. Кöть эськö Мироныслысь пищальсö ог аддзы, ковмас пукуштны мода вылас быдлаын. (Петö.)

Якөлөн, Ликö айлөн, керка пытшкыс. Матыстчö Ласей.

ЛАСЕЙ (сувтыштлö пыран öдзöс дорас). Ликö али мый Миронлөн сьөлöм косьтысьыс? Сөсяя некод нин верöс сайö петан арлыда нылыс сиктас эз коль да? Эз жö öд мөд сиктса босьт пищальсö? (Тотшкöдчыштö да пырö.)

Якö пукалö, гын сапöгөн ноксьö. Стенас öшöдöма тув йылö асьыс пищальсö. Сыкөд орччөн мөд. Тайö Миронлөн пищальыс. Ласей чөвтлö пыригмозыс сингъяссö стенö, көни öшалöны пищальясыс. Нинöмөн оз петкөдлы, мый казялiс.

ЯКӦ. Чолӧм.

ЛАСЕЙ. Видза олан. Мися, петала, видла тiянӧс. Важӧн нин эг кежавлы да.

ЯКӦ. Он тай пыравлывлы.

ЛАСЕЙ (*пуксьӧ керкаса кӧзьяинлы воча. Вель дыр чӧв олӧны*). Мыйкӧ нӧ шедис эз на? Ыджыдгъясые?

ЯКӦ. Пумӧн сюрлi.

ЛАСЕЙ. Менам Мирон тай вайлыштiс жӧ. Неуна. Кытысь унаыс. Ме ветлi жӧ.

ЯКӦ (*оз торгъясӧ видзӧдлыв пырысь вылӧ, ассьыс удж нускӧ-вӧчӧ*). Дзик танi пӧткаыс быри.

ЛАСЕЙ. Дзик бырӧмӧн эськӧ оз на позь шуны да. (*Кыскӧ зепсьыс гӧрд рӧма дӧраысь вурӧм кӧшельсӧ да чургӧдӧ Якӧлань.*) Куритчыштам ли мый ли.

ЯКӦ. Позяс тшынасыштны. (*Кыскӧ зепсьыс ассьыс кӧшельсӧ да сӧтысь босьтӧ табаксӧ.*)

ЛАСЕЙ (*суйӧ бӧр зептас гӧрд кӧшельсӧ. Кыскӧ мӧд зептысь ассьыс век кыскаланасӧ да сӧтысь чепӧлтӧ табаксӧ чигарка вылас. Чӧла куритчӧны. Быдӧн ассьыс мӧвпсӧ пӧжӧ*). Аски бара кутшӧм луныс лоӧ-а?

ЯКӦ. Ог бара-й тӧд. Дзиковдз татысь пӧткаыс чинис. Да и муясным миян войӧ банаӧсь. Нинӧм бурасӧ оз быдмы. Кӧсья ме, Ласей, тӧвнас мӧдлаӧ овны вуджны. Эн дивит.

ЛАСЕЙ. Мыйысь нӧ дивитнысӧ. Вуджны кӧ кӧсьян...

Ласей чеччис да воськовтiс стен дорӧ. Восьтiс пиыслысь пицальсӧ да саймовтiс паськӧм улас. Мӧддӧдчис петны.

ЯКӦ. Дзик бырны танi пӧткаыс мӧдис. Абу эськӧ жӧ торгъя любӧ, но ковмас мунны няняджыкинӧ.

ЛАСЕЙ. Абу торгъя нимкодътор – оланiнтӧ вежӧмыд...

Петӧ да мӧддӧдчӧ гортланыс. Думсьыс видзчысьӧ, мед некодкӧд жӧ оз паныдась. Гортас Мирон сюся видзӧдлӧ айыс вылӧ. Ласей пыркӧдыштӧ юрнас. Мирон зумыштчӧ да жугыля петӧ керкасыс. Бара войпук вылын том войтырлӧн гажӧдчӧм. Танi жӧ Мирон. Сийӧ йӧктӧ Калисакӧд. Тӧдчӧ, мый на костын мыйкӧ ӧзийӧма. Синмасӧны, оз-оз, да и топӧдчыштласны ӧта-мӧд дорас. Вешйыштӧны боклань.

КАЛИСА. Мыйкӧ нӧ таво ар эм жӧ пӧткаыс?

МИРОН. Эмышт.

КАЛИСА. Кытӧнджык нӧ позтыраджык сӧлаыс?

МИРОН. Сава шордорса ыджыд пожӧм дорын.

КАЛИСА. Матысса али ылысса дорас?

МИРОН. Кыкнан дорас поздысьлӧмаӧсь. Ме ас пайысь аски матысса дорас ветлыны кӧсья-а.

КАЛИСА. Водз ӧд он жӧ?

МИРОН. Ог торгъясӧ. Асья сӧйӧм бӧрын.

Ыджыд пожӧм дорӧ петӧ Мирон. Мӧдарсяныыс локтӧ Калиса. Синмасӧны, чолӧ-масӧны. Калиса матыстчӧ зон дорӧ да нюжӧдчӧ пицальланыс. Мирон оз вешйышт, сетӧ босьтны пицальсӧ. Калиса нимкодья топӧдлӧ пицальсӧ да жмитчыштӧ зон бердӧ.

КАЛИСА. Рытсö танi виччысьлам. Пемдыштас да гортаным мунам.

МИРОН. Ме пайысь. Ме тэкöд öнi кöть татчö и овмöдча.

КАЛИСА. Эн на тэрмась. Айö сайын ставыс.

МИРОН. Да-а. (*Билловзё.*)

Бара Ласейлөн керка пытикöс. Сийö нырагез вöчö. Пырö Мирон. Айыслөн синмыс сатшыкысьö сы вылö. Оз аддзы пищальсö да. Недыр пукыштö на. Мөвпалiгтыр. Мирон аслыс удж жö аддзö. Кыйсян паськöм видлалö.

ЛАСЕЙ. Блысса вөр керкаад нö кор мöдöдчан? Ме öд дась нин.

МИРОН. Пöкрöв бöрын, кызди век.

ЛАСЕЙ. Сидз эськö да.

МИРОН. Тэныд матыссаджыкас, тыдалö, ковмас таво вöрасьны.

ЛАСЕЙ. Кызд на удайтчас. Водзджык на кыйтöм пöткатö куштыны.

МИРОН. Сьöлөмтö он ылöд.

ЛАСЕЙ. Медгья эськö да.

Ласей сувтö. Кыскö дзебасысь гөрö рöма дöраысь вурöм көшельсö. Бара тыртö табакөн. Аслас век новлöдлана көшельяс содтыштнысьö оз жö вунöд. Пасьтасьö да петö керкаысь. Мирон кияссö чабралiгтыр кольччö виччысьны. Ласей мыччысьö Калисалөн керка дорын.

ЛАСЕЙ. Бара ковмис вель дыр шпуткыны. Калиса али мый нö? Зэв мича эськö да. Öдвакö, сийö. Менам Миронлөн абу на сэтшöм шудыс ыджыд. Пырала. Ог жö дiав керкасö. (*Тотшкöдчöмөн пырö.*)

ПÖЛИК (*сийöс казялöм бöрын энөвтö капкангьяссö, кодгьясöс видлалö вöли Ласей пыртöдз*). Но-о! Геждö волысь гöсть миянö талун кежис.

ЛАСЕЙ. Чолөм. (*Сингьяссö чөвтлö стенлань, көнi көзяин пищалькöд орччөн öшалö пиыслөн.*) Капкангьясөн ноксян?

ПÖЛИК. Лöсьöдышталi тай. Менам тiянлөн мында вын-эбöс абу. На вылö и лачасö кута. Ог вермы унатö ветлöдлыны.

Пырö Калиса. Сувтыштлö Ласейöс аддзöм бöрын.

ЛАСЕЙ. Видза олан, Калиса.

КАЛИСА. Видза.

ПÖЛИК. Мöстö видзöдлiн?

КАЛИСА. Сы дорсянь и пыри со.

ПÖЛИК. Сёбдыштiн?

КАЛИСА. Сетьшті турунтор.

ПÖЛИК. Нöшта сетышт. Мöстö бура вердны колö. Сийö öд и вердысьыс. Миян кодь эбöстөм йöзлөн. Петав, петав.

Калиса быттö петö, но век жö бергöдчö да гусьөн кыйöдчö. Керкаö кольысьяс сийöс оз казявны.

ЛАСЕЙ. Кузь ар таво нюждöчö. Пöкрöв со матын. Эз на и пужгьявлы торгьясö.

ПӨЛИК. Сідз тай. Пуксы, шойччышт.

ЛАСЕЙ (*пуксьö*). Торъясö эськö эг мудз да.

ПӨЛИК. Тэ öд ён на. Абу ме кодь.

ЛАСЕЙ. Тшынасыштны позьö, Пөлик?

ПӨЛИК. Мыйла нö оз. (*Тайöс кылöм бöрын весиг вöрасыс лоö тэрыбджык. Öдйö пуксьö Ласейлы воча.*)

ЛАСЕЙ (*кыскö гөрöд көшельсö, чургöдö Пөликлань*). Тавося табак менам.

ПӨЛИК (*мода вылас майшасьыштö. Быттö арталö, босьтны абу сэтысь табаксö. Весиг ассьыс зепсö тапкөдыштö. Видлалö, кодар зептас аслас көшельыс. Ласей та дырйи шемöсылö. Медбöрын нюжöдö кисö мыччöм гөрöд көшельлань да чепöльöн босьтö табаксö*). Тавосясö видлам. Менам кольöм восяыс на.

ЛАСЕЙ (*тшöтти босьтö табаксö гөрöд көшельсьыс да тэрмасьтöг гартö чигарка. Калиса тайöс ставсö аддзö да нимкодя саймовтчö*). Мирон тай ылысса вөр керкаö кöйсö Пөкрöv бöрын кайны-а.

ПӨЛИК. Мед кайлас.

ЛАСЕЙ. Ме матыссаджыкас ветла.

ПӨЛИК. Ме ылиад ог жö нин ветлывлы. Кольöма тай ставыс. Эг жö эськö татшöмön чужлы да.

ЛАСЕЙ (*чöла куритчöм бöрын сувтö. Босьтö стенсьыс пиыслысь пицальсö. Саймовтö паськөм улас*). Ме сэсса мөдöдча.

ПӨЛИК. Аттьö видлөмсьыд. Водзлань воывлы. Тшöкыдджыка.

ЛАСЕЙ. Кыдз артмас. Абу миян сайын.

ПӨЛИК. Абу.

Ласей петö да мунö гортас. Мирон пыр на пукалөмön виччысьö айсö. Сюся видзöдö пырысь вылö. Ласей гогнитö юрнас. Мирон вашмунö да зiля босьтчö лöсьöдны кыйсян көлуйсö.

ЛАСЕЙ. Ме тэ бöрын пета. Матысса вөр керкаас таво ар олышта. Тэ локтöдз гортын нин кута ноксыны.

МИРОН. Виччысь. Гортын.

Вөр. Мунöны Мирон да Калиса. Зон лаз нопъя, пицалья. Ныв пестера да чумана.

КАЛИСА. Мунöмнымöс некод эз казав да бур.

МИРОН. Зэв водз петим дау. Узьöны на бур йöзыс.

КАЛИСА. Ми нö лёкöсь али мый? (*Сералö.*)

МИРОН. Регыд воам нин.

КАЛИСА. Сиктас пырöмнымöс мед ставön аддыласны.

МИРОН. Видзöдлам.

КАЛИСА. Мый сэнi видзöдлынысö. Менам öд тэ вöсна важысянь сьöлөм косьмö. Кольöм ар казавлi Ликöыдкөд синмасьöмтö да муртса сьöлөмöй синвасьыс эз ойд.

МИРОН. Нинөмла быдтор йывсьыс майшасьнысö. Быд синмасьöмысь.

КАЛИСА. Код тöдас на. Бур, мый Ликöыслөн бать-мамыс мөдлаö мунисны. Эз кө, тэ ме вылö, гашкö, синтö весиг эн чöвтлы да.

МИРОН. Мыйла нө эг. Тэ өд абу кулитана.

КАЛИСА (*сералё*). Абу.

МИРОН. Со менам вөр керкаыс. Тані и олыштам.

КАЛИСА. Лым усьтөдз. Кытчөдз вотөссө лымыйс оз шебрөд, сэтчөдз вотчыны кута.

МИРОН. Видзөдлам.

Саймовтчоны. Кост. Мыччысьоны Мирон да Калиса. Ота-мөдсьыс торйонкодъ.

КАЛИСА. Век на он сёрнит? Быд шуөмысь өд тадзи он жө лөгась?

МИРОН. Нинөмла вөлі тадзи шунысө дай.

КАЛИСА (*көсйө топөдчыштны зон бердө, мөдыс вешйыштө*). Мый нө тэкөд? Тадзи өд быд кывйысь оз жө позь?

МИРОН. Оз эськө да. Но сатшис тай. Некодзи нетшыштны ог вермы.

КАЛИСА. Тэ нетшышт дай. Вужнас. Сэссия некор тадзисө ог шу.

МИРОН. Отчыдысь кө вөлі, мед нин. Гоз-мөдысь нин лоліс тур-бормунөмыс миян костын да. Мыйкө не сідз.

КАЛИСА. Ставыс сідз. Мыйыс оз овлы да.

МИРОН. Сідз эськө да.

КАЛИСА (*бара топөдчыштө. Зон оз нин вешйы*). Эн дузъяв.

МИРОН. Ог эськө да.

Мыччысьө Лөз Көр. Мирон шай-паймунөмөн видзөдө сы вылө.

КАЛИСА. Сё дивөйд! Кывны кывлі, а эг на аддзыв.

МИРОН. Ёна жө нин мича.

КАЛИСА. Мирон, мый сулалан? Лый!

МИРОН. Мый?

КАЛИСА. Лый, мися. Пышгъяс өд.

МИРОН. Эн вай йөйтав.

КАЛИСА (*матыстчө сы дорө да мырдөн көсйө пөрчыны пельпом вывсьыс пицальсө*). Шковгы сылы.

МИРОН (*нетшыштчө*). Дугды, колөкө.

КАЛИСА (*водзө нетшкө пицальсө*). Тайөс кө лыян...

МИРОН (*скөрысь йөткыштө нылөс*). Эн матыстчы. Лэдз нимкодьясыштны мичлуннас.

КАЛИСА. Мый нө сійөн нимкодьясян?! Шковгы да сәки көть мыйта видзөд. Пышгъяс өд.

МИРОН. Мед пышгъяс кө. Мед котралө. Йөзыслы нимкодъ вылө. Татшөм мичаыс.

Лөз Көр саймовтчө.

КАЛИСА. Бөрсяныс лый! Слөйман на.

МИРОН. Ог. (*Зумыштчө, мөвналө*.) Аски гортлань веськөдчам. Тырмас сэссия.

КАЛИСА (*шөмөса*). Кызди мөдөдчам? Лымыйс эз на усь да.

МИРОН. Лым усьөм ог кутөй виччысьны. Сідз ставыс тыдовтчис. Оз артмы миян нинөм. Абу ми өткодьөсь.

КАЛИСА. Кыдз оз артмы?

МИРОН. Эз, тыдало, бласловит мяннос мывкыд пармаис. Со весиг ассые мичсо мян син водзо ыстылис. Мед бокиянь мян выло видзодлыны. Ставыс тыдовтчис сэки...

КАЛИСА. Нином на эз тыдовтчы.

МИРОН. Пармато он ылодлы. Оз, тыдало, вирным мян лосьяв.

КАЛИСА. Дугды. (*Видло топодчыштны зон дорё. Модыс кодзыда вешыштё.*) Эскан быд нином абуыслы.

МИРОН. Бытто ачыл он гогорво. Ставсо те тодан. Пыксян сомын.

КАЛИСА. Ме, колёко, мыйсо ог тод да. Тода, мый те да ме отлаын кутам овны.

МИРОН. Оз артмы мян нином. Тани, пармаас ко, эг вермой вензытог, пинястог овны, кыз нё кутам йоз повстас?

КАЛИСА. Нином на эз ло сэтшомыс. Сидз, вензыштлим корсюрё.

МИРОН. Ме аски лэчча-а.

КАЛИСА. Отлаын од сиктас пырам?

МИРОН. Ог. Торйодчомон. Мед некод эз казав мяннысь пармаас ветломсо. Айыл од, конко, быд юасысьлы нин кужомон висьталис, мыйла те сы дыра йоз водзас эн петкодчыв.

КАЛИСА. Сийо сяммас висьтавныто. Велодом оз ков.

МИРОН. Сидзко, нином и майшасьны. Тэныд сюрас на ас кодыд.

КАЛИСА. Меным тэысь оприч некод оз ков. Сомын те всна нэмсо нин соллом косьмо.

МИРОН. Эз со нином артмы да. Ачыл од казалин.

КАЛИСА. Мый нё ме казали? Дзик нином. Сомын муслуннымос аддзи. Те од ме дорё вира жо?

МИРОН. Абу, тыдало. Вай ог кутой нином абу йывсьыс сесся сернисо каттыны. Гогорвоана ставыс. Оз косий пармаис, мед ми текод олим. Сылон мывкыдлуныс йоз дорсыд ок уна пов ыджыд.

КАЛИСА. Ме тэысь ог лэдзчысь.

МИРОН. Ковмас од-а.

КАЛИСА. Ачыл адзылан. Ме лоа текод...

Мыччысь Ласейлон керкаис. Ласей друг видзодло да шемос усё.

ЛАСЕЙ. Сэтшом водз локтоны. Мыйко лоома али мый? (*Видзодё.*) Абу ко-а. Кыкнанныс ас кокаось. Со, сувтыштиньны. Мыйко варовитоны. Мый бара водзосё вочасны-а? Зэв водз бергодчисны да. Калиса боклань сетчис. Мирон, тыдало, скорысь мыйко шуис да. Ачыс со сиктас модар боксянь пыро. Абу артмома нином. Пармаыл абу бласловитома, тыдало. Се морё зон. Мый дыра сесся кутас менё табак кошельнас сикт кузялаис и пасьталаис новлодлыны?

Бара войпук. Мирон зумыша пукало бокынмоз. Тани жо Калиса. Видзодчо пырджык лоны сы дорын. Зон отарё вешйё. Пукало да видзодё йоктысь Елюк выло. Сийо сидз жо видзодласнас кыйло Миронс. Медборын зон сувто йоктысьяс повсто. Вочасон чужо-мыс юззё. Елюк визула йокто. Зэв кокни враса. Калиса, дерт, оз жо весь ов. Зильё суйсьыны шбракостас да мый да. Медборын ныла-зонма веськалоны ас кежо.

МИРОН. Кокньыда жö тэ, Елюк, йöктан. Нимкодь видзöднысö.

ЕЛЮК. Ме унатор вылö на сямма. Он тай некыдзи казав-а. Талунöдз быттö сингьясыд пöртмасьомаось вöлины. Мися, он, тыдалö, некор нин ме вылö видзöдлы.

МИРОН. Шмонитнытö востер и.

ЕЛЮК. Аски мый вöчан?

МИРОН. Ур вежсьытöдз ковмас тани, матигöгöрын, бергавны. Сава шор дорын, кöни тай ыджыд пожöмыс сулалö.

ЕЛЮК. Ме сэни зэв радейта вотчыны. Пувйыс сэни пев чунь йыв ыжда быдмö. Некытөн сэсса сэтшöм юмолыс абу. Ме буретш аски асыв пувла сэтчö кайны кöсйи.

МИРОН. Да-а. Пувйыс сэни чöскыд.

Бара пожöм. Сы дорын сулалöны Елюк да Мирон. Ныв босьтö зонлөн пельпом выльыс пицальсö.

ЕЛЮК. Сьöлöм чеччöмөн чеччис асывбыд. Тайö здуксьыс медся ёна поли. Друг да он сет пицальтö босьтны.

МИРОН. Кыдзи нö ог сет. Менам тшöтш жö дзик на медводдзаысь татшöмасö сьöлöм тпкö. Эг и узь тавой. Пыр мöвпалi. Другысьөн быттö ставыс артмис да. Тöрыт рытсянь.

ЕЛЮК. Тэныд, гашкö, другысь. Ме тай... А веськыда кö, унатор нем виччысьтöгыс бурджыка артмывлö.

МИРОН. Гашкö, сiдзи и эм да.

ЕЛЮК. Пемдöмсö виччысигмоз вотчышта. Зэв гырысь пувйыс да.

МИРОН. Ме тэныд отсышта. Лэдз нин кисьыд пицальсö. Падмöдас сöмын вотчынытö.

ЕЛЮК. Ог. (*Нюмдö.*) Тэ, гашкö, пырысьтöм-пыр сийöс босьтан да веськыда гортад пышгьян?

МИРОН. Абу öд на ме сэтшöм йöй. Тэ дорысь пышйыны. Колökö, тэ и менам шудыс да?

ЕЛЮК. Видзöдлам. Абу на тай ставыс миян сайын.

МИРОН (*вашмунö*). Айöлы бара удж...

ЕЛЮК. Менам айö ёна жö и чуймас. Эз öд на чайт, мый тадзи лоас. И ачым весиг эг чайт. Артмис тай со. Бөр он бергöд.

МИРОН. Мый нö, падгьялан али мый?

ЕЛЮК. Ог. Меным майшасьны нинöмысь. Сьöлöм кылöмöс он ылöд.

МИРОН. Да, сьöлöмтö он ылöд. Пармасö тшöтш и.

ЕЛЮК. Тэ парматö бура нин гöгöрвоан. Тöда öд.

МИРОН (*шай-паймуныштö*). Кытысь тöдан? Мыйкö кывлiн али мый?

ЕЛЮК. Нинöм ме эг кывлы. Айö висьтавлiс. Сийö коркö чöвтлiс, мый сиктса зонгьяс пöвстысь Мирон моз бура некод пармасö оз гöгöрво. Тайö кывгьясыс тöд вылö öни усины, да шуи со.

МИРОН. Тэнад айыд тшöтш жö меным кажитчö. Лабутнöй да.

ЕЛЮК. Видзöдлам. Рытсö виччысьлам. Гашкö, лабутнöйөн шуöмсьыс на катчыны кутан. (*Нюмдö.*)

МИРОН. Виччысьлам.

Елюк ай-мамлөн керка пытшкөс. Стенын, Закарлөн пищалькөд орччөн ошалө Ми-ронлөн. Елюк, сылөн Варук мамыс да Закар айыс пызан сайын сөйөны. Тотшкөдчөм бөрын керка пытшкө воськовтө Ласей.

ЛАСЕЙ. Чолөм ставныдлы.

ЗАКАР. Шойччы-шонтысь. Кокуд кузь. Пуксы, нуръясьышт миянкөд.

ЛАСЕЙ. Аттьө. Сөмын на пызан сайысь. *(Казялө пиыслысь пищальсө да воськовтө водзлань.)*

ВАРУК. Йөзад өд век чөскыдджык. Оз ков да сөян.

ЛАСЕЙ *(пуксьө лабич вылө пызанысь бокөджык)*. Тi сөйөй, сөйөй. Ме вылө эн видзөдөй. Ме виччысьыштла. Закаркөд сөрни эм да.

ЗАКАР. Пуксы миянкөд.

ВАРУК. Лок, матыстчы.

ЛАСЕЙ. Ёна нин коранныд да, лоө, тыдалө, панясьыштны тiянкөд. *(Пуксьө пызан сайө.)*

ЕЛЮК. Менам сөйөма нин. Петала ывла вылө.

ЗАКАР. Петав и эм. Туруннас ноксьышт.

ВАРУК. Гоз-мөд моздор кө зорөдсьыс пыртан – оз ло лёк.

ЕЛЮК *(тэрыба петигроз)*. Мөскыдлы нө сетыштны жө?

ВАРУК. Оз ков. Сылөн ныр улас тыр.

ЛАСЕЙ. Ен сыкөдөн, тэрыб кока тэнад нылыд, Закар. Мед оз вомдзась.

ЗАКАР. Мамыс рөдын тай. Сийө өд томджыкдырйиыс татшөм жө вөли. Тэ өд, Ласей, эн жө на вунөд.

ЛАСЕЙ. Эг. Сийө өд менам поконча Кионькөд век өтлаынөсь вөлины. Вой улас лои казтыштөма сийөс.

ВАРУК. Да. Ёна лөсявлім ми Кионьыдкөд. Югыдін да шоныдін сылы мөдарь-югыдас. *(Чөвтө пернапас.)*

ЗАКАР. Но-о. Сөйөма-юөма. Варук, тэ кө Елюклы отсыштін, эз вөв лёк.

ВАРУК. Бөрас пызансө идрала. Отсыштны петала. *(Пасьтасьө да өдийө петө. Дерт, гоз-мөдысь синмасьлөны верөсыскөд.)*

ЛАСЕЙ. Öнi сэсся позьө тшынасьыштны. Бур сөян бөрад.

ЗАКАР. Мый торъя бурыс. Мый тэнад пызан вылад, сийө и миян.

ЛАСЕЙ. Чөскыдджык на тiян. Ми, мужикъясыд, ог кужөй татшөм чөскыдасө пуны. Весиг эмсьыс. Оз артмы. *(Кыскө гөрд рөма көшельсө да мыччө Закарлы.)*

ЗАКАР. Дерт, нывбаба рөдыдлөн сөяныд артмөджык. *(Оз тэрсась босьтны табаксө.)*

ЛАСЕЙ *(век на кутө көшельсө)*. Сийөс тай и шуа.

ЗАКАР. Ог нин эськө ме куритчы да. *(Чөв олыштөны. Көзяин чепөлтө табаксө да кисьтө Ласейөн мыччөм кабаала тор вылө.)* Видлам тэнсьыд.

ЛАСЕЙ *(тишөти гартыштө аслыс чигаркасө)*. Тавося табак менам.

ЗАКАР. Дыр куритчытөгыд юрөй гөгөрмунас.

ЛАСЕЙ. Эн кыскав дай.

ЗАКАР *(чөв олыштөм бөрын)*. Урасьнытө кор пиыд мөдөдчө?

ЛАСЕЙ. Регыд, тыдалө. *(Сувтө, матыстчө пищальланьыс да босьтө. Дзөбө паськөм улас.)* Ме сэсся мөдөдча.

ЗАКАР. Кильчө вылөдзыс колльөдышта. Йөз посводзад пемыдад крукасян кытчөкө. *(Петөны.)*

Бөр. Зэв ӧтвылысь, ӧта-мӧд дорас весиг топӧдчыштӧмӧн мыччысьӧны Мирон да Елюк.

МИРОН. Тэ талун эстчанӧджык ветлы пувтӧ вотны. Ме тӧрыт сәтӧ локтӧ да вель уна аддзылі. Розъясыс ӧшалӧны.

ЕЛЮК. Тэ вай талун эн тӧрыгъя дыра ветлы. Муртса сӧлӧм эз пот виччысигас.

МИРОН (*топӧдлӧ нылӧс морӧс бердас*). Ме ӧд гажтӧмтча жӧ зэв ӧна. Кыдз артмас, сӧдзи и бергӧдча.

Мыччысьӧ Лӧз Кӧр. Ныла-зонма чуймӧмӧн видзӧдӧны сы вылӧ.

ЕЛЮК. Аттӧ, мича жӧ. Эг чайтлы сӧйӧс татшӧмӧн.

МИРОН. Кывлӧн али мый сы йылысь?

ЕЛЮК. Айӧ висъявлӧс. Ачыс эськӧ абу жӧ аддзылӧма ас синнас да. Овлӧ жӧ вӧльнӧй сьветас татшӧм мичыс.

МИРОН. Ме тэ моз жӧ шензя. Киыд оз лыб татшӧмсӧ лыйны.

ЕЛЮК (*весиг повзъыштӧ*). Лыйны? Он-ӧ нин тэ сылы лыйӧм йылысь мӧвпав?

МИРОН (*кутлӧ нылӧс*). Ог, дерт. Сӧдз шуи.

Ныла-зонма кутчысьӧмӧн видзӧдӧны Лӧз Кӧр вылӧ.

Ласейлӧн керка. Ласей видзӧдӧ, майшасьӧ.

ЛАСЕЙ. Со, тыдовтчисны. Ыджыда восьлалӧны. Сувтӧсны, мыйлакӧ. Сӧрни-тӧны. Топӧдчисны ӧта-мӧд бердас. Водзӧ вӧрзӧдчисны. Оз-ӧ торйӧдчыны кӧсйыны? Оз, тыдалӧ. Ӗтлаын талань локтӧны. Вель сӧкыд норт кыскӧны. Бура вотчӧмаӧсь да кыйсьӧмаӧсь. Сиктсӧ кытшовтны кӧсйӧны. Мед аддзыласны воӧмсӧ. Медъя. Выхь семья ӧд чужӧ. Нинӧм ӧнӧ дзебсясьнысӧ. Пармаӧн бласлӧвитӧмъяслы. Мӧдысь кытшовтӧны. Коймӧдысь мӧдӧдчисны. Лоӧ пырны. Пызан лӧсьӧдыштны туй выв йӧзлы. Гӧстьяс на регыд воасны и.

Пырӧ. Мыччысьӧны Мирон да Елюк. Кыскӧны норт, вӧралысьяслысь кузь да векны-дик дадь, кытчӧ тӧчӧмаӧсь прӧмысӧ да вотӧссӧ. Воча нетӧ Ласей.

ЛАСЕЙ. Воинныд.

МИРОН. Локтӧм, айӧ.

ЛАСЕЙ. Пырӧй, шойччӧй. Туйыс кузь вӧлі.

ЕЛЮК. Эг эськӧ торъясӧ мудзӧй да.

ЛАСЕЙ. Том йӧзлы и овнысӧ. Мудз тӧдтӧгыд. Пырӧй.

МИРОН. Пырам, айӧ, пырам.

Том йӧз пырӧны. Ласей кольччӧ. Кыскӧ зепсыс гӧрд рӧма дӧраысь вурӧм табак кӧшельсӧ.

ЛАСЕЙ. Лоӧ эстчӧ бипур пестыштлыны да сотны тайӧс. Мирон ӧд менам ӧтнас и эм. Оз ковмыв сӧсся тайӧ. Пармаыс бласлӧвитӧс. Оласны сӧсся. Регыд гӧстьяс локтасны. Кодӧ мый вермас, сӧйӧс и вайыштас. Выхь семьяӧс видлыны.

Ласей керкалөн керка пытшкөс. Мирон да Елюк ышмөны. Өдзөсө тотшкөдчөны. Пырөны Закар да Варук.

ЗАКАР. Бур рыт.

ВАРУК. Видза оланнды. Асьныд он слөймылөй мянө кежавны да со ай-ыдкөд мөвпыштим волены.

ЕЛЮК. Пырөй. Пырөй. Ме тиянөс лязйөн чөсмөдла. Артмис сийө талун.

ВАРУК. Эн на водзвыв ошйысь. Видлам да вөлись.

МИРОН. Збыльысь зэв чөскыд. Айө тай ошкис жө-а.

ЗАКАР. Вывти ошкөмыд эськө...

ВАРУК. Кыдз мый оланнды-выланнды?

МИРОН. Олам тай со.

ЕЛЮК. Регыд Мирон вөрө айыскөд мунасны. Сэки ме тиян дорө тшөкыдджы-ка верма кежавны. Өні некорджык.

ВАРУК. Ми өд сутш кежлө пырим. Весиг ог пөрччысьлөй.

ЕЛЮК. Мыйкө өд көть менсьым видланнды жө. Пуөмторсө.

ЗАКАР. Ми өд мамыдкөд төдам, кызди тэ сямман. Мый сэни видлавынсьө. Недыр олыштам да и довгам гортлань.

МИРОН. Пуксьылөй көть. Мый өдзөс дорас сулаланнды? Абу өд корысьяс.

ВАРУК. Пуксьывны поэяс.

Закар да Варук пуксьөны лабич вылө. Варук кулө сөмын чышгянсө. Закар разьö вылыс паськөм кизьяссө.

ЕЛЮК. Кыдз нин оланнды?

ВАРУК. Сидз-тадз. Тэ мунін да, гажтөмджык-а.

ЗАКАР. Лун да вой тай кольө-а.

МИРОН. Ме регыд пармаө пета.

ЗАКАР. Ме өд дась жө нин. (*Чөв олыштөны.*) Кывзы, Мирон, Елюк неважөн висьталіс, мый ті Лөз Көрөс аддзылөмныд.

ЕЛЮК (*мыжа моз*). Ме, Мирон, висьталі айөлы.

МИРОН. Аддзылім. Зэв мича.

ВАРУК. Ог и төд, бур вылө али лөк вылө тайө-а.

ЗАКАР. Тайөс ме висьтавын ог жө сяммы. Мый могысь ставыс му вылас вөчсьө. Аддзылін кө пө Лөз Көртө, пармаыс тэныд гөгөрвоанаджыкөн лоас. Сидз тай пөльө шуліс қоркө. Меным со сийөс паныдавыны эз мойвилы.

ЕЛЮК. Оз мөй быдөн сийөс аддзывын?

ВАРУК. Тэ нө кытысь усин? Оз, дерт.

ЗАКАР. Лыда войтырлы сийө петкөдчывлө. Зэв лыдалы. Пармаөн бөрийөмаяс-лы, тыдалө.

МИРОН. Вөртө ме и Лөз Көр аддзывтөг бура төдлі. Быттьө аслам сийө.

ЗАКАР (*өлөдө*). Эн на вай ошйысь. Абу на сидзи. Некод помөдз парматө оз сяммы гөгөрвоны.

ЕЛЮК. Мирон өд збыльысь бура...

ЗАКАР. Төдөмыд этша на. Вөр-парматө кывны колө, сьөлөмнад и ловнад. Сөмын сэк сийө тэныд унатор козыналас.

МИРОН. Гашкө да.

ЕЛЮК. Тян ас сёрни. Ме вай, мамө, тэныд өтитор петкөдла.

ВАРУК. Пөлинө, мый дыра олам да эг на и юав, көні нө, Мирон, айныд?

ЗАКАР. Менам дзик жө вуні. Ёнтай, пыригөн, көсий юавны да тайө сёрниён юрысь петіс.

МИРОН. Кытчөкө тай довгис-а.

ЕЛЮК. Вежон кык нин сійө пемдыштөм бөрас кытчөкө мунө. Тыдалө, ми-нянө зільө өтнанымөс кольыны.

ВАРУК. Кытчө нө сійө вермас ветлыны? Миянө коркө лун-мөд сайын сутш кежлө мыччысьліс. Сэсся кытчөкө тэрмасьны кутіс.

МИРОН. Оз тай висьтав-а. Пукалө, көнкө, кодьяскө ордын. Рытсө каттьө.

ЗАКАР (*зумыша*). Мед сөмын омөльтор эз ло-а.

МИРОН. Мый нө сыкөд лоас? Ас сиктын өд.

ВАРУК. Мый нө, нылук, көсийн петкөдлыны?

ЕЛЮК. Эстчө, мөд жыръяс пыралам. Сэні менам...

Нывбабая саймовтчөны.

ЗАКАР. Мыйөнкө өд помасяс. (*Бишловзё.*)

МИРОН. Ог и төд, кызди таво пармаас кайнысө?

ЗАКАР. Ме вывті тайө мунліс жө. Первойысьтө торйөдчыны абу кокни. Тэ сөмын эн ёна майшась-а. Асьтө төд.

МИРОН. Кыдз нө он майшась?

ЗАКАР. Бур вирөн кай. Шыбит омөль мөвпъястө юрсьыд. Пармаыд оз ра-дейт, кор сы дорө пырөны лөк мөвпөн да скөр руөн. Оз нинөм сэки сійө тэныд сет. Пузьөм вира мортыдлы пармаыд нинөм оз козьнав. Төд ассьыд этштө век. Да мый ме тэнө велөда? Тэ өд ачыд ставсө гөгөрвоан.

МИРОН. Ог ставсө. Лөз Көр йывсьыд ме таөдз эг и кывлы весигтө. Айө эз гарыштлы. Йөзсянь эг жө кывлы. Коді нө сійө, сэтшөм мичаыс?

ЗАКАР. Сөмын тэ сійөс некор эн вөрөд.

МИРОН. Ог и көсий. Сэкинад, кор паныдасьліс, позьө вөлі пищальысь лый-ны. Эз весиг мөвп та кузя чужлы.

ЗАКАР. Пищальнад лыйөмыд сылы оз мөрччы...

МИРОН. Мыйсяма дивө нө сійө, Лөз Көрыс?

ЗАКАР. Тэныд эськө водз на төднысө да.

МИРОН. Абу нин өд тай ме челядь. Гөтыра-мөтыра нин весиг.

ЗАКАР. Сідзнадтө сідз.

МИРОН. Веськыда кө, ме сыысь весиг повзъышти, кор син водзө петкөдчис.

ЗАКАР. Сійө эськө оз повзөдчы да. Лөз Көрыд гежөдика мыччысьлө йөз водзас. Сөмын петкөдлыны, мый эм сійө таладор югыдінас.

МИРОН. Немтор эг кут тэнсьыд гөгөрвоны. Висьталан кө, висьтав.

ЗАКАР. Ог и төд.

МИРОН. Кыдз он төд? Ачыд он тшөкты со весиг вөрзөдны сійөс. Ме нө мыйөн төда, коді татшөмыс ме водзө петкөдчылө? Друг да надурнойөн лыйсяс.

ЗАКАР. Сылы лыйөмыд, шуа тай, оз мөрччы. Коді сійө? (*Чөв олыштө.*) Быд мортлөн эм кутшөмкө көсийөм, быдөн зильөны воөдчыны кытчөкө. Татшөмось ми, йөзыс. Тэнад, Мирон, кутшөм медся ыджыд көсийөмыд?

МИРОН. Ог и төд. Эг на та йылысь мөвпыштлы некор. Гашкө, Елюк мед век вөлі шудаён...

ЗАКАР. Лөз Көрыд став йөзыслөн көсйөмыс, эскөмыс, подулыс... Сы вөсна сійөс аддзыны позьö. Весиг пö кодсюрöлы малыштны сетчылöма. Ёна важөн нин коркө. А вины Лөз Көртö оз позь. Да и он вермы. Сöмын сүöдан кө...

МИРОН. Кыдз нö сійөс сүöдан? Тэрыб да.

ЗАКАР. Некудзи он.

МИРОН. Тэа-меалысь öнiя сёрнинимöс морт вежөрөн гөгөрвоны сьöкыд.

ЗАКАР. Вермас лоны. Но воöдчыны тэныд колö олöмад сэтчöдз, медым тайöс сяммин гөгөрвоны. Нинöм, тэ писькөс вежөра. Воöдчан.

МИРОН. Мед ветлöдлас. Лөз Көрыс. Ме сійөс, гашкө, сэсся ог и аддзыв.

ЗАКАР. Вермас лоны. Но эз весьшөрö пармаыс тэныд сійөс петкöдлы. Мыйкө...

Петöны Варук да Елюк.

ВАРУК. Мичаа артмöма. Ме тэнад кадö тадзисö эг кужлы.

ЕЛЮК. Абу жö нин сэтшöм мича. Мед тадзи ошкыны.

ЗАКАР. Мый нö сэтшöмсö петкöдлiс?

ВАРУК. Вурöма тай, Миронлы.

МИРОН. Меным эз на и петкöдлы.

ЕЛЮК. Пармаад мөдöдчигөн сета.

ЗАКАР (*Варуклы*). Миянлы абу на кад гортлань довгыны?

ВАРУК. Мунам сэсся. Видлöма тай лои-а. Асьныд он жö волöй-а.

МИРОН. Тöv пуксяс, да сэки кадыс лоасджык.

ЕЛЮК. Ме регыд волыны кута. Мирон вöрасьны мунас да.

ВАРУК. Бура олöй.

ЗАКАР. Асьныд кежавлöй.

ЕЛЮК. Ме колльöдышта.

Кумöн петöны.

МИРОН (*öтнасөн*). Мича жö Лөз Көрыс. Аддзыла ог бара коркө сійөс-а. Он пö вермы сійөс лыйны. Мыйла тадзисö Закарыс шуис. Кывнад сійö оз шыбласьлы да.

ЕЛЮК (*пырö*). Мый йылысь нö айöкөд варовитiнныд?

МИРОН. Сiдз. Нинöм торьясö.

ЕЛЮК. Топыд вома жö тэ. Нинöм, пычка. (*Босьтчöны дурны.*)

Восьö öдзöс. Пырö Калиса. Сы бöрся Ласей. Мирон да Елюк шензьöмөн видзöдöны на вьлö.

КАЛИСА. Бур рыт.

МИРОН. Некор волытöм гөстя.

ЕЛЮК. Пыр, Калиса.

ЛАСЕЙ (*майшасигмоз*). Со тай пырöма лои.

КАЛИСА. Айыд тай пыртöдiс.

МИРОН. Кытысь нө óta-мөдтө аддзинныд?

ЛАСЕЙ. Веськалім тай кызкө.

ЕЛЮК. Ужнайтам, сідзкө.

ЛАСЕЙ. Позьө. Кыном сьомалө жө нин-а. Калиса, кульлы паськөмтө.

КАЛИСА (*пөрчысьө, мудера вашмунлө Миронлы*). Пырөма да тшыгйөн ог мун. Елюк пө чөскыда пусьө. Ласей висьтавліс.

ЛАСЕЙ. Шусьыліс... Коркө...

МИРОН. Елюк, отсышта лөсьөдыштны пызантө?

ЕЛЮК. Отсышт. (*Вешыштөны боклань. Ас костаныс.*) Мый нө сійө татысь корсьө?

МИРОН. Ог төд. (*Пызан лөсьөдыштөм бөрын.*) Пуксьөй.

КАЛИСА (*пуксьө*). Лоө видлыны. Гашкө...

ЛАСЕЙ (*торкө*). Збыльысь зэв чөскыда Елюклөн артмө.

ЕЛЮК. Тырмас сэтшөма ошкынысьө. Ошкө пөра.

ЛАСЕЙ (*кызөктыштө*). Вай ог кут сэсся сьов каттьөмысь ворсны. Пөрысь нин. Мирон, Елюк.

МИРОН. Мый, айө?

ЕЛЮК. Мый нин сэтшөмсө висьтавны көсьян?

ЛАСЕЙ. Ми со Калисакөд мөвпыштім өтлаын овны. Том эськө меысь сійө да.

КАЛИСА. Кымынысь нин шулі тэныд, мед кө. Сөмын мед сьөлөмтьясным лөсялісны-а. (*Мудера видзөдлө Мирон вылө.*)

МИРОН (*муртса оз виньды юрсьыс*). Айө...

ЛАСЕЙ. Меным өд овны жө колө. Абу на сэтшөм дзөран пөрысь. Вирөй на ворсыштө.

КАЛИСА. Кутшөма на ворсьө...

ЕЛЮК. Мый и татчө шуны?... Нинөм кө-а.

КАЛИСА. Нинөм и эм. Ме татчө овны вуджа. Ласей со мырдысьөн корө. Ме ог жө таысь пыксьы. Төрам нельнад.

ЛАСЕЙ. Бур сьөлөмөн нө кызди он төр. Төрам.

МИРОН. Айө, волы талань. (*Сувтө да вешйө бокө. Ласей сы бөрся.*) Збыльысь али мый?

ЛАСЕЙ. Тэ, пиө, эн майшась. Ме сэксятө вунөді. Сійөс, мый тэ ськөд... Пармаө ветлін.

МИРОН. Татчө өд он жө вайөд?

ЛАСЕЙ. Кытчө нө? Менам өд гортыс. Калиса... Ме өд овны жө на көсья.

МИРОН. Сідз эськө да. Он жө Калисакөд?

ЛАСЕЙ. Зэв өна сійө сьөлөм вылө воис. Ачыс и матыстчис ме дорө. Ме эськө некөр эг лысьт...

КАЛИСА (*мужичөйяслы*). Мый нө сэні вашкөдчыны кутінныд? Миян костын өні гусятөрйыс абу.

ЕЛЮК (*оз весиг паньыштлы*). Ме ачым пырөм морт. Асьныс найө төдөны... Ой, менам мөскыд на видзөдлыгтөм.

МИРОН. Ме тшөтш петала.

ЛАСЕЙ. Отнасөн мед ветлө.

КАЛИСА. Мөскыд – бабалөн удж.

Елюк петö. Ласей любöпырысь видзöдö Калиса вылö. Калиса Мирон вылö дай. Мед-бöрын Мирон сувтö. Босьтчö пасьтасьны.

ЛАСЕЙ. Тэ нö кытчö?

КАЛИСА. Он мöй тöд. Елюк бöрсяыс. Мед вашкöдчыштны мян йылысь.

ЛАСЕЙ. Мед эз вöв ас кежын... Сэни...

МИРОН. Сэсся мян нинöм йылысь сёрнитнысö али мый?

КАЛИСА (*сувтö, матыстчö Мирон дорö*). Ме тай тэныд шулі, мый тэкöд овны кута. Меысь он мын...

ЛАСЕЙ. Мый нö сэни сёрнитанныд? Эг велав.

КАЛИСА (*нюмунö Ласейлы*). Овны велöда. Мед оз ёна...

ЛАСЕЙ. Эн жö вывтисö.

КАЛИСА. Ог, дерт. Сідз сöмын... (*Миронлы*.) Тэ менамön лоан.

МИРОН. Эн вай йöйтав.

КАЛИСА. Видзöдлам...

Первой юкөнлөн пом.

Мöд юкөн

Бөр. Öти пельöсын бипур дорын пукалö Мирон. Кылö төвлөн лёкысь шутьлалём.

МИРОН. Кытчö тэ тэрмасын, вына төв ныр? Бурыйсь али лёкысь ветлöдлан энэжа-муа костöд? Кутшöм юөр аскöдыд вайин? Бурöс али омöльöс кыскалан ас бöрсяыд? Мыйла тэ удтысьысь морт моз зілян пыравны быд пельöсö? Мыйла тэ зілян күсöдны менсьым бипурöс? (*Чöv олыштö. Тöлыс лёкысь шутьлалё водзö.*) Мый нö тайö төв нырыс талун дурмöма? Сьölöмтöм али мый тэ? Со эстысь кутшöм ыджыд да нэмöвöйся пожöм пөрöдін аслад вына морöснад. Мый нö сійö тэныд лёксö вöчис? (*Сувтö.*) Ог лэдз ме тэныд гудрасьны би пытшкас. (*Кусöдö бисö.*) Мый сэни шöйтан? Мун водзлань!

Мöдарсянь мыччысьö Калиса.

КАЛИСА (*нимкодясьö төв нырөн*). Аттьö, мый воин, вына төв ныр. Эн пов! Дыр нин ме тэнö виччыси. Отсыштан öни. Ну аскöдыд менсьым гуся мөвпгясöс. Сöмын тэ öтнадөн век гөгөрволін менö. Водзö тойласьöмön мун. Бур туй, төв ныр, паськыдін тэныд. Бара на ловзьöдін сьölөмöс аслад волөмнад. Эн пов некодысь, мун водзö! Ну менсьым гуся мөвпгясöс. Разöд. Ну!

Вочасөн лөнью төвлөн омлялөмыс. Мирон мунö. Калиса сійöс оз и казавлы. Сійö водзö ас улас мыйыськö нимкодясьö. Мыччысьö Ласей.

ЛАСЕЙ. Калиса.

КАЛИСА (*нем виччысьтöмысла сырмунлö*). Тайö тэ, Ласей. А ме чайти...

ЛАСЕЙ. Кодöс тэ чайтин?

КАЛИСА. Некодöс. Сидз...

ЛАСЕЙ (*мыччö гум*). Ме тэныд юмов гум вайи. На, чöсмась. Весали и быдөн. Ок и небыд да чöскыд. Регыд ар воас. Быдсяма юмов вотöснас сэк тэнö чöсмöдла.

КАЛИСА (*видлö вайöмторсö*). Чöскыд и эм.

ЛАСЕЙ. Кöсьян кö, ме сийöс моздор тыр тэныд вая?

КАЛИСА. Оз ков. Кöни нö Мироныд? Бара нин Елюкыскöд...

ЛАСЕЙ. Ог и тöд. Асывсяньыс мунисны кытчöкö талань. Турунла. Мирон вöрсö кытшовтны тшöтш кöсйис. Сёян миянлы ваяс. Лок. Мунам гортлань.

КАЛИСА. Ог на кöсйи. Тэ мун.

ЛАСЕЙ. Ме öтнамön ог мун. Ог жö кут тэнö татчö кольны. Мыйкö лоас дай. Тэ öд менам зэв на нэриник. Быдөн вермас дзерöдны.

КАЛИСА (*серöктыштö*). Сетча ме кодлыкö дзерöдны. Мун, мун. Ме öтнамön олышта.

ЛАСЕЙ. Ог, мися.

КАЛИСА. Мун. Он кö кöсйи менсьым дöзмöмöс виччысьны.

ЛАСЕЙ. Муна, дерт. Ог жö кут ме асьым оз тусьöс дöзмöдны. (*Шудаа нюмъ-алигтыр мунö.*)

КАЛИСА (*зывöка моз*). Мун. Кöть эн волы. Лискаасьысь пон моз гартчан век кок улын. Он, он ков тэ меным. Мирон вöснаыд ме овмöдчи тэкöд. Мед быд лун сийöс аддзыны. Сьölöм потö жö эськö да, кыз аддза Елюкыскöд кутчысьлöмсö. Нинöм, воас на кадыс. Ласейлы мый? Оз и гөгөрво, мый ог сийöс аддзы мөвпön ме ас дорысь, кор öтлаын водам узьны. Ог тэнö ме малав аслам чуньясön, ог тэнö окав пöсь вом дорьясön. Мирон вöсна тiпкö менам сьölöмöй, вöрсö менам вирöй.

Мыччысьö Мирон. Матыстчö местаас, кöни бипурыс вöли. Казялö Калисаöс.

МИРОН. Тэ нö мый тани вöчан?

КАЛИСА (*нимкодя*). Мирон! Тэ кылин менсьым гуся кöсйöмöс? Менсьым гуся мөвпьясöс?

МИРОН. Нинöм ме эг кыв. Öнтай бипур татчö пестыли да кытыськö лёк төв ныр уськöдчылис. Ковмис кусöдны да Елюк дорö ветлыны. Сийöс видзöдлыны, мед нинöм сыкöд оз ло. Татшöм төв нырыд пуяссö пöрлöдлö. Вермас дойдны. Öни со бөр бергöдчи. Тэрмасигад, гашкö, кыньяссö эг кусöд. Вермас биыс паськавны.

КАЛИСА. Эн сөр. Тэ менö аддзин да воин. Казялин, мый ме татчö локти да. Сидз öд, Мирон?

МИРОН. Шуа тай, мый бипур татчö пестыли. Тэ вай, Калиса, öвсьы сэсся. Олан кö, ов. Мый сэкнад вöли – вöли. Пармаыс асьыс кыв шуис. Менам Елюк эм. А тэ век асьыд пöжан. Кад нин öвсьыны.

КАЛИСА (*зильö топöдчыны Мирон бердö, мöдыс петитчö*). Мый нö тэ меысь йöткасян? Оз öд Елюкыд и казьявлы. Лок матöджык. Уськöдчы менам сывйö. Окала и кутла ме тэнö. Сэсся кутла да окала. Помыс оз ло менам радейтöмлön. Лок. Эн пов. Елюкыд ме моз некор оз сяммы радейтнысö. Эн пышйы аслад шудысь.

МИРОН. Вешйы сэтысь. Эн йöйтав.

КАЛИСА. Ме йöйтала? Тэ со йöйталан. Быттö он тöд, мыйла ме айыдкöд

овмөдчи. Дзик тэ вöсна. Мед тэнö быд лун аддзыны. Ачyd со меысь сэкнад эновтчин-а. Меысь он пышйы. Пыр тэ син улын лоа. Коркө небзяс сьөлөмыд да менамөн лоан. Елюктö вунöдан.

МИРОН. Эн весиг виччысь. Ме тэнадөн некор ог ло.

КАЛИСА. Мыйла тэ татшөм? Мыйла сэтшөм кöдзыд сьөлөмыд ме дорö?

МИРОН. Быттö он тöд. Эн вай йöй улö лэччысь. Ставсö тэ тöдан и гөгөрвоан.

КАЛИСА. Кытысь нö ме гөгөрвоа. Коньөр нывбабаыс.

МИРОН. Тэ коньөр? Да тэ кодь чорыд сьөлөма мортсö корсьны на колö. И весиг оз сюр.

КАЛИСА (*бара жмитчö Мирон дорö*). Мыйысь тэ менö век дивитан? Висьтав ли мый ли.

МИРОН. Тэныд висьталөм оз ков. Мун ме дорысь. (*Йötкыштö.*)

КАЛИСА. Ме эськö мыйсö ог тöд да. Тэ некытчö он воштысь. Кузяён менам лоан.

Мыччысьö Елюк. Казялö найöс да оз кöсйы матыстчыны.

МИРОН. Некор ог ло. Эн и виччысь.

КАЛИСА. Он кö, водзöстö мынтысь лоа на.

МИРОН. Тэ бара-й мынтан. Тэнö ме гөгөрвои нин. Абу жö колöма сэкнад...

КАЛИСА. Повзин?

МИРОН. Мед эг. Меным паныд водзсасыны сьökыд.

КАЛИСА. Видзöдлам. (*Мунö.*)

ЕЛЮК (*матыстчö*). Мирон.

МИРОН. Тэ нö кытысь татчö усин?

ЕЛЮК. Эштöдi куртнысö да тэнö корсьны кутi. Тöда, мый татчö тэ воывлан. Со и.

МИРОН. Мунам гортлань. Эштöдiн кö.

ЕЛЮК. Мый нö тани Калисаыс вöчö? Мый йылысь сёрнитiнныд?

МИРОН. Сiдз. Паныд веськалис да, кыв-мöд ковмис шуны. Он öд сёрниттöt дiнтiыс мун.

ЕЛЮК. Мыйкö сьөлөмлы абу лöсьыд, Мирон. Вай, мунам ай дорсьыд. Асьным керка кыпöдам.

МИРОН. Эн весиг пан тайö сёрнисö. Айöс Калисакöд ог коль. Пола.

ЕЛЮК. Меным öд ок сьökыд тадзитö. Тöдан öд Калисатö. Пыр чепöльтны кывнас менö видзöдö. Айтö, дерт, кольны сьököд сьөлөмыд оз жö лэпты. Дзикöдз, тыдалö, сьмитiтöма ли мый. Öти тölөн сэтшöма вежсис сийö. Няرمىс, Калисалөн быд шуöмысь «бöжыс» нимкодя тiралö. Эз öд татшөм сийö вöv.

МИРОН. Тöда öд. Лок эстчань ветлам. Ог ылö. Сэни зэв мича места эм. Пукыштам. Оз жö на гортö кокöй ну.

ЕЛЮК. Менö оз жö кыскы. Бара Калисакöд...

МИРОН. Сыысь тэ эн пов. Ме öд тэкöд.

Кутчысьöмөн муныштöны. Мыччысьöны Ласей да Пöлик. Пельпом саяныс пишальяс.

ЛАСЕЙ. Асныра жö тэ морт, Пöлик. Мырдöн венö пырин да татчö менö кыскин.

ПÖЛИК. Аттьö на висьтав, мый волывла тiянö. Мукöд кө эськö нывсö лёзьö-дыс бөр гортас кыскис. А ме со эг. Лэдзи Калисаос тэ дорö.

ЛАСЕЙ. Сидз эськö да. Арлыд коластным вель ыджыд. Гөгөрвоа öд. А нинöм вöчны со эг вермы. Сьöлөмöй косьмөмөн косьмö Калиса вöсна. Радейта ме сийöс ок ёна.

ПÖЛИК. Олöй. Ме пайысь. Тэ со, Ласей, менö асныраöн ыдждöдлин. Кыдз нö сытöг? Асныртöгыс? Сы вылын ме и кутчыся. Менам öд тэнад да Миронлөн мында вын некор эз вöвлы. Айöй томөн доймавлис да.

ЛАСЕЙ. Ме сәки ичöt на вöли. Сöмын йöзсянь висьталöм кивли, кызди кöингьяс сы вылö кыйситөн уськöдчывлөмаöсь.

ПÖЛИК. Ме сәки эг на жö ыджыд вöв. Аддзыли, кутшөмөн воис сийö гортö. Сөнтьяссö кияссьыс кöингьясыд ёна нетшкөмаöсь. Шуйгаыс эськö кызкö бурдис. Вескыдыс дзикöдз косьмис. Та вöсна торья бур сёян вылын менö эз быдтывны. Мый лэчкö либö налькйö шедлис, сийöс и няклявны ковмис.

ЛАСЕЙ. Да-а. Вөр-ваыд бурасö вердö сöмын найöс, кодгьяс вынаöсь да ёнöсь, винёлöсь да тэрыбöсь. Мукöдыслы вывтi этша вичмылö.

ПÖЛИК. Ме тай сийöс и шуа, мый лёк сёян вылад быдмигөн тiян кодь вын эз ло. Сöмын асныр вылын нэмсö кутчыси. Нинöм. Ме унатор на сямма тайөн шедöдны. Виччысьлам.

ЛАСЕЙ. Да-а. Асныртöгыд пармаад некызди. Кыдзи нö сытöгыс, кор тэ öтнадөн пемыд вöрын и он тöд, кодарлань бурджык муннытö? Кыдзи нö асныртöгыс, кор тэ уна кад кыйöдан зьверöс и полан вөрзынытö? Кыдзи нö асныртöгыс, кор тэ кодзыд тöлын писькöдчан джуджыд лым пиöд гортланьыд? Мам йöлөн вуджöма миянлы, коми войтырлы, асныра руыс.

ПÖЛИК. Дзик сидзи и эм. Ме тай со мыйта тöv нин вуджи да ставсö сöмын аснырөн шедöдли. Эз жö, дерт, кокниа шед. Аддзывлiн öд коркö, кутшөмөсь менам мышкуй, кокгьясöй да сойясöй. Вөрканьлөн, ошлөн гыж туйясыс, кöинлөн да став посни зьверьяслөн сәни пиньтуйясыс кольöмаöсь. Эз кө вöв аснырöй, важөн нин эськö тшыгла кули. А öни ме тiян пövстын медся стöч лыйсьысыс. Пищальнад ме веськала урыдлы синмас öти дрöбөн. Мед куыс оз тшык. Быд пöрийö инма.

ЛАСЕЙ. Эн на вывтисö ошйысь. Ми Миронкöд медся стöча лыйсям.

ПÖЛИК. Ме ошйыся?

ЛАСЕЙ. Ошйысян, дерт. Горт шөрöдз воин да кутiн посйысьны.

ПÖЛИК. Эмторнад позьö посйысьнытö. Йöз водзын тай ог ошйысь. Тэ ас морт да, сийөн жö вомысь петис. А тэ со крукасин.

ЛАСЕЙ. Крукася, дерт. Видзöдлам, кодi пасас инмас.

ПÖЛИК. И видзöдлынысö оз ков. Ме.

Пуктöны пас. Ылыстчöны сысянь. Вишкöны, но некоднанныс оз лыйны. Мыччысьö Калиса.

КАЛИСА. Тэнад, айö, пищальыд чукля. Он веськав.

ПÖЛИК. Тэнö нö код татчö корис?

КАЛИСА. Мунөмтө казялі да вөтчи. А ті со...

ЛАСЕЙ (*тшапмыштө Калиса водзын. Пөликлы*). Чукля көть веськыд, он инмы дай ставыс.

КАЛИСА. Со эстөн Мирон да Елюк пукалоны. Чукөстлам Миронсө. Сійө тиянлы пуж петкөдлас.

ПӨЛИК. Сійөс нө мый морла татчө корнысө? Эг өд ськөд венас во.

ЛАСЕЙ. Повзин?

ПӨЛИК. Ме абу полысь рөдысь.

КАЛИСА. Повзинныд тай кыкнанныд. Мирон, лок татчө! Айыд тани и!

МИРОНЛӨН ГӨЛӨС. Мыйла?

КАЛИСА. Локтан да аддзылан!

Мыччысьоны Мирон да Елюк.

МИРОН. Мый нө тани вөчанныд?

ЛАСЕЙ. Пөлик со ошйысьө, мый медся бура пасө инмас.

КАЛИСА. Ті кыкнанныд нин өткодьөсь. Мирон на медся стөча лыйсьө. Сідз өд, Мирон?

МИРОН. Ог көсйы ме венласьнысө. Мый нө тиянкөд лои? Ошйысьөм вылө сетчинныд?

ЕЛЮК. Мирон, гортө мунам.

КАЛИСА. Мун, Мирон, баба бөрся вөтлысь.

МИРОН. Ланьт, эн тшетшкы сэні. Збыльысь ог көсйы...

КАЛИСА. Сійөн и оз көсйы, мый медся бура тиян пөвстысь лыйсьө. Ті сы мозасө некор нин он велалөй. Кыкнанныдтө арлыдыс нин талаялөма да.

ПӨЛИК. Мирон меысь стөча оз на лыйсьы. Мам йөлыс на абу косьмөма со.

ЛАСЕЙ. Ме аслам пилы некор на эг сетчыв.

КАЛИСА. Либө повзис Мироньд тиянысь да сійөн со усйысьны кыйөдчө.

МИРОН. Ог көсйы мися. Челядь дурөмөн ворсны. Пуля-порок лотны.

ПӨЛИК. Миянөс челядьбөн шуис! А ачыл, ачыл...

ЛАСЕЙ. Дугды, Мирон, ышнясьнытө. Лый өтчыдысь.

МИРОН. Он тай мын тиянысь. (*Босьтө пельпом вывсьыс пицальсө.*)

ЕЛЮК (*Миронлы*). Ме муна. Мый нө тиянкөд, ая-пиакод, вөчсьыны кутис?.. Айыд мед нин. Тэ нө мыйла тадзисө?

МИРОН. Мый нө эськө сэні эльтчөны. Елюк, эн на мун. Ме налы пуж петкөдла. Аддзылан.

ЕЛЮК. Мунам вай өтлаын. Эновтчы таысь.

КАЛИСА. Мый нө сэні вашкөдчанныд? Миянөс лекөданныд али мый?

ЛАСЕЙ. Лысытгласны мед, Калиса, тэнө лекөдны!

ЕЛЮК. Мунан кө, мунам.

МИРОН. Мед сэсся водзө эльтны кутисны. Лыя пасас да вөлись.

Елюк нинөм оз шу. Мөдөдчө.

ПӨЛИК. Видзөдлам на, коді тани медся бур лыйсьысьыс.

КАЛИСА. Дерт, айө, абу тэ. Сідз өд, Мирон?

ЛАСЕЙ. Коді медся ошйысьо, сійо мед медводдзаон и шковгас. Пёлик, тэныд ковмас.

ПЁЛИК (*вель дыр вишкём бёрын лыйё*). Сё морыд! Муртса пассё вёрзьоді. Нинём. Ті весиг ме мозыс он инмой.

ЛАСЕЙ (*вишкё*). Меысь некутшом зъвер-пётка на эз пышйив.

КАЛИСА. Эз тай. Тёрыт на лунтыр довъялін да куш киён бергёдчин. Мирон кө эз во, тшыгйён эськё водны ковмис. Киясыд со сырмёны да.

ЛАСЕЙ. Менам кияс оз на дзёрны. Ме кодъ вёралысьнад некор тшыгъявнытё он кут.

КАЛИСА. Лый нин. (*Ачыс видзёдё боклань. Ласей лыйём водзвылын сити водздзык мыйкё лёкысь трачмунё вёрас. Таысь Ласейлөн киясыс вёрзьоны.*) Эн тай весиг веськав. А ошйысьомыд вёлі. Айё весиг бурджыка лыйис.

ПЁЛИК. Вель ыліті пуляыс муніс.

ЛАСЕЙ. Муртса сёмын эг веськав. Другысьон мыйкё лёкысь эстён трачмуніс да. Падмөдіс лыйёмөс.

ПЁЛИК. Ёні позьё став вылас ыстысьны. Весьт ылнаті пас дорёдыс пуляыс муніс.

ЛАСЕЙ. Эн сөр. Муртса сёмын эг инмы. Гашкё, чунь вомлөс сёмын.

ПЁЛИК. Абу од синтём. Со эстён увйыс вёрзьыліс да.

КАЛИСА. Ме адззылі жё. Сыв пасьта кымын бокиті муніс пуляыс.

ЛАСЕЙ. Муртса сёмын эг инмы. Трачмуніс да...

МИРОН. Эз кө трачмун, то айё эськё бура инмис.

КАЛИСА. Ёні, Мирон, тэ ассьыд сямтё петкөдлы.

МИРОН (*вишкё*). Ме эськё ог торъя бура лыйсы да.

ПЁЛИК. Он, дерт.

КАЛИСА. Айсьыд лёкджыка некод оз...

ЛАСЕЙ (*Миронлы*). Лый ли, мый ли! Кутін сәні нюжмасьны!

МИРОН. Лыя, айё. (*Лыйё*.)

КАЛИСА. Инмис! Дзик пас шёрас веськаліс. Со тіян пөвстысь медся бур вёралысьыс. Сійөс бара нинём оз падмөд. Со кутшөма веськаліс, дзик шёрас.

ПЁЛИК (*кокнас мусё гудйигмоз*). Надурнёнад отчыдысьтё веськавны век позьё. (*Лёкысь мунё*.)

КАЛИСА. Мирон вылө став лачаыс. Сійө жё пётка яйнад вердас-а.

МИРОН. Ёвсы, колөкө, Калиса. (*Айыслы*.) Айё, збыльысь од трачмунөмыс тәнө падмөдіс.

ЛАСЕЙ. Весась син водзысь. (*Ќдйё мунё*.)

МИРОН (*Калисалы*). Айөкөд кө мыйкё лоө, виа!

КАЛИСА (*нимкодя*). Нинём сыкөд оз ло, пөрысь дозмөркөд. Мед тодас век ассьыс донсө. Нөшта од ме водзын ошйысьны видзөдчө. Сямыс нинём вылө нин абу да.

МИРОН. Пиньтё эн кеслы. Менам шуөма. Мыйкё кө айөкөд лоө – джагөда. (*Мунё*.)

КАЛИСА (*сералё*). Мед, колөкө, менө сывйыштін дай. Он кө көйы – ставныдлы вичмас. Менам сям став выланыд тырмас.

Мыжа пон моз юрө лэдзёмөн мыччысьё Ласей.

ЛАСЕЙ. Калиса, меным со весиг яндзим тэ вылө видзөднысö лои. Эг инмы пасас да.

КАЛИСА. Эн тай.

ЛАСЕЙ. Нинөм, Калиса, овльвлө тай татшөмыс. Эн вай майшась. Ме сямма на тэнö пөтөса видзны. Аски жö ветла да ноп тыр пөтка вая. Съөла ни чукчи меысь оз дзэбсьы. Некутшөм пөтка оз ло менам пуля-дрөбысь тэрыбджык. Ачыд аддзылан.

КАЛИСА. Бара нин ошйысян. Кывйыд сөмын...

ЛАСЕЙ. Збыльысь öд трачмунис, да сйөн...

КАЛИСА. Тöда öд...

Мыччысьö Мирон.

ЛАСЕЙ. Тэ нö мый гортö он мун?

МИРОН. Дыш на.

КАЛИСА. Елюкыс, көнкө, дузъялө.

МИРОН. Пармасö кытшовта. Тянöс видзөдөм дорысь.

КАЛИСА. Эн жö дыр ветлөдлы.

ЛАСЕЙ. Эн майшась. Ыджыд нин.

МИРОН. Ог дыр.

КАЛИСА. Кыдзи нö он майшась? Гашкө, мый дыра кежлө мунö да. Тшыг кынөмнад сьökыд лоас миянлы Елюккөд.

МИРОН. Дугды, колөкө, Калиса...

ЛАСЕЙ. Куш Мирон кыйдөс вылын ог на кутöй овны. Ме аски вөрö ветла. Пөтка яйөн тэнö пөттөдзыд верда. Меысь сьөла ни чукчи оз пышйы. Ме эськө Миронсьыд да Пөликсьыд стөчджыка лыйся да. Падмөдис тай трачмунөмыс...

КАЛИСА. Видзөдлам. Аскиыс воас да.

ЛАСЕЙ. Мый нö, Мирон, джөмдін? Мунан кö, мун нин. Ошкөм виччысян, али мый?

Другөн мыччысьö Лөз Көр. Мужичöйяс тэрыба пөрччöны пицальяссьö да лыйöны.

МИРОН. Мый нö татшөмыс? Эг веськав али мый?

ЛАСЕЙ. Тэ тö эн. Ме, гашкө...

КАЛИСА. Тян помысь дай.

ЛАСЕЙ. Мый нö татшөмыс вөлі?

КАЛИСА. Тэныд нинөмла төднысö. (Мунö. Ласей бөрсянныс тирликтö.)

Мирон кольö öтнас. Мыйкө майшасигтырйи ветлөдлө. Петöны Закар да Варук. Мужичöй пицала, нывбаба чумана. Казялöны Миронöс.

ВАРУК. Висьталисны, мый тэ Елюккөд таладор сетчинныд. Көнi нö сйö?

МИРОН. Гортö нин лэччис.

ЗАКАР. Чолөм.

ВАРУК. Чолөм, чолөм. Со öд вежöрыд. Морт вылас уськөдчөма быттö лои. Весиг чолөмасьнытö вунөдi.

ЗАКАР. Ми тай пармаас жö мөвпыштим пыравны. Эстөн, ыджыд пожом дорас, озыйс таво бура петөма. Эрд вылас.

ВАРУК. Мирон өд, көнкө, Елюккөд сэтэс вотчисны нин.

МИРОН. Неуна сөмын. Ставлы тырмас.

ЗАКАР. Тэ нө, Мирон, кодарлань мөдөдчин?

МИРОН. Көсья тай видзөдлыны, кызди сьөлаясыс позъялөмаөсь эстөн. Гашкө, гырысь на паныдасяс.

ЗАКАР. Чукчиясыд матигөгөрад, ачуд төдан, зэв гежөда паныдасьлөны. Талун тэныд нинөм оз сюр.

МИРОН. Мыйла?

ЗАКАР. Абу бур руа тэ талун. Ог төд, мый лои...

ВАРУК. Эн жö өд, көнкө, Елюккөд...

МИРОН. Эг. Сидз мыйкө...

ЗАКАР. Пармаыд збыльысь оз радейт мортөс, коді локтө сы дорө лёк мөвпгясөн. Бурджык бөр косны сәки да сайкөдчыштөм бөрын сөмын пырны.

МИРОН. Ме сайкала. Со эстөн, ыджыд пожом дорас.

ЗАКАР. Кыскө сэтчө тәнө?

МИРОН. Ог төд, мыйла, но сы дорө матыстча, да сьөлөмөй мыйлакө босьтчас чеччавны. Сэсья усыпаньвыв пуксяс да сэтшөм кокни лов вылын лоас. Закар, тэ он төд мыйла?

ВАРУК. Абу кө сийө...

ЗАКАР. Энлы, Варук. Водз на, гашкө, Мироныслы та йылысь төднысө.

МИРОН. Мыйла водз? Абу өд тай кага нин. Понийө сәни ройө бытьтө увтө. Кор динтэыс кыкөн мунам, пыр сы дорө уськөдчө да увтө. Чайта, сьөла либө дозмөр сәни пукалө. Кытшлала, некодөс ог аддзы.

ЗАКАР. Пу, пу и эм. Сэтшөмыс вөрас тырыс.

МИРОН. Абу сийө мүкөд кодь. Бытьтө гөгөрвоө пожөмыс менө.

ЗАКАР. Ог төд, мыйла.

ВАРУК. Кызд он төд? Висьтав. Мирон өд ас морт.

МИРОН. Висьтав, мый падьялан? Эн ме вөсна майшась. Менө нинөмөн нин он шензьөд.

ЗАКАР. Гашкө, ковмас висьтавнысө да. Дерт, ог тшук сидзи чайт. Сөмын мөвпала... Гашкө, мися, пожөмыс тэнад ас пуыд да? Оз эськө татшөм матын оланінсяньыд сийө овлы да. Но код төдас.

МИРОН. Ас пу? Сы йылысь өд ме ичөтсянь кывлывлі, мый быд мортлөн эм ас пу. Но эг чайтлы...

ВАРУК. Закар өд сөмын тадзи мөвпалө. Гашкө, абу и сийө да.

МИРОН. Мися жö, бур меным сы дорын. Ас морт дорө моз матыстча.

ЗАКАР. Ме кывлывлі, мый ас пу дорад матыстчигөн мортыс пытшнас мыйкө кылө. Колөкө, збыльысь тэнад сийө да. Сөмын вай эн висьтав сэсья некодлы. Ми Варуккөд топыд вомаөсь. Мед лёк йөз эз кывлыны. Мыйкө вөчасны дай.

МИРОН. Ог. Ме өд топыд вома жö.

ВАРУК. Сиктсяньыс матын сийө да, вермас збыльысь кодкө дойдны пусө. Ачуд сәки...

ЗАКАР. Быдторйысь видзчысьны ок сьөкыд.

МИРОН. Ог жö эськö быд висьталöмыслы эскы да. Збыльысь пожöмыс менам пытшкöслы зэв колана да дона.

ЗАКАР. Сöмын мед оз нинöм сыкöд ло-а. Важ йöз висьталöны, мый верман на и ачылд...

ВАРУК. Закар, мунам сэсся. Вотчыштам эстөн.

ЗАКАР. Мунам. Сидз нин вывтi варовитöма лои.

МИРОН. Ме, гашкö, збыльысь сэсся гортö мöдöдча да.

ВАРУК. Лэччы, лэччы.

ЗАКАР. Мирон, тэ вай тшöкыдджыка пальöдчыв, кор пармаыскöд йитöд кутны кöсьян. Ми, мыйлакö, пыр узям быттьö. Казялам кутшöмкö выльтор пармаыслысь, сэсся öдйö велалам сы дорö. Колö эськö тшöкыдджыка садьмывны да бара выль синмөн видзöдлыны парма вылас.

МИРОН. Мыйкö гөгөрвотöма бара кутiн тэ сёрнитны?

ЗАКАР. Мунигмозыд мөвпалышт менам кывъяс вылын да гөгөрвоана лö. Вежöрыд тэнад дзуртö. Оз ков вунöдны нинöм, мый тöдлiн парма йылысь. Пыр кутны тайöс тöд вылад. Он кö, верман торксьыны. Тадзи важ йöз шулöмаось.

МИРОН. Ме сэсся мöдöдча.

ЗАКАР. Босьтчи висьтавны да помöдз нин шуа. Пармаыдлөн мывкыдлуныс миян дорысь ок унджык. Тшöкыдджыка кывзы, мый сийö вашкöдö. Кывнад сийö оз дойд. Абу йöзыд. Мукöддырйи налөн шуöмыд ньöвйысь на вынаджык да ёсьджык. Пармаыд оз дойд. Быттьö, он кö паныд сылы мун. Тайöс тöд...

ВАРУК. Мыйкö вывтi сёрниа тэ, Закар, талун лоин.

ЗАКАР. Ог тай йöзкöд сёрнит. Аслам нывлөн верöскöд.

МИРОН. Елюк öд виччысьö, кöнкö...

ЗАКАР. Эн дözмы велöдöмсьыс. Менам висьталöма со. Аслад сэсся юр эм.

Гозъя мунöны. Мирон веськöдчö öтарö, а сэсся джём сувтö да матыстчö пожöмланы.

МИРОН (*малыштö пусö*). Видза олан. Сьöлөмöй со бара босьтчис лёкысь чеччыны. А морöс пытшкöсын со шоныдджык лои. Быттьö выль, нинöмөн на сорлавтöм вир пырис сөнъясö. Ставыс сылис. Чеччышта, да кымөръясöдзыс сям-ма воодчыны. Сулав, пожöмöй, сулав. Ог лэдз некодлы тэнö дойдны. Синмöс моз кута видзны. (*Кутлö пусö да мунö.*)

Ласейлөн керка пытшкöс. Сэни Калиса. Пырö Мирон.

МИРОН. Кöни нö мукöдыс?

КАЛИСА. Гидö лэччисны.

МИРОН. Кыкөн?

КАЛИСА. Он-ö нин вежögты?

МИРОН. Ланьт. Кывзы, Калиса, тэ сöмын лысьтлы айöс кызкö дойдны. Вөрзбöдан кö коркö...

КАЛИСА. Кыдз кöсьян. Ме öд тэнсьыд век кывзыся.

МИРОН. Эн вай сэни ышнясь. Быттьö ог тöд тэнö.

КАЛИСА. Ме ышнясь? Збыльсö висьтавны сэсся эз нин кут поэны. Быттьö он тöд, мыйла ме сыкöд...

МИРОН. Тырмас дольнытö.

КАЛИСА. Ачыл мыжаыс. Мый айылды тадзи ковмö... Радейтін кө эськө менö, сэкинад эн...

МИРОН. Вай, Калиса, ов морт ногөн. Тодан öд ачыл, эз артмы миян нинöм да.

КАЛИСА. Мирон, вай бергöдам бөр ставсö. Пышгьям кыкөн татысь. Вай небзый ме дорö. Сывйышт менö топыдасыс-топыда. (*Кöсйö жмитчыштны Ми-рон бердö. Мöдыс йöткыштö.*)

МИРОН. Вешый вай. Эн дурмöдчы бара.

КАЛИСА. Ачыл тшöктан да. Дурмöдчынысö.

МИРОН. Кын сёлöма тэ, Калиса. Он сяммы тэ некодöс радейтны. Он.

КАЛИСА. Ме кын сёлöма? Гашкö, мукöд йöз дорас и сідзи да. А тэнö ме збыльысь ок ёна радейта. Пыксы кöть эн – менамөн лоан. Некытчö он воштысь. Мырддя ме тэнö Елюкыдысь. Аддылан, мырддя. Эз на паныдасылы менам олöмын морт, коді эськö эз ме ногөн вöчлы.

МИРОН. Дугды сөрнытö.

КАЛИСА. Тэ он на ставсö тöд. Чайтан, сöмын войпук дырйи ме тэ вылö синмöс пункті? Эг. Ме тэнö, Мирон, ичотсянь радейта. Сэксянь, кор кути мыйкö мöдейтыштны мужика-бабаяс костын торьялём йывсыд. Эн öд, көнкö, вунöд, кызди менам бандзибъясöй ыпнитлісны, кор вöлі тэкöд паныдасям?

МИРОН. Лёкыдла, көнкö.

КАЛИСА. Менö гортсаяс да орчөн олысыс збыльысь шулісны кын сёлöмаөн. Ичотдырсянь на. Мукöдыслөн пу увйö кө кокыс либö кийс парсыштчас, пыр жö дойысла омлявны босьтчасны. Меным лыöдзыс вöлі пыралас ув йылыс, да ог весиг чукуртчыв. Некодöс дзолясянь эг вермы радейтны. А тэ быттö вежин менö. Сингьясöй босьтчисны кыпыда югъявны, визув шор кодъ сяльгысь сёрни мыччысис весиг. Узьом ни олём эз ло. А тэ менö некыз эн казав. Кор казаялн, бара йöткыштін. Эн вайöд гортад. Öні со бара... А меным окота тэныд паныд уськөдчыны, шымыртны аслам сывгясö. Окавны, малавны... А тэ ме вылö сэтшöма сингьяснад кодзнитлан, мый овнысö абу окота. Со и öні...

МИРОН. Асьтö жалитан?

КАЛИСА. Ог сöмын ачымöс. Тэнö тшöтш и. Айтö и. Елюктö и. Айыл öд дзик ме вöсна татшöмöдзыс воис.

МИРОН. Тэ айöс эн вөрзёд. Таысь сыллитö песовта.

КАЛИСА. Ог. Тэ сайын ставыс.

МИРОН. Менам шуöма. Коді айöс вөрзёдас, сылы бур оз ло. И Елюкöс тшöтш жö эн лысьт сёрнинад чеплявны.

КАЛИСА. Öти кывйö кө воодчам, мыйла ме кута найöс дойдавны?

МИРОН. Кодкөд? Тэкөд? Некор ог!

КАЛИСА. Энлы, Мирон. Со пырöны. Слöйма на висьтавнысö. Он кө... Тэ öд ачыл тодан... Меысь он вермы мынтöдчынытö. Бурөн кө оз артмы, лёкөн ковмас. Ачыл мыжаыс таысь лоан. Ачыл...

Пырöны Ласей да Елюк.

ЛАСЕЙ. Ог и тöд, мый мöскыскöд лоöма.

МИРОН. Мый нө? Лоис мыйкө али мый?

ЕЛЮК. Дзик тай кок йывсьыс усьө-а.

ЛАСЕЙ. Висьмөма, тыдалө.

МИРОН. Бурдас өд. Сувтөдам кок йылас...

ЛАСЕЙ. Ог төд.

КАЛИСА. Ласей, эн на вунөд? Ми талун айөясө ветлыны көсйим.

ЛАСЕЙ. Кор? Эн на шулы да.

КАЛИСА. Выживалан али мый нин? Вунөдөмыд нин.

ЛАСЕЙ. Эн, мися, шулы.

КАЛИСА. Збыльысь тай тэ выживлань катовтчан. Оз кө нин тайөс розясьөм вежөрыд кут.

ЛАСЕЙ. Гашкө, шулін. Тайө мөскөд ставыс юрысь пыркаліс.

КАЛИСА. Тэ мөс вылө эн ыстысь. Ачыд кө...

МИРОН. Дугды тшетшкынытө.

ЛАСЕЙ. Оз тшетшкы да. Ме збыльысь унатор эг кут вермыны юрын кутны.

Ог төд, мыйла?

КАЛИСА. Пөрысь да, сійөн. Лок ветлам.

ЛАСЕЙ. Көсйысим кө, ветлам бара.

Калиса да Ласей мунөны.

ЕЛЮК. Мый тайө мөскыскөд?

МИРОН. Эн тадзи майшась. Бурдас.

ЕЛЮК. Кыдз нө он майшась? Лэчыв гидас да видзөдлы ачыд. Дзик өд кулан висьысь кодь.

МИРОН. Эн сөр нинөм абусө.

ЕЛЮК. Дзик өд на асывнас дзоньвидза вөлі.

МИРОН. Елюк, ме айыдкөд да мамыдкөд паныдасьлі.

ЕЛЮК. Йөйталөм бөрад али мый?

МИРОН. Дугды дузъявнытө сыысь.

ЕЛЮК. Челядясян сәні.

МИРОН. Сідз эськө да. Артмис со...

ЕЛЮК. Калиса эськө медсясө мыжаыс да.

МИРОН. Мыйысь?

ЕЛЮК. Ставсьыс. Мый нө, айө да мамө вотчөны али мый вөлі?

МИРОН. Вотчыны тай петөмаөсь. Ме сёрни выв вои накөд. Елюк, тэ ас пу йывсьыс нинөм эн кывлы?

ЕЛЮК. Кыдзи эг? Кывлі. Ичөтдырйи.

МИРОН. Ичөтдырйиыд и ме кывлі.

ЕЛЮК. Миянө вөлі тшөкыда пыравлө зэв нин пөрысь пөль. Ылысса рөдвуж на пө. Висьтавлісны. Йөзыс весиг вөлі нимтөны сійөс Вөрса рөдысь петөмаөн.

МИРОН. Збыльысь али мый?

ЕЛЮК. Код төдас. Шуөны тай вөлі-а. Сійө өтчыд айөлы да мамөлы висьтавліс ас пу йывсьыд. Ме узьөм улө лэдзчыси пөлатын. И ставсө пель сайө сюркнялі. Быд шуөм. Сійө шуис сәкнад, мый вөчан кө пө ас пусьыд лызь, кутас сійө мортсө нөв моз новлөдлыны.

МИРОН. Сөрөм жө эськө да.

ЕЛЮК. Ог төд. Сөмын, содтис пөльыд, мый мортыс сэк оз ло.

МИРОН. Мыйла?

ЕЛЮК. Эг жө гөгөрво сэкнас. Чайта, мый ас пусө вөрзёдөмысь. Оз пө позь сийөс вөрөдны да.

МИРОН. Елюк, а ме төда, көні менам ас пуой сулалө.

ЕЛЮК. Збыльысь? (*Повзё.*) Збыльысь?

МИРОН. Сідз тай чайта-а.

ЕЛЮК. А ме, йөйыд...

МИРОН. Мыйла йөй? Ме өд ог на көсйи сысысь лямпа вөчны. Сытөг на пуыс эм. Лямпа вылад. Важыс на бура котрөдлө.

ЕЛЮК. Мыйкө сьөлөм вылын эз ло лөсьыд весиг. Кылө быттё мыйкө сийө. И оз буртор.

МИРОН. Дугды, мися. Абу жө колөма сёрнисө панны.

Вөр. Мыччысьө Ласей. Киас пицаль. Тыдалө, мый корсьө кыйдөс лыйны.

ЛАСЕЙ. Мыйкө эз сідзи олөмыс мунны кут. Торксьөма. Дзугсьөма. Гоз-мөд лун нин со нинөм лыйны ог сяммы. Пытшкөсө йөршитчөм мөвпгьясыс падмөдөны ли мый? Кутшөмкө лёк висьөм топөдис мөснымөс, да регыд и кувсис. Сиктын став пемөсыс тадзи жө бырис. Нем виччысьтөг. Ог вермы некыдзи усыпаньвыв пуксьыны тайө шөгсьыс. Юрын бергалысь майшасяна мөвпгьясыс, тыдалө, повзөдлөны пөткаяссө. Сөмын жбыракылөм и воө пельясөдз. Öти пөтка на син улө эз усьлы. Калиса вылө видзөдлыны весиг ог лысьтлы. Быд сямтөм пөрысь жуныслы том гөтыр ковмөма. Көнкө, тадзи кымын ме йылысь мөвпалө сийө. Но радейта өд ме сийөс. Помтөм-дортөм, чукйөн пуысь пөсьлун да мелілун вичмө мясянь сылы. Медся небыд яйнас дась вердны-удны. Мөс вөра йөлыд со эз ло. Кукань оз жө кут сэсся миян гидын баксыны. Кытысь босьтан бур вөлөгасө? Сөмын пармаысь. Сийө со оз жө менө сибөд, оз көсйи сетны сөянсө. Мый нө мекөд лоис? Коді менө тшыкөдіс? Мыйта яндзимсө ковмис төдны бөръя лунъяссө. Нэм чөжөн татшөмыс ме вывті эз мунлы. (*Водзө кыйөдчөмөн саймөвтчө.*)

Мыччысьөны Пөлик да Калиса.

ПӨЛИК. Меным талун вель уна сьөла пармаыс козьналіс, нылө.

КАЛИСА. Тэныд нө кыз оз козьнав.

ПӨЛИК. Ме, нылө, өтнамөн та мындатө сөйны ог вермы. Пырта, гашкө, тиянлы?

КАЛИСА. Вайышт и эм. Ме верөслы локтігкежлас пөсь шыд пуа. Бара, көнкө, талун куш киён бергөдчас. Мирон некыдзи оз лок ни. Ылөдз мунөма.

ПӨЛИК. Оз ков вөлі, Калиса, тэныд сы сайө петны. Он мөй төд, мый регыд миян сыкөд сямным нинөм вылө нин оз ло.

КАЛИСА. Тэньсыд эг юасьлы и водзө ог кут...

ПӨЛИК. Со тэ кутшөм. Дзик поконча пөч кодыд. Мамыд эз вөв татшөм. Тэ пөчыдлысь ставсө босьтін. Став лёксө сийө тэныд сетис.

КАЛИСА. Тэ тай бур. Ог төд али мый?

ПӨЛИК. Ме вая сьолаястө. Тэныд вылө. Ог вермы весиг мөвпыштны, мый тэ кутан Ласейлөн сямтөмлун вөсна тшыгъявны.

КАЛИСА. Вай. Ог тай пыксы. Көть өні вай.

ПӨЛИК. Горто лэччигмозыс и пырта. Елюкыд некытчө эз мун?

КАЛИСА. Керка видзө. Кытчө нө сійө Миронтөгыс мунас? Вотчыны кө эз мөдөдчы?

ПӨЛИК. Ме верма став кыйдөсөс тэныд кольны.

КАЛИСА. Сирасис сәні...

ПӨЛИК. Бара дөзмин? Эн ай вылад скөрав. Менам өд тэыс өприч некод сәсся абу. (*Саймовтчө.*)

КАЛИСА. Мый нө Мироныс та дыра ветлөдлө? Оз мөй төд, мый менам сьөлөмөй косьмөмөн косьмө. Энлы. Мыйкө ёкмунис морөс пытшкөй. Кылө сьөлөмөй сылыс воөмсө. Матын нин, тыдалө. Көнкө неылын. (*Видзөдчө.*) Со сійө. Талань восьлалө. Ок эськө шыбитчыны кө сылань, уськөдчыны морөс бердас да топөдчыны. Мыйла сійө сэтшөм дона да колана меным? Ог и төд. Кытыс ставсө төдны? Весиг меным. (*Видзөдө мөдар боклань.*) Эсийөс со татчө жө кыскөны. Быттө вөрыс сылы сәсся абу. Öти местасө гызмалө сәні. Чушиктө-локтө. Ковмас саймовтчывны. (*Дзесьбө.*)

ЛАСЕЙ (*мыччысьө*). Бара эг вермы лыйны. (*Аддзө матыстчысь Миронөс.*) Пиук, Мирон, тэ али мый?

МИРОН. Ме, айө. Кыйсян?

ЛАСЕЙ. Вөравны эськө петі да. Но куш киа со.

МИРОН. Нинөм. Ме вая. Локтигмоз на гоз-мөдөс лыйи.

ЛАСЕЙ. Мыйкө эм абу вөрас таво?

МИРОН. Эм. Миянлы вылө тырмас.

ЛАСЕЙ. Татыс пөткакыс тай быттө вешйөма-а. Нинөм со эг лый.

МИРОН. Бөр на бергөдчас.

ЛАСЕЙ. Ог төд. Кывзы, Мирон, мыйкө ме эг сідз вөч ли мый ли. Ог ладмы ме пармаыскөд.

МИРОН. Овлө өд тай. Меным оз жө өд век шед.

ЛАСЕЙ. Менам мыйкө кузя нюжавны кутіс да. Сы мында лун нин нинөм эг лый. Лэч-налькыс куш и. Эз, эз на некор татшөмыс мекөд вөвлы. Тшыкөдөма кодкө. Эз кө... Ме тай өтияс вылө чайта-а.

МИРОН. Матысьджык тшыкөдысьсө, айө, корсь.

ЛАСЕЙ. Кытыс нин матысьджыкыс? Сәсся некод абу да. Налөн чукөрыс өприч некодлы. Эз кө өд тшыкөдны, көть сьолайд син улө веськавліс жө. Нинөм өд, Мирон, весиг эг аддзыв. Весиг пөтка бөжыс син улө эз усьлы. Менө кылөны да йөймөмаөсь быттө. Лэзбөны меыс. Тшыкөдтөг тадзисө оз овлы.

МИРОН. Гашкө, збылысь вешйө татыс зьвер-пөткакыс да.

ЛАСЕЙ. Лэбалөны на да. Асьнысө ог аддзыв. Сөмын борд шыяссө бура на кыла. (*Ышловзьбө.*) Ме эськө кызкө ола. Калисаыс яндзим. Ме вөсна тшыгъявны кутас. Талун со бара нинөм ог вай.

МИРОН. Менсьым кыйдөсөс босьт. Сет сылы.

ЛАСЕЙ. Вай дугды. Йөз кыйдөсөн ог жө кут посйысьны. Эг на дзикөдз йөймы да. Көть эськө...

МИРОН. Босьт, мися. Ме сөрөнджык локта.

ЛАСЕЙ. Яндзим эськө да. Но мый сэсса вочан? Калисай кутас чайтны, мый нинөм вылө нин сямой менам эз ло. Уркнитчас ме дорө.

МИРОН. Оз ков вөлі, айө, сыкөд отлаасыны.

ЛАСЕЙ. Кыдзи нө оз ков?! Ме сийос сэтшөма пыдди пукта. Сьолөмой то-павлө, кор аддза. Сийө од менам сэтшөм...

МИРОН. Тэныд тай висьтав көть эн.

ЛАСЕЙ. Дзөля на айтө велөдны. На бөр! Оз ков тэнад кыйдөсыд! Ачым на лыя. (Мунө.)

КАЛИСА (мыччысьө). Оз тай айыд тэнө кывзысь.

МИРОН. Тайө тэ, Калиса? Кывзысин али мый нө?

КАЛИСА. Ас көйытөг артмис. Буретш тани сулала вөлі.

МИРОН. Мый нө айөкөд лоөма? Тэ али мый?

КАЛИСА. Ме вылө ошөд. Оз сяммы нинөм да.

МИРОН. Дугды, колөкө, Калиса, дурнытө.

КАЛИСА. А тэ мекөд мунан татысь? Кытчөкө ылө-ылө.

МИРОН. Öвсы. Эн дыдгы пыр быд нинөм абу йывсыс.

КАЛИСА. Он кө... Ачыд мыжаыс...

Кост. Вөчсьө сәни жө. Сөмын вөрыс быттьө вежсьөма. Жугыльджыка шувгө, зумышджыка олө. Мыччысьөны Мирон да Елюк.

ЕЛЮК. Эн дыр ветлы, Мирон. Асьтө эн мудзтөд. Кыдзкө од олам.

МИРОН. Кыдзкөнад овнытө сьөкыд. Ачыд аддзан.

ЕЛЮК. Аддза, дерт. Сьолөм потө таысь. Сөмын нинөмөн отсавнысө ог сяммы-а. Мыйкө орис мян да парма костас. Сийө вөсныдик сыс, коді йитө вөрсө да кыйсьысьөс. Тайө сыс сэтшөм вөсни, мый шуөм кыв весиг вермас ордны. Тадзи коркө шуліс пөлыс, код йылысь тай висьтавлі. Көдкө абу сідз вөчөма, да та вөсна тадзисө артмө öні. Тшыг олөм ставнымөс шымыртис. Зьвер-пөткаыс быттьө уськөдчөмөн бөкө вешйисны. Некрыдз кутны да косөдны он вермы.

МИРОН. Ставсө тай тэ вежөртан. Збыльысь зэв ылө мунөмаөсь ставныс. Том вөралысьяскөд кытчө нин сөмын эг ветлөй. Нинөм абу. Куш пармаыс.

ЕЛЮК. Бергөдчасны жө эськө да.

МИРОН. Кор ми ставөн тшыгла кулам.

ЕЛЮК. Көдкө өна дурө. Гортса пемөсыд быри. Öні со...

МИРОН. Быттьө он төд коді?

ЕЛЮК. Төда. Сөмын ог гөгөрво помкасө.

МИРОН. Тэ вай сэсса кос.

ЕЛЮК. Ылө эн мун.

МИРОН. Ог. Елюк?

ЕЛЮК. Мый?

МИРОН. Сэкинад пөлыс мый шуліс ас пу йывсыд?

ЕЛЮК. Нинөм эз.

МИРОН. Лямпа пө сысысь позьө вөчны. Вывті тэрыбөс?

ЕЛЮК. Дугды, Мирон. Весиг та йылысь гаравны.

МИРОН. Мыйла?

ЕЛЮК. Оз позь. Кулас сэк мортыс. Оз ло.

МИРОН. Код төдас на...

ЕЛЮК. Пармаислөн ставыс ас местаас лосьөдөма. Торкны нинөм оз позь. Өти торкөм кыскө аскөдыс мөдөс, коймөдөс... Сэсся и пом мыгчысьө. Оз некыдзи позь пармаөн лосьөдөмторсө торкны. Оз.

МИРОН. Гашкө да.

ЕЛЮК. Мирон, эн та йылысь весиг мөвпав. Лёк тайө.

МИРОН. Сидзкө, мый йөзыс тшыгла куласны, сийө бур?

ЕЛЮК. Локтас, мися, бөр пөткаыс.

МИРОН. Кор тшыгла куласны. Сэки?

ЕЛЮК. Весиг буртор вөчөм могысь оз позь торкны пармаислысь тэчасногсө. Гөгөрво тайөс.

МИРОН. Мыйкө зэв сюся кутін тэ талун мекод сёрнитны. Айыдлөн вуджөма али мый?

ЕЛЮК. Аслам на мывкыд выйим. Дерт, и айө мыйсюрөө велөдлывліс жө... Кывзы, Мирон, ме өд ставсө аддза и гөгөрвоа, мыйла тадзисө...

МИРОН. Мый аддзан?

ЕЛЮК. Ставсө. И төда, мый ставыс бурөн помасяс. Колө виччысьыштны. Сөмын шыбит юрсыд ас пу йывсыд мөвпгъастө.

МИРОН (*кутлө сийөс*). Мун гортө. Ме видла нөшта пармасө кытшовтны.

ЕЛЮК. Сөмын эн дыр. Гажтөм тэтөг.

Мирон мунө. Елюк мөдарө. Сылы паныд өдйө локтө Калиса. Найө видзөдлөны өтамөд вылас. Нинөм оз шуны.

КАЛИСА (*Миронөс вөтөдөм бөрын*). Муртса и суи.

МИРОН. Мый нө аштөмөн вөтлысян?

КАЛИСА. Ас кежө веськөдчыны көсья, мед кутлыны.

МИРОН. Кывсө он гөгөрво?

КАЛИСА. Тэ кө гөгөрвоан и...

МИРОН. Айөс эн өтдорт. Сийө тшыгйысла вывті нин омөль.

КАЛИСА. Айыд оз ло, да сэки мекод овмөдчан. Куимөн кутам овны. Он өд коньөр нывбабаөс ывла вылө йөткышт.

МИРОН. Эн вай кывнад шыблась. Айлысь кулөм вишкан. Ме сылы кувны от сет.

КАЛИСА. Оз со нинөм шед да. Тшыгйөннад пөрысыд дыр оз ов. Ми, томьяс, кызкө кутчысям-а.

МИРОН. Абу на вывтісө сийө пөрысь.

КАЛИСА. Он өд менө вөтлы?

МИРОН. Тэ меным он ков.

КАЛИСА. Ковма өд коркө. Кад воас да. Некугчө меысь он воштысь.

МИРОН. Босьтам да Елюккөд мөдлаө вуджам дай. Да и эз на кув айөй. Сийө винёв, кок йылас өдйө сувтас.

КАЛИСА. Тайө висьөмссыс оз нин сувтлыны.

МИРОН. Тшыкөдін али мый? Висьтась. Тэ кө мыйкө айөкөд вөчан – ловтө перья.

КАЛИСА. Сийө ачыс асьсө тшыкөдіс. Аслас рунас.

МИРОН. Тэ өд отсыштін жө?

КАЛИСА. Код төдас.

МИРОН. Весась ме дорысь. Эн, мися, вөтлысь.

КАЛИСА. Кытчө нө мөдөдчин?

МИРОН. Тэныд ог висьтав.

КАЛИСА. Меным кө он, айöлы көть юөрт. Со сійö куш нопйөн локтö.

Мыччысьö Пöлик.

МИРОН. Кытчөдз нө, Пöлик, ветлін?

ПÖЛИК. Ой ылö. Та ылнасö ме некор на эг лысьтлы муннысь. Вошöмысь полі.

КАЛИСА. Мыйкө, айö, сюрис эз?

ПÖЛИК. Дзик тыртöг локта. Нинөм абу.

МИРОН. Гашкө, лунвывланьö зьвер-пöткаыс вешйис? Сэтчö ветлыны ковмас.

ПÖЛИК. Ме сыланьö сетчывлі жö. Куш жö вöрыс.

МИРОН. Ме ылөджык ветла. Көнкө өд эм жö.

ПÖЛИК. Калиса нө тэкөд жö мунö?

КАЛИСА. Сыкөд, айö.

МИРОН. Эн сөр. Кос гортад айыдкөд. (*Мунö.*)

ПÖЛИК. Со өд, нылö, олöмыс кызд бергөдчис. Көсйи тэныд пöтка вайны. А эг аддзы.

КАЛИСА. Тэ помысь дай. Мирон ылö сөмын коли эскөмöй.

ПÖЛИК. Сылы нө кытысь сюрас? Меным эз-а. Сы помысь.

КАЛИСА. Видзөдлам. Сійö на миянөс мездас. Менам ставсö артыштöма...

ПÖЛИК. Тэ али мый дуран? Пöчыд моз.

КАЛИСА. Сідз сөра.

Мунöны. Налы паныд мыччысьö Елюк.

ПÖЛИК. Елюк, тэ нө кытчө?

КАЛИСА. Мирон бөрсаяс. Вошöмысь видзны.

ЕЛЮК. Эн пиньтö кеслы.

КАЛИСА. Со. Гөлөс письтіс. Ог нин вермы виччысьны, кор воча шуан мыйкө.

ПÖЛИК. Дугды, Калиса. Мунам.

Елюк нинөм сэсся оз шу. Лёкысь Калисакөд видзөдлöны öта-мөд вылас да янсөдчöны. Кост. Мыччысьö Мирон. Матыстчö пожöмланы.

МИРОН. Ог сэсся вермы видзөднысь. Сьёлөмöй шогнас ойдöма. Эз өд и нинөм сюр. Вель ылөдз ветлі да. Ме ылö сиктын лача кутöны. Горгын и. Аддзасны куш киөн воөмтö да омлявны кутасны. Ок эськө ылөджык кө ветлыны. Но он вермы. Бур сёянтöгыд эбөс бырöма. Кызди сәки Елюк висьталіс? Кералан пö кө ас путö да лямпа сыысь вöчан, сійö пö тэнö кутас нуны ньөвйысь на өдйөджык. Ок эськө сійөн кө, татшөм тэрыб лямпанас, ветлыны. Ылö, көні некод оз ов.

Көні зъвер-пөткаыс жуё. Сэсся өд ас путё кө керыштан – верман бырны. Кулан ачыл. Тадзи пө тай пөлыс висьтавлёма. Гашкө, эз бура Елюк велав да? Ичөт на вөлі да эз сідз гөгөрво? Айё со вуджөр кодъ нин кутіс лоны. Оз, оз вудж сійө төвсө. Елюк оз и. Мукөдыс тшөтш жө. И ачым ог жө ло. Мыйла, сідзкө, кулан кадсө виччысыны? Кор ас пуой вермас ставнысө тшыгъялөмысь мездыны. Быттьө эз кө сөрны... *(Кыскө паськөм улас саймовтөм чер. Малалө пусө. Көсйө керыштны.)*

ЕЛЮКЛӨН ГӨЛӨС. Мирон, сулав!

МИРОН *(оз лөсышт чернас. Джөм сувтө)*. Каститчө али мый? Елюклөн быттьө гөлөсыс кыліс? Паньд ветла. *(Мунө)*

Мөдарсянь мыччысьө Елюк. Сійө тэрыба матыстчө пожөм дорө.

ЕЛЮК *(меліа малалө пусө)*. Сулав, Мирон, сулав. Мыйкө сьөлөм зэв ёна песьсө. Чайті, мый Мирон татчө локтіс. Абу со. *(Бара малалө пусө)*. Сулав. Зумыда сулав. *(Недыр мысти мунө)*

Тыдовтчө Мирон. Бара локтө пуланьыс.

МИРОН. Каститчөма и эм. Некоң абу да. *(Бара майшасьө)*. Мый и вөчны? Коді нө йөзсө тшыгла кулөмысь мездас? *(Босьтчө керавны. Ачыс лөкысь ойзигтыр шуалө)*. Лөксыс-лөк дой юковтө кузяла и пасьтала. Быттьө мый вынсьыс кодъяскө менө нөйтөны. Быттьө ошгяс яйёс чашйөны-косявлөны ловъядырйи...

Кост. Мыччысьөны Калиса да Ласей. Нывбаба пельном вылө кисө пунктөмөн Ласей өдва чушиктө-мунө.

КАЛИСА. Оз тэнад гортын пукавсьы. Кыскин мырдысьөн вөрө.

ЛАСЕЙ *(пищальсө дасьтөма)*. Гашкө, кутшөмкө пөтка син улө усьө. Көть нин тэно вердышта. Ачым кызкө-мыйкө...

КАЛИСА *(кутө омөлтчөм Ласейөс сойбордөдыс)*. Он нин со дзик вермы да. Век колө вөрө мунны.

ЛАСЕЙ. Ті менсьым лов петөмөс эн виччысьбй. Менам лолыд ок пыдын.

КАЛИСА. Некод тәнсьыд кулөм оз виччысь. Ов, мыйта көсьян.

ЛАСЕЙ. Мый тайө пармаыскөд вөчсьө? Дзискөдз кушмөма. Весиг пөтка борд шы оз кыв. Көть нин мед эськө өтиөс лыйны. Тэныд пөсь шыдтөгьд, көнкө, абу кокни.

Мыччысьө Мирон. Киас кутө выль лампа гоз.

КАЛИСА. Выль лампаяс вөчөмыд?

МИРОН. Он мөй аддзы.

ЛАСЕЙ. Важыс зэв на гылыд вөлі да. Пусө нө мыйла керавнысө?

МИРОН. Кутшөм пу? Некутшөм пу ме эг керав.

КАЛИСА. Кытысь нө эськө выль лампаясыс? Сырыс со дзик на косьмытөм да.

МИРОН. Вөчи со. Öні, айө, ми сёяна лоам. Яйөн верда.

ЛАСЕЙ. Кытысь? Кы-ы-ты-ысь яйыс?

КАЛИСА. Пётка чукөр казялін али мый?

МИРОН. Оз тэкөд сёрнитны.

ЛАСЕЙ. Тэ, пиук, Калиса ыло эн каттысь. Сылы, коньёрлы, миян дорысь на сьёкыджык.

МИРОН. Ог эськө да. Яйыд збыльысь лоас. Öнi жö. Тэ, айö, бара тэрыб кока лоан. Ёнман да уна на вöралан.

ЛАСЕЙ. Оз кө нин татшöмторйыс ло-а.

МИРОН. Лоас, айö, ставыс лоас.

КАЛИСА. Медъя эськө да. Тэ нö, Мирон, вой улас али мый вöравнысö мунан?

МИРОН. Ветла. Ме öд бөр-водз...

ЛАСЕЙ. Регыднад нö кытысь пöткасö аддзан? Ылö, ок ылö колö мунны. Менам кө эськө важ кодь эбöс вöли, эг жö гортын пукав. Медся пемыд вöрсьыс эськө прöмыстö корси. Калисаöс чöсмöдлi небыд чиг яйöн.

МИРОН. Эн майшась, айö. Ме регыд бергöдча. (*Мунö.*)

КАЛИСА. Тэ, Ласей, татчö пуксьыштлы. Ме регыд... (*Кöсйö мунны.*)

ЛАСЕЙ. Тэ нö кытчö?

КАЛИСА. Олышт, мися, сутш. Ме локта...

ЛАСЕЙ. Мирон бөрсяыс али мый вöтчан? Тэныд оз позь.

КАЛИСА. Мыйла?

ЛАСЕЙ. Гашкö, збыльысь пийö пöткаясöс аддзылис да. Торкан мортсö.

КАЛИСА. Ме сöмын видзöдла. Кодарлань сетчис? Сэсся тэ дорö локта. Сэтчö жö нуöда. Быттьö эмöсь кө пöткаясыс. (*Мунö.*)

ЛАСЕЙ (*майшасигтыр пуксьö*). Быдсяма олöмсö ковмылö мортыдлы вуджны. Мый морла бара Калисаыс Мирон бөрсяыс кыссис-а? Урсалас и быдөн. Абу эськө чорыд морт да. Но пармаад быдторйысь ковмас виччысьны.

КАЛИСА (*локтö*). Эг öд и аддзыв. Зэв öдийö кытчöкө пызйыштöма.

ЛАСЕЙ. Вай отсышт сувтнысö. Пукалöмнад нинöм оз чукты. Ветлöдлыштам. Колökö, збыльысь пöткаыс бергöдчыны кутöма. Мирон мыйкө казялöма да оз висьтав. Вомдзалöмысь полö ли мый?

КАЛИСА (*отсалö кылöдчыны*). Гашкö, гортлань сэсся сетчам да? Оз жö нин нинöм тэныд сюр-а.

ЛАСЕЙ. Миронлы кө сюрас и меным тшöтш. Ме сыысь абу омöльдзык вöралысь.

Мыччысьö Мирон. Ыджыд нопъя.

МИРОН. Шуи тай, мый ог дыр кежлö ветлы. Со. Вайи.

ЛАСЕЙ. Збыль сюри али мый?

КАЛИСА. Он мöй аддзы? Нопйыс кутшöм. Тайö тэныд оз сюр, а Миронлы век...

МИРОН. Сидзи и эм да. Айö, босьт кыйдöссö да гортö лэччöдöй. Менам локтиг-кежлö шыд пуйй.

ЛАСЕЙ. Тэ он лэччы али мый?

МИРОН. Ме нöшта ветла. Ставөн öд тшыгъялöны. Ог куш ми. Мукöдыслы тшöтш вая сёянсö.

ЛАСЕЙ. Гашкө, ме тшөтш жө да... Тэкөд ветла. Видзөдөмпөръяыс абу ылын. Недыр тай ветлін-а.

КАЛИСА. Тэ помысь...

МИРОН. Өтнам ветла. Ті гортө мунёй. (*Саймовтчө.*)

ЛАСЕЙ. Бергөдчө, сідзкө, зъвер-пөткаыс.

КАЛИСА. Оз на.

ЛАСЕЙ. Кыдзи оз? Со пиёй мыйта вайёма.

КАЛИСА. Мый тэкөд бызгынысө. Нинөм он төд да.

ЛАСЕЙ. Мый ог төд? Тшыгъялін нин ёна, көнкө. Мунам да өдийөджык пуам пөткаяссө. Пөттөдзид верда.

КАЛИСА. Тэ, дерт, вердан...

Гозъя мунёны. Недыр мысти мыччысё Пөлик.

ПӨЛИК. Таладорсянь кысянькө Ласейыс Калисакөд локтисны. (*Видзөдалё пищальсө чургөдөмөн.*) Нинөм со абу да. Нылёй прөмысөн ошйысис. Кытысь нө эськө кыйёмаось? Кутшөмкө нимкыв Ласейыс төдө али мый?

Мыччысё Мирон.

МИРОН. Бур, мый тэнө, Пөлик, паныдалі. Өтнамөн та ыджада ноптө ог вермы лэччөдны.

ПӨЛИК. Мыйкө сюрис али мый?

МИРОН. Шедыштіс тай со. Отсышт.

ПӨЛИК. Йёз кыйдөсөн некор на эг лэччыв. Ачым на верма кыйнысө да. Мый нө вайин?

МИРОН. Чукчи яй. Көр чиг и.

ПӨЛИК. Кытысь?

МИРОН. Кыйи.

ПӨЛИК. Айыд тай нопйөн жө лэччис. Мукөдсө вочаалі, да ставныс тыртөмөн довгөны вөлі. Мыйла нө налы абу сюрөма?

МИРОН. Миянлы тай пармаыс вичмөдіс-а.

ПӨЛИК. Тэныд кө сюри, меным сюрас нин. Ог на кутёй йёз сьылі ылын пукавны. Асьным на кор сяммам.

МИРОН. Оз шед нинөм тэныд. Абу матіас.

ПӨЛИК. Эн сөр. Петкөдлы, сідзкө, кытысь вөрасин?

МИРОН. Ог.

ПӨЛИК. Со на тэ кутшөм вөлөмыд. Көсьян сөмын ачыд кыйсьыны. Окота, медым войтырыс копрасьөмөн тэнө аттьөалісны. Сійөн и меным он петкөдлы. Мед асьтө ошкисны. Со пө, Мироныс, кутшөм бур вөралысь. Абутөминсьыс сяммө кыйны. Тэ петкөдлы, кытчө пөткаясыс овмөдчөмаось. Эмаинсьыд ме верма жө кыйнытө.

МИРОН. Ылө ме ветлі.

ПӨЛИК. Ме сямма жө ылөтө ветлыны. Абу тай коктөм. Эстісянь локтін?

МИРОН. Сэсянь. Вай бурджык эн мун. Лэччөдам нопсө да йёз костас юклам. Тэныд вичмас и.

ПӨЛИК. Эн менө йөйөн чайт. Кута тай тэнад кыйдос вылын овны. Ачым на сямма... (Мунё.)

МИРОН. Мыйсяма морт. Кылөн-вомён висьталомсө оз кывзы. Нөшта өд кыскавны кутис. Он пө петкөдлы местасө. Быттьө дурмис. (Мунё.)

Ласейлөн керкаыс. Сэни Пөлик да Ласей.

ЛАСЕЙ. Мирон быд лун ноптырөн пөткасө вайө, а меным некод оз паныдась. Кутшөмкө бур места төдө да весиг айыслы оз петкөдлы.

ПӨЛИК. Тэ эськө, Ласей, төдан да?

ЛАСЕЙ. Ог, мися.

ПӨЛИК. Пиыд моз йөй улө эн лэччысь. Кыкнанныд өткодьбось кутінныд лоны.

ЛАСЕЙ. Төді кө эськө... Оз висьтав да.

ПӨЛИК. Эн сөр. Кыдзи оз висьтав?

ЛАСЕЙ. Оз. Гусьөн видзө.

ПӨЛИК. Дурмөма али мый? Нэмсө ми өтвылысь вөравлім да. Некод на йөзсьыс бур местаяссө эз дзеблы. Тшыксьыны, дзикөдз тшыксьыны пиыд кутөма. Мыйкө сыкөд лоөма.

ЛАСЕЙ. Абу эськө да. Нинөм сэтшөмсө эг казяв.

ПӨЛИК. Тэныд өд висьталіс жө?

ЛАСЕЙ. Эз, мися. Оз өд дыр кежлө и вошав. Матысь кытыськө адзөма зьвер-пөтка кельөбсө.

ПӨЛИК. Ме эськө аддзылі, кытысь сійө локтіс да.

ЛАСЕЙ. Вай ветлам. Луныс миян. Кытшовтам.

Лөсьөдчөны да петөны. Недыр мысти пырөны Елюк да Мирон.

МИРОН. Тэ нин көть, Елюк, эн дузьяв.

ЕЛЮК. Ме ог дузьяв. Шогала. Тэ вөсна сьөлөм доймө. Мыйла нө тадзисө вөчин?

МИРОН. Тэ на кодь жө. Медводдза луннас, кор сөянсө сиктас вайи, ставөн аттьөавны уськөдчисны. Сэсса мөдысь, коймөдысь... Кытчөдз кок йыланис эз сувтны. Та бөрын ме вылө усьласьны кутісны. Мыйла ог петкөдлы.

ЕЛЮК. Ме жө шулі...

Пырө Калиса.

КАЛИСА. Ті век өтлаынөсь. Веж весиг петлө.

ЕЛЮК. Вежав дай.

КАЛИСА. Сійөс тай и шуа. Мирон, лок отсышт яйсө вундавны.

ЕЛЮК. Ачыд сямман. Мирон сэтчө оз ков.

КАЛИСА. Мужик мортлы тайө абу удж. Меным сьөкыд.

МИРОН. Отсышта. Тэ, Елюк, эн жө сэтшөма...

ЕЛЮК. Ме сэсса мыжа лои.

МИРОН. Сюйсян да.

КАЛИСА. Сюйсьө тай.

ЕЛЮК. Ог кут тiянлысь бызгöмтö кывзыны.

КАЛИСА. Он, дерт.

МИРОН. Ми ог на бызгöй. Мый юрад воас, сийöс и кутiн шуны.

Елюк кыв шутöг петö.

КАЛИСА. Аддзылiн?

МИРОН. Тэ эськö эн жö да...

КАЛИСА. Ме тай нинöм и эг шу паныдсö.

МИРОН. Сидз эськö да. Кывзы, Калиса, тэ öд ставсö бура тöдан...

КАЛИСА. Кытысь нин меным, коньöр нывбабалы, ставсö тöдны дай.

МИРОН. Дугды ышнясьнытö. Мыйла нö йöзыс сэтшöма ме вылö дузгöдчисны? Весиг со айö чушсö нюжöдöма. Елюк и... Быттьö нинöм лөксö некодлы эг вöч. Мöдарö на...

КАЛИСА. Вежныс петö да сийөн. Тэ кодь тэрыблуныс налөн абу да. Оз тöдны, кытысь тэ зьвер-пöткасö кыян. Чайтöны матысь. И он висьтав налы. Öтнадөн кöсьян бурнас лоны.

МИРОН. Кыдз нö ме налы петкöдла. Ылын öд.

КАЛИСА. Ме öд тöда. Тэ, Мирон, став зьверсьыс тэрыб. Кодöс он аддзы, сийöс и суöдан.

МИРОН. Кытысь тэ тöдан?

КАЛИСА. Аддзылi öд, кыдзи тэ сэкинад выль лямба вылад сувтiн. Тöv ныр моз сэсса вошин синтьяс водзысь.

МИРОН. Эн вай ылöдчы.

КАЛИСА. Ме ылöдча? Збыльысь аддзылi да.

МИРОН. И некодлы та йылысь эн висьтавлы?

КАЛИСА. Абу öд ме паськыд вома. Мыйла нö висьтавны кута? Сидз нин ставныс тэ вылö син еджыднас видзöдöны да. Чайтан, öнi тэ медся тэрыбөн лоин? Ставсö, кодöс аддзан, верман суöдны?

МИРОН. Сидз тай пыр на вöли-а. Эг öд кö суöднысö вермы, та мында кыйдöссö эг кыскав. Некод на меысь эз пышйыв.

КАЛИСА. Ошйысьны нин босьтчин.

МИРОН. Кыйдöсөн эськö оз ошйысьлывлыны да. Дерт, и вомдзавны öнi менö некод жö оз вермы.

КАЛИСА. Оз. Некод оз.

МИРОН. Ачым тöда.

КАЛИСА. Тэ öнi быдтор тöдан. Сöмын тай абу на тэ медся тэрыбыс-а.

МИРОН. Эн дэльöдчы. Некод на эз паныдасьлы сэтшöмыс, кодöс эг вермы суöднысö.

КАЛИСА. Эм. Ме тöда.

МИРОН (*мөвналö*). Абу. Абу меысь тэрыбджыкыс некод.

КАЛИСА. Эм.

МИРОН. Висьтав. Кодi?

КАЛИСА. Висьтала инöсь. Он жö тэысь мын. Ягö регыд йирсыны воас Лöz Көр.

МИРОН. Лöz Көр? Сийöс öд оз позь вөрзöднысö.

КАЛИСА. Эн быд нинөм абусө бызгы.

МИРОН. Збыльысь. Меным висьтавлісны.

КАЛИСА. Повзин? Тодан, мый он сяммы суодны Лоз Көрсө да босьтчин нинөм абусө висьтавлны.

МИРОН. Тэ век пакость вочны видзөдчан. (*Чөв олыштө.*) Да, Лоз Көрыд тэрыб.

КАЛИСА. Сійөс, Лоз Көрсө кө, верман вөтөдны, тэысь тэрыбыс сесся некод оз ло. Став зьвер-пөткаыс тэнад.

МИРОН. Ставыс меным оз ков. Но збыль мөй Лоз Көрыс сэтшөм тэрыб?

КАЛИСА. Чайта, мый тэысь өна тэрыбджык.

МИРОН. Суода кө?

КАЛИСА. Суодан кө, сьөлөмсө меным вай.

Пырө Елюк. Кылө бөрзя кывъяссө.

ЕЛЮК. Кодлысь нин сьөлөмсө коран?

КАЛИСА. Ог тэнсьыд. Лоз Көрлысь.

ЕЛЮК. Кодлысь? Мирон, мый нө тэкөд? (*Аддзө верөсыслысь мунны лөсьөд-чөмсө.*)

МИРОН. Ме өд сөмын суодны сійөс видла.

КАЛИСА. Ме ог эскы, мый суин. Сьөлөмсө кө он вай. (*Сералө.*)

ЕЛЮК. Мирон, он жө мун?

МИРОН. Мый нө ме тани вочны кута? Тэ со пыркъялан жө. Быд кывйө крукасян.

КАЛИСА. Сэтшөм тай.

ЕЛЮК. Эн вай, Мирон, дурмөдчы. Лоз Көрсө өд он жө вөрзьөд?

МИРОН. Дугды, мися. Некод сійөс оз вөрзьөд.

ЕЛЮК. Син сертиыд өд гөгөрвоа.

МИРОН. Ставныд ті мыйкө гөгөрвоанныд. Сөмын ме нинөм ог. Ёна тай колө Лоз Көрсө суөдөмыс. Мед ветлөдлө. (*Петө.*)

Бөр. Мыччысьоны Ласей да Пөлик. Казялөны Миронөс.

ПӨЛИК. Со бара гусьон миянысь петөма вөравны.

ЛАСЕЙ (*матыстчысь Миронлы*). Кытысь тэ, пиө, кыян зьвер-пөткасө? Некод ягас абу да.

ПӨЛИК. Сійө оз висьтав. Аслыс телепит йөз водзас бурон лоны. Мед ми сылысь кевмысим.

МИРОН. Оз. Оз ков меным тиян кевмысьөмныд. Ылысь ме кыйся.

ЛАСЕЙ. Ми эськө Пөликкөд вель ылө жө ветлім да. Но ловья лов эг адзылөй. Вай висьтав ли мый ли, кытысь кыйсян. Эн горшась. Айыд өд ас морт.

ПӨЛИК. Ми быттьө йөзөн лоим. Нэмсө отлаын ставсө вөчлім да.

ЛАСЕЙ. Сідз эськө да. Пөсь вывьыд со артмис. Висьтав, мися. Ставон отлаын вөрасьны кутам. Унанад бурджык кыйдөс өкмас.

МИРОН. Сідз эськө да. Но ог вермы ме тиянөс босьтнысө.

ПӨЛИК. Мыйла?

ЛАСЕЙ. Мыйла нө он?

МИРОН. Эн весиг юасьой. Ог, и ставыс.

ПӨЛИК. Вывтї тай тшап кутін лоны. Абу мича тадзитө.

ЛАСЕЙ. Абу, дерт. Ми пыр на быдөнкөд юксьывлім. Эг куш ас йывсьыным мөвпавлөй. Өтнадөн тэ сэтшөмыс мыччысин. Код рөдө бара мунөмыд-а?

ПӨЛИК. Синмөн видзөдны сійөс эг кут вермыны. Тьпу! (Мунө.)

ЛАСЕЙ. Йөзсө сөмын дөзмөдан. Тьпу! Пөлик, сулав. Өглаын лэччам. (Мунө.)

МИРОН. Мый сэсся татчө шуан? Быттө бур вөчөм могыс ас пуөс пөрөді. А со кызди бергөдчө. Лөгавны ставөн нинөм абусьыс кутісны. (Мөвпалө.) Босьта да збыльыс кыя Лөз Көрсө! Сэк казяланнөд ставөн, кутшөм ме вөралыс! Вежалөмныдла потаннөд. Торйөн нин Калиса да Пөлик. Меыс тэрыбджыкыс тайө пармаас некод абу.

Мыччысө Лөз Көр. Мирон уськөдчө сы вылө. Сүөдны некызди оз вермы. Лөз Көрлөн медбөрын кокъясыс кутісны вильдавны да паськавны. Мирон лөсьөдчө вины сійөс. Көрыд пөрө мича нылө.

ЛӨЗ КӨР. Эн ви менө, Мирон. Ме нэм тэныд кесйылөсөн лоа.

МИРОН (зырө сійөс). Тадзи ковмис тэ бөрся котравны да ловйөн ог жө коль.

ЛӨЗ КӨР. Мый нө тэнө тадзисө дурмөдіс? Асьтө весиг он вермы кутны.

МИРОН. Быдөн велөдны сөмын дась. (Вочасөн саймовтчөны.)

Кылө ойөстөм шы. Недыр мысти петө Мирон. Сүйө питшөгас тубрастор. Өдйө локтө Закар.

ЗАКАР. Елюк висьталіс да котөрөн эськө кайи. Тыдалө, эг удит. Этштө тай кутін дзикөдз воштыны, Мирон.

МИРОН. Мыйла?

ЗАКАР. Тэныд өд шулісны, мый оз ков Лөз Көрсө вөрөдны. Сійө өд нинөм йөзыслы лөксө эз вөч.

МИРОН. Ме өні...

ЗАКАР. Мый нө бурыс, виин Лөз Көрсө да? Ас водзад ошйысөм ради вөчин тайөс. Дзикөдз этштө воштін. Мый вылын нө йөзыс өні кутчысьны кутасны? Бырөдін тэ налыс Лөз Көрсө да.

МИРОН. Сійө өд тай некодлы жө эз отсавлы.

ЗАКАР. Быдөнлы сійө сетліс эскөм, олөмыслы подув...

МИРОН. Лоас на татшөмыс кодкө.

ЗАКАР. Лоас эськө да. Но кор на. Сылөн лолыс некор оз вош. Вуджас. Сөмын сэсся дыр йөз водзад оз мыччыс-а.

МИРОН (другьсөн ырсмунө). Тайө Калиса ставсьыс мыжа! Сійө менө дзугис! Ме, йөйыд, ассьым юрөс сылөн лэчкө суйи.

ЗАКАР. Эн асьтө дзикөдз вошты, Мирон. Ас вөснаыд ачид кывкут. Эн та-тшөмтор вылө тэ чужлы парма шөрас. Мед ставсө, мый син улад усьө, виавны да бырөдны.

Ласейлөн керка. Сэні Калиса. Мыччысө Мирон. Кыскө питшөгсьыс тубрассө.

МИРОН. На! Босьт! Шашаритчыны эськө тэнад юрсио да пөттөдз кыскалыштны.

КАЛИСА (*сералё*). Суөдін, сідзкө. Өні тэысь тэрыбджык сэсса некод абу. Өні став зьвер-пөткаыс тэнад лои.

МИРОН. Весась син водзысь.

Локтө Пөлик.

ПӨЛИК. Петкөдлы, Мирон, ассыд лямпаястө. Йозыс сёрнитоны, мый бордъяс моз тэнө найө новлөдлөны.

МИРОН. Кутшөм лямпаяс?

ПӨЛИК. Эн йой улө лэччысь. Петкөдлы, мися.

КАЛИСА. Тэ, айө, тани медся востерыс. Тэысь некод нинөм дзевны оз вермы. Петкөдлы, Мирон. Ай өд сийө меным. Ас морт.

МИРОН. На. (*Сетө*.)

ПӨЛИК (*видлалө, усалө да малалө*). Кыдз нө найө сэтшөм өдийө тэнө новлөдлөны?

МИРОН. Кокъястө кө уджөдан, и тэ өдийө кутан ветлөдлыны.

КАЛИСА. Тэ, айө, и тайө лямпаястөг зэв бура кыйсян. Дерт, Миронкөд венласьны он вермы. Сийө өд мян медся бур вөралысьыс тани. Кытысь тиянлы сы бөрся вөтлысьны дай.

ПӨЛИК. Сийө пө Омөляскөд ёртасыны кутөма да сийөн.

МИРОН (*уськөдчө сы вылө*). Эн вай нинөм абусө сөр!

ПӨЛИК (*нетитчө*). Өдийө ветлан лямпаяснад позьө, дерт, вөрасьнытө. Көдкө өд козьналіс жө найөс тэныд?

МИРОН. Эз... Ме, ме... тиян вөсна... (*Шеныштө кинас да мунө*.)

КАЛИСА (*босьтө лямпаяссө да көсийө вөтчыны сы бөрся, но кольччө*). Мый нө сы вылө ставныд уськөдчинныд? Зэв дошлөй морт да. Абу бара тиян кодь.

ПӨЛИК (*мырддьө лямпаяссө*). Вай нөшта өтчид видзөдла.

КАЛИСА (*бөр босьтө*). Ог сет. Мирон төдмалас да лолөс перьяс.

ПӨЛИК. Но-о, нылук, быд Миронысь кө повны кутам. Вайлы ме сувтла на вылө. Кытчөкө төвзыла. Вөралысьяс воисны. Абу торья ылөдз нин ветлөмаөсь. Зьвер-пөткаыс пө татчө бергөдчыны кутөма. Ме сэтчө котөртла. Кыйдөссө ставныдлы вая. Сэк кутасны төдны, мый абу сөмын Мирон найөс вердысьыс.

КАЛИСА. На. Гашкө, тэнө кывзысясны.

ПӨЛИК (*сувтө лямпаяс вылө. Найө оз нуны*). Кутшөмкө нимкыв, тыдалө, Мироныс төдө. Тэ эн кывлы, кутшөмөс?

КАЛИСА. Эг.

ПӨЛИК. Тэ вай юась сылысь. На бөр.

КАЛИСА. Сийө бара оз висьтав.

ПӨЛИК. Оз, оз висьтав. Төвнас аслас лямпаясөн бара мянөс кутас ордйөдны. Став зьвер-пөткасө матигөгорсьыс здукөн виас. Локтөны пө татчө да. Бара мянлы тшыгйөн ковмас виньгырвидзны.

КАЛИСА. Миянлы да тиянлы өд сетас жө кыйдөссө. Сийө жө ставнымөс тшыгла кулөмысь мездіс.

ПӨЛИК. Омөлясыдкөд кө сольнитчан, найө став лөк вылас кутасны тойлав-

ны. Закар рөдыс өд Вёрсалён вужйысь петёма. Тадзи тай шуоны... Миронсё велөдөмаось со. Мый на, колөкө, Омольясыс мянлы паныд Миронсё вөчны оз тшөктыны. Лямпаяссө өд эз нинөм абусьыс сетны. Колө сыысь мездьсыны. Тэ-ныд, Калиса, пөчьд эз висьтавлы, кызди татшөмгьяссыс мынтөдчывлөны?

КАЛИСА. Эн сөр нинөм абусө.

ПӨЛИК. Дугды пыксьынытө. Висьтав вай.

КАЛИСА. Төда эськө да.

ПӨЛИК. Висьтав нин вай өдйөджык.

КАЛИСА. Ог көйы ме Мироныслы лёксө вөчны.

ПӨЛИК. Тэ висьтав, а ме ставсө вөча.

КАЛИСА. Сөмын вөйтны сийөс өнi верман. Сэссия некьдзи он мынтөдчы.

ПӨЛИК. Кызди? Сийөс ме увлань юрөн ваас сюя.

КАЛИСА. Тэнад суйөм оз ков. Ачыс вөяс. Колө сөмын юктавны сийөс пеж ваөн.

ПӨЛИК. Эн сөр. Сийө өд чөскьдтөм.

КАЛИСА. Ми... Тэ сөмын ырөшө сийөс чолькнитыштан. Оз и казявлы.

ПӨЛИК. Вөча, нылук, ставсө вөча.

КАЛИСА (*кыскө питшөгсьыс мыйкө да кисьтө ырөш туисө*). Менам буретш ырөш эм.

ПӨЛИК. Тэ, тыдалө, водзвыв нин дасьтысьөмыд.

КАЛИСА. Ме эг. Вөяс кө Мироныс, ме абу мыжа. Тэ мырдысьөн тшөктiн сийөс юктөдны.

ПӨЛИК. Мед сөмын вөяс-а. Мед сөмын мынам сыысь-а. А ог кө... Став ловъя ловсө бырөдас.

Мыччысьөны Мирон, Ласей да Елюк.

ЛАСЕЙ. Эн, эн вай, пиук, ылөсө мун.

ЕЛЮК. Гортын олышт. Кытчө век мунан?

МИРОН. Ветла. Пальөдышта ачымөс көть. Ставныд усьласяныньд да.

ЛАСЕЙ. Йиыс өд зэв на вөсньыдик. Оз кут тэнө.

ЕЛЮК. Талапөлас кыйсьышт. Көсьян кө...

КАЛИСА. Бара кытчөкө мөдөдчин?

ПӨЛИК. Миян водзын мед ошйысьны.

МИРОН (*босьтө лямпаяссө*). Ёна найөс исалинныньд?

ЛАСЕЙ. Эн, мися, пиук, мун. Кылө мыйкө менам сьөлөмөй.

КАЛИСА. Мед ветлас. Сөмын тай сөйтөм-а. Елюк, көнкө, эз вердышт весиг.

Кузь туй водзад колө сөйны.

ЛАСЕЙ. Сөйис эськө да.

КАЛИСА (*мыччө ырөш туисө*). Сидзкө, мед кылөдыштас сөянсө.

ПӨЛИК. Юышт, юышт.

МИРОН (*босьтө туиссө, мыйкө мөвпалө*). Юыштам и эм.

ЕЛЮК (*матыстчө сы дорө*). Мирон, эн...

МИРОН (*сы вылө видзөдө*). Елюк, збылысь вөлөм оз ков вөрзбөдны нинөм, мый лөсьөдөма пармаыс. Он нинөм бергөд. (Юө.) Мысьмунис сьөлөмөй. Чөскьд жө ырөш тэнад, Калиса, артмө.

КАЛИСА. Чөскьд.

ПӨЛИК. Ме тай юи да, сьолөм бурмис-а.
 МИРОН. Ме муні...
 ПӨЛИК. Мун, мун. Ю саяс пө зэв уна пөтка овмөдчөма.
 ЛАСЕЙ. Татысь на сюрас.
 МИРОН. Ме регыд воа, айө. (*Мөдөдчө.*)
 КАЛИСА. Воан.
 ПӨЛИК (*Калисалы вашкөдө*). Ылөдлін али мый? Бөр мөй локтас?
 КАЛИСА. Оз. Пеж ваыс сьөктөдас сійөс. Некутшөм лямпа оз мезды.
 ПӨЛИК. Омөльясыс кө оз отсавны.
 ЛАСЕЙ. Мый нө сәні вашкөдчаннды?
 ЕЛЮК. Öнi налы нәм кежлас вашкөдчантор сюрис.
 КАЛИСА (*Ласейлы*). Сидз варовитам. Миронлы бур туй сиа.
 ЛАСЕЙ. Энлөй! Видзөдөй! Мирон кок улын йиыс потіс. Дзик ю шөрас.
 ПӨЛИК. Збыль тай. Эз өд и мыччысь бөрсө.
 ЛАСЕЙ. Мирон!
 ЕЛЮК. Мыйла нө тэ тадзисө вөчин?
 КАЛИСА. Мед, колөкө, менө радейтін дай.

Мыччысьöны Закар да Варук. Тэрмасьöны.

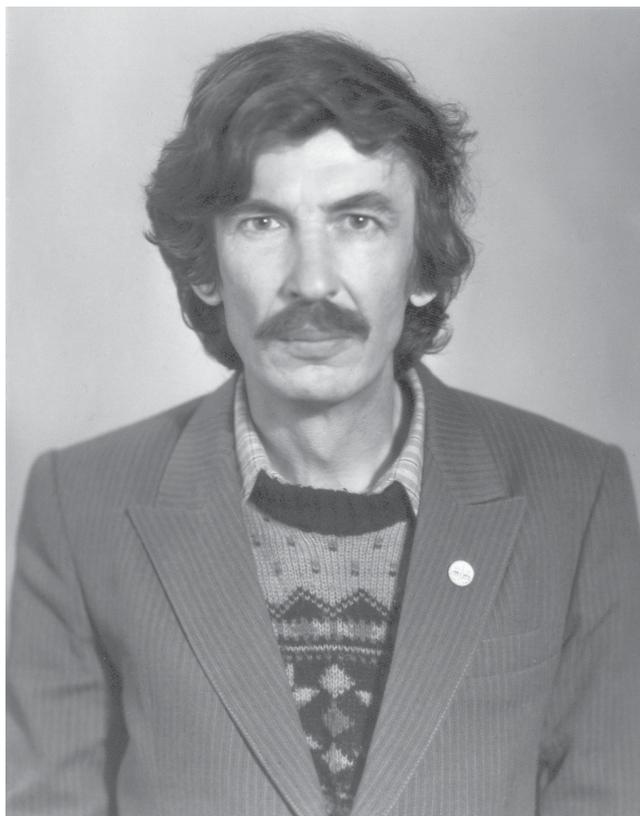
ЗАКАР. Муніс али мый Мироныс? Эг тай бара удит.
 ЕЛЮК. Муніс.
 ЗАКАР. Мый нө тайө миянкөд вөчсьө? Кор нө тайө помасяс?

Ставөн чөв олөны. Мыччысьö Лөз Көрлөн вуджөрыс.

Пом.

**Памяти
Николая Дмитриевича
Конакова**

(04.12.1946 — 10.08.2010)

Михаил Рогачев

Рогачев Михаил Борисович, 1952 г.р., уроженец г.Рига, Латвия. В 1975 закончил исторический факультет Ленинградского госуниверситета. В 1975–1976 – учитель истории Туискеросской средней школы (Усть-Вымский р-н), 1976–1979 – аспирант Коми филиала АН СССР, 1979–1992 – научный сотрудник отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 1992–2009 – зам. директора, учитель Коми республиканского лицея при СыктГУ. В 1991–2007 – председатель правления Сыктывкарской общественной организации «Мемориал». С 2000 – председатель правления Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние», главный редактор Коми республиканского мартиролога жертв политических репрессий «Покаяние». Кандидат исторических наук.

Памяти друга

С Колей Конаковым мы были знакомы 40 лет. Не могу сказать, что всегда наши отношения были безоблачными – и ссорились, и обижались друг на друга, и мирились – всякое бывало. Так ведь ангелов на земле нет. В последние годы, когда Коля болел, каюсь, совсем не навещал его – в постоянной суете буден казалось: ну вот сегодня совсем нет времени, но завтра обязательно найду время – позвоню. Не позвонил. И всё же смею считать Колю своим давним другом и вспоминаю о нём именно как о друге.

Познакомились мы в 1970 году. В толпе абитуриентов истфака Ленинградского университета, жаждавших поскорее заселиться в общежитии в Петергофе, обращал на себя внимание странный молодой человек в коротких брюках, застиранной до белесости голубой рубашке и с презрительным (так мне казалось) выражением лица, державшийся уверенно, даже несколько бесцеремонно, в силу того, что был явно старше большинства из нас, вчерашних школьников. Впрочем, «переростков» среди абитуриентов было полно – поступить с первого раза в ЛГУ было довольно трудно. Но Коля явно отличался от других «ветеранов» (это выяснилось уже после того, как мы поступили). «Ветераны» в основном пришли поступать после армейской службы. Конаков же был единственным на нашем курсе, кто, учившись в одном ВУЗе (а это был технический ВУЗ в Уфе), почти закончив его, бросил учёбу и решил начать всё сначала. Почему он так резко изменил судьбу, решив стать из «технаря» «гуманитарием», не знаю – Коля на эту тему не распространялся. Но очевидно, что такой шаг требовал смелости и решимости. Неудача означала одно: здравствуй, армия.

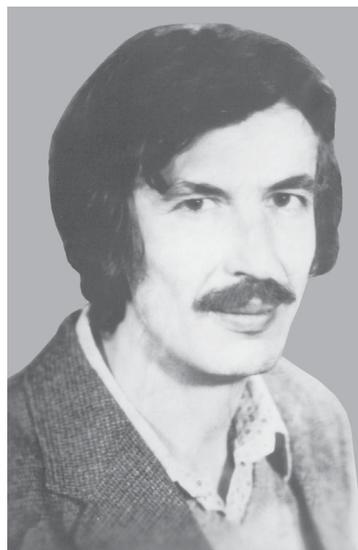
Колина решимость проявилась и при выборе специальности. Тут необходимо пояснение. В то время поступали не на истфак в целом, а на определённую

кафедру (специальность) истфака (специализация у студентов начиналась с первого курса). Соответственно, и конкурс был по специальностям. Коля поступал на специальность «Этнография и антропология». Конкурс там был поменьше, но принимали всего 3–4 человека, остальные места были забронированы за «целевиками» и рабфаковцами. А то, что специальность этнографа была не очень популярна, объяснялось довольно просто: мы имели смутное представление о том, что это за штука такая – этнография. Кафедра этнографии и антропологии была самой молодой – она была образована по инициативе выдающегося этнографа Рудольфа Фердинандовича Итса в 1968 г., и это был всего лишь второй набор студентов-этнографов.

Коля рискнул – и поступил. Возможно, на его выбор повлияло то, что занятия этнографией явно были связаны с путешествиями, а он был опытным туристом. Как бы то ни было, но фортуна оказалась благосклонной к Николаю Конакову. Этнография стала его судьбой. И, сколько мне известно, он никогда не жалел о своём выборе.

Основательно познакомились мы уже после поступления. Где в то время знакомились новоиспечённые студенты? Правильно, «на картошке». За старшего у нас был однокурсник Виталий Николаевич Смирнов. Он действительно был самым старшим на курсе – ему было уже за тридцать. До того, как стать студентом исторического факультета ЛГУ, Виталий Николаевич (мы его именно по имени-отчеству величали), успел и музыкальную школу закончить (он и сейчас поёт в концертах самодеятельности Петербургского университета), и в армии отслужить, и получить специальность преподавателя физкультуры (до сих пор работает на кафедре физвоспитания СПбГУ, кандидат в мастера спорта по настольному теннису) – в общем, человек бывалый. Так вот, он затеял бегать по утрам, а потом купаться в озере (а на дворе – сентябрь). Ну, мы с Конаковым и присоединились. Так и познакомились. Потом, уже в общежитии мы эти купания продолжали, благо жили на берегу Финского залива. Кончилось наше «моржевание», когда Коля под Новый год утопил топор в проруби.

То, что мы поселились вместе – случайность. Просто оказались среди разгильдяев, которые опоздали явиться за направлением в общежитие. Таковых набралось пять лиц мужского пола, и нам предложили отправляться в Старый Петергоф и заселяться на базе отдыха университета. База эта была даже не в Петергофе, а по дороге из Петергофа в Ораниенбаум, и представляла из себя несколько старых деревянных двухэтажных дач в большом заброшенном парке на берегу Финского залива. Две дачи были отданы под общежития: одна – под мужское, вторая – под женское. Так наша компания и прошла вместе все университетские годы: Витя Суворов из Великих Лук, Вася Пичкур из Новороссийска, Саша Терюков из Кослана и мы с Колей. Я, можно сказать, был «сыном полка», поскольку был самым молодым и единственным «домашним» – Витя и Саша уже отслужи-

Н. Д. Конаков

ли в армии, а Вася – три года на флоте, после чего ещё успел поплавать (пardon, походить) на гражданских судах.

Из этой нашей пятёрки только мы с Колей прожили все пять студенческих лет в одной комнате, меняя общаги – дачу на Петергоф, Петергоф на уже не существующее общежитие на Мытнинской набережной. Но компания сохранялась. На третьем курсе завели мы обычай – собирать этикетки от винно-водочной продукции, но принимались только экземпляры неповторяющиеся (допускались дубликаты водочных этикеток, но разных заводов) и при условии, что хотя бы один из пятёрки из бутылки с данной этикеткой отхлебнул. Поле деятельности было обширнейшим – во-первых, мы были родом из разных мест, во-вторых, каждый год отправлялись в экспедиции: Витя Суворов – археолог, Терюков и Конаков – этнографы, а я ездил и с археологами, и с этнографами, просто так, из интереса.

К пятому курсу коллекция, наклеенная на листы зелёного ватмана, занимала все стены комнаты. И надо же, пожаловала в общежитие комиссия во главе с деканом В. А. Ежовым проверять, как живут студенты истфака. Интерьер нашей комнаты произвел неизгладимое впечатление на парторга факультета Марка Николаевича Кузьмина, заслуженного фронтовика и большого любителя выпить. На все призывы декана осудить это безобразие, он только отмахивался, изучая экспонаты, и в конце спросил: «Это что же, вы всё пили?» На что Коля ему ответил: «Только пробовали. Но ведь это тоже история! И этнография!» «Вот видите, – обратился Марк Николаевич к декану, – ребята даже и на досуге про историю не забывают!» Ошеломлённая комиссия даже не заметила, что на шкафу висит большущий оклад от иконы (мы его притащили из экспедиции – нашли в разрушенной церкви) – по тем временам это был куда больший криминал, чем винные этикетки.

Но не надо думать, что все студенческие годы мы только и делали, что пополняли коллекцию винных этикеток. Вообще-то, мы ещё и учились, и совсем неплохо учились. Но довольно своеобразно. Дело в том, что порядки на истфаке ЛГУ были довольно либеральными, в том смысле, что за посещаемостью лекций особенно не следили. Мы ходили только на те лекции, которые были нам интересны, ну и, разумеется, на спецкурсы и спецсеминары. 100 часов пропусков за семестр были ещё вполне приемлемым результатом. Поэтому общежитие было для нас «вторым университетом». Тут мы, приезжие, имели несомненное преимущество перед однокурсниками-ленинградцами. Они отучились – и по домам. А у нас – постоянный дискуссионный клуб, обмен информацией. Нам ведь действительно было интересно то, чему нас учили. А обсуждать то, что тебе интересно, можно в любом положении – и лёжа на кровати, и за ужином, и за картами. Про «дружеские застолья» уж и не говорю!

В этих бесконечных разговорах Коля был несомненным лидером. Он отличался резкостью и бескомпромиссностью суждений, что часто вызывало отпор оппонентов. Но, как правило, последнее слово оставалось всё же за Колей. Теперь-то, вспоминая те споры, понимаю, что от остальных он отличался значительно большими способностями к обобщению, умением ухватить суть, «подняться над фактом». И ещё Коля обладал отличной памятью и феноменально быстро читал. Последнее качество было очень важным. Если кто-то приносил интересную кни-

гу или журнал со статьёй, то, естественно, прочесть хотели все, а книгу давали «на один день».

На пятом курсе, незадолго до выпуска, на наших глазах родилась молодая семья – Коля и Тоня поженились. Свадьбу играли в нашей комнате. Мама невесты, впервые познакомившись с нашей компанией, потом удивлялась: «Какие у Коли друзья хорошие! Надо же, так выпили, а всё о науке да о науке!»

После университета пути нашей компании разошлись: Витя Суворов стал доцентом Калининградского университета (к сожалению, он ушёл ещё раньше Коли), Терюков остался в Ленинграде, старший научный сотрудник Музея этнографии и антропологии, Вася Пичкур уехал в родной Новороссийск, дослужился до директора школы. Коля Конаков получил направление в аспирантуру Коми филиала АН СССР и уехал в Сыктывкар, а меня распределили в школу в Усть-Вымском районе. Через год, во многом благодаря Колиной помощи, я тоже поступил в аспирантуру и мы опять оказались в одной комнате, теперь уже общежития КФАН. И много лет работали в отделе этнографии Института языка, литературы и истории. Но это уже другая история.

Отдел этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Обсуждают итоги полевого сезона. 1980-е годы.

Отдел этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. 1994 год.

Валерий Шарапов

С 1989 г. работает в отделе/секторе этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Под руководством Н. Д. Конакова защитил кандидатскую диссертацию по специальности «этнография, этнология, антропология» на тему «Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми». Автор цикла научных статей по обрядам, верованиям и народному изобразительному искусству коми и хантов. Один из инициаторов гипермедиа и интернет проектов по этнографии и истории изучения народов Европейского Северо-Востока России (<http://www.komi.com/pole>).

Дмитрий Несанелис

Кандидат исторических наук, этнолог, профессор Поморского государственного университета, заместитель генерального директора по общественным связям ООО «Лукойл-Коми», член Общественной палаты Республики Коми. Автор более 150 научных публикаций по этносемиотике, этнографии и христианской традиции народов Европейского Севера России, в том числе двух академических монографий: «Раскачаем мы ходкую качель: Традиционные формы досуга Коми края» (1994) и «Традиционные формы символического поведения Народов Европейского Севера России» (2006).

«Зырянский мир» в исследованиях этнографа Н. Д. Конакова

Ещё будучи студентом Ленинградского государственного университета Николай Конаков – ученик известного российского этнографа Р. Ф. Итса, увлечённо занимался историко-этнографической проблематикой, связанной с генезисом культур народов евразийского Севера.

В 70–80-е годы выходит цикл научных статей Н. Д. Конакова, посвящённых традиционным охотничьим и рыболовным промыслам коми.¹ В этих работах, на-

¹ Охотничье право собственности и охотничья мораль у коми // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 3–15. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 20); Охотничьи артели у коми // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978. С. 18–28. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 20); Водные средства сообщения народа коми: Изготовление лодок. Сыктывкар, 1979. 20 с. (Коми филиал АН СССР. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 45); Присваивающие отрасли хозяйства коми в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономической истории Коми края (эпоха феодализма и капитализма). Сыктывкар, 1980. С. 98–107. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 23).

писанных по результатам полевых исследований на территории Коми АССР, подробно описаны промысловые орудия, одежда, средства передвижения, проанализированы принципы устройства охотничьих артелей, особенности охотничьей морали. Литературные и архивные материалы, использованные Конаковым, были существенно дополнены и уточнены полевыми этнографическими данными, представляющими особый интерес. Итогом исследований в этой области стала монография «Коми охотники и рыболовы» (М.: «Наука», 1983).

В ней были обобщены материалы по традиционному мировоззрению промыслового населения коми XIX – начала XX вв. В монографии подробно рассмотрены охотничьи нормы поведения, вытекающие из мифопоэтических представлений коми об окружающем мире. В рецензии В. А. Семёнова отмечалось, что Н. Д. Конаков рассматривает традиционные охотничье-рыболовческие занятия коми в широком контексте истории промысловых традиций народов севера Евразии. Сохраняющийся до настоящего времени высокий цитат-индекс монографии является очевидным свидетельством высокого внимания к ней со стороны коллег.

В последующих работах, написанных Н. Д. Конаковым по этноэкологической проблематике, обсуждается тезис о глубинной взаимосвязи между средой обитания, традиционным природопользованием и традиционным мировоззрением коми.¹

В середине 80 гг. Н. Д. Конаков принимал участие в проведении систематических полевых фольклорно-этнографических исследований этнолокальных групп коми на Кольском полуострове, на Нижней Оби, в Омской области с целью выявления адаптационных возможностей традиционного хозяйства коми. Характер культурной эволюции этих групп существенно различается, и в результате глубокого сравнительного анализа удалось выявить факторы, способствующие трансляции этнической самоидентификации этих групп. Итогом большой исследовательской работы стала монография «Этнолокальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние» (М.: Наука, 1991), которая была написана Н. Д. Конаковым совместно с О. В. Котовым. По оценкам современных исследователей этнолокальных групп зауральских коми, авторы монографии проницательно обратили особое внимание на сохранение этнокультурных стереотипов и этнического самосознания, механизмы и факторы хозяйственной адаптации мигрантов на новой территории. По справедливому мнению Н. Д. Конакова и О. В. Котова, социальный фактор, определяющий единство этноареальных групп коми (брачно-родственные связи), был не единственным и не главным в их формировании. На первом месте, по-видимому, стояли причины экономического характера. Подробному анализу был подвергнут и механизм культурной адаптации, основанный, в первую очередь, на приспособлении традиционной системы природопользования к новым экологическим условиям. Этот процесс во многом определялся этнопсихологическими стереотипами, выработанными на прежней территории обитания ижемских коми.²

¹ Этническая экология и традиционная культура коми / К VI Междунар. конгр. финно-угроведов. № 4. Сыктывкар, 1984. 25 с. (Коми филиал АН СССР. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 107; Географическая среда и традиционное природопользование народа коми // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1983. С. 27–40. (Труды ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Вып. 33).

² Повод Н. А. Коми Северного Зауралья: XIX – первая половина XX в. Ин-т проблем освоения Севера СО РАН. — Новосибирск: Наука, 2006.

Уже в конце 80-х гг. в этнографических исследованиях Н. Д. Конакова приоритетной темой становится традиционное мировоззрение коми. Особое внимание Конакова в это время привлекали реконструкция и типология различных составляющих мифопоэтических представлений, этносемиотическая интерпретация символики семейной и календарной обрядности коми и коми-пермяков. В цикле научных докладов и публикаций Н. Д. Конакова были выявлены мировоззренческие основы древнего коми промыслового календаря. На основании анализа обширных археологических и этнографических материалов Н. Д. Конаковым были расшифрованы изображения древних календарей, и на их основе проанализирована календарная символика языческого населения Урала.¹ Эти пионерские исследования во многом стали основой для изучения традиционного мировоззрения коми в целом и выделения в нём наиболее архаичного ядра.

В исследованиях Н. Д. Конакова по символике уральского язычества также был предложен новый подход в понимании генезиса и семантики традиционного орнамента коми. По мнению Н. Д. Конакова, в геометрическом орнаменте коми прослеживается солярно-календарная символика, универсальная для традиционного искусства многих народов Северной Евразии. В соответствии с этой гипотезой различные мотивы диагонально-геометрического орнамента представляют собой графические схемы (символы) соответствующих годичных сезонов.

Следует отметить, что исследования Н. Д. Конакова по символике уральского язычества впоследствии получили широкое признание не только в отечественной², но и в зарубежной науке.³ Не случайно, Н. Д. Конакова справедливо определяют в зарубежной историографии как одного из основателей «коми этносемиотической школы» в российском финно-угроведении.⁴

Н. Д. Конаков большое внимание уделял популяризации результатов академических научных исследований. В 1993 г. Коми книжным издательством была опубликована научно-популярная книга Н. Д. Конакова «От Рождества до Сочельника», в которой впервые были систематизированы обширные литературные, архивные и полевые материалы автора по особенностям проявления православного календаря в традиционной культуре коми. Несомненным достоинством этой небольшой, но содержательной работы является то, что в ней проницательно выявлена этнокультурная специфика традиционных календарных обрядов коми и связанных с ними представлений, восходящих к ветхо- и новозаветным образам и сюжетам.

¹ Древнекоми промысловый календарь: Стиль календаря. Сыктывкар, 1987. С. 24. (Коми филиал АН СССР. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 164); Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код). Сыктывкар, 1990. 46 с. (Коми филиал АН СССР. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 243); Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1990. С. 103–121.

² Ларичев В.Е. *Važ Kalendar* финно-угров северо-востока европейской России (реконструкция систем счисления времени эпохи средневековья) // Сибирское археологическое обозрение. Вып. 3, Новосибирск, 2002.

³ Konakov N. Die Kalendersymbolik des uralischen Heidentums // On the Borderlines of semiosis: Proceedings from the ISI Conferences in Imatra, 1991 and 1992. Ed. Eero Tarasti. Acta Semiotica Fennica II. Imatra 1993. P. 121–126; Konakov N. Calendar Symbolism of Uralic Peoples of the Pre-Christian Era // Arctic anthropology. 1994. Vol. 33. № 1. P. 47–61.

⁴ Voigt, Vilmos: Sketch of a Finno-Ugric semiotic. In: Tarasti, Eero ed.: Snow, Forest, Silence. The Finnish Tradition of Semiotics. Bloomington – Imatra, 1999. 26–31. Acta Semiotica Fennica VII.

Впоследствии под редакцией Н. Д. Конакова были опубликованы ещё две научно-популярных книги: этнографический справочник «Коми-зыряне» (Сыктывкар, 1993) и коллективная монография «Традиционная культура народа коми» (Сыктывкар, 1994), имеющие несомненное просветительское значение.

Методика поэтапной семиотической реконструкции «основного текста» на основе анализа обширного фольклорного наследия народов коми реализована Н. Д. Конаковым в монографии «Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время» (Сыктывкар, 1996). В работе представлен опыт системного описания мифологических представлений коми о создании мира и жизни, культурных героях, изобретениях, отношениях между человеком и природой. Автор использует очень широкий круг источников – это и фольклор, и этнографические наблюдения, и данные лингвистики, и апокрифические тексты народного христианства. Основная проблематика монографии Н. Д. Конакова ориентирована на выявление взаимосвязей между мифологическими представлениями и обыденной практикой, их взаимообусловленности в контексте традиционных представлений о мироздании. В книге подробно рассматриваются функции персонажей низшей демонологии, а также мифопоэтические мотивировки рациональных (как предполагалось) в своей основе экологических норм. Автором была предложена новаторская гипотеза, согласно которой в традиционном мировоззрении промыслового населения коми конца XIX – начала XX веков фольклорный образ леса представлял модель социально-нормативной организации традиционной сельской общины.

Подчёркивая этническую специфику восприятия окружающего пространства в мировоззрении коми, Н. Д. Конаков отмечал: «В отличие от народов, занимающихся сугубо земледельчеством и животноводством, у коми отношение к лесу... было скорее положительное, чем негативное. ...Если у славян ...лес, противопоставлен и антагонистичен пространству жилому и хозяйственно освоенному (луга, пашни, подсеки и т.д.), то у коми он как бы находится вне данной оппозиции или же занимает в ней промежуточное, рубежное положение. Иными словами, в традиционных представлениях коми лес выступает не столько средой обитания представителей 'чужого', потустороннего мира, сколько пространством, где человек регулярно встречается с ними»¹.

При рассмотрении структуры и содержания архаичных мифов коми, исследователь обращает внимание на то, что в текстах космогонических мифов коми подчёркивается «генетическая» сопричастность человека пространству леса (ср. типичный для фольклора коми мотив рождения человека из дерева), который не только хронологически предшествует появлению человека, но и выступает первым «домом» для первочеловека². Эвристически ценным представляется и вывод Н. Д. Конакова, согласно которому в рамках циклического восприятия времени святочные и типологически сопоставимые обычаи могли отражать представления не о хаосе, но о ранней фазе космо- и социогенеза. Это важное наблюдение в значительной степени дополняет и уточняет концепцию мифологического пространства – времени, активно обсуждаемую в современной научной литературе.

¹ Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996. С. 63–64.

² Там же. С. 26, 63–64.

В конце 90 гг. высокую оценку коллег получил цикл этнографических карт по традиционному природопользованию у коми, подготовленных Н. Д. Конаковым для историко-культурного атласа «Республика Коми» (Сыктывкар, 1997). В частности, известный российский этнограф, чл.-корр. РАН С. А. Арутюнов в рецензии на атлас особенно отметил карты и статьи Н. Д. Конакова, которые были названы одними «из самых познавательных богатых с этнографической точки зрения» (М., 1998).

Новый качественный рубеж в реконструкции традиционных мировоззренческих представлений коми связан с подготовкой и публикацией коллективного академического труда «Мифология коми» (М., 1999) в рамках осуществления международного исследовательского проекта «Уральская мифология». Под руководством и при непосредственном участии Н. Д. Конакова были обобщены обширнейшие архивные и современные полевые материалы по космогоническим, антропологическим и соционормативным мифам, по символике семейных, календарных и лечебно-диагностических ритуалов, по сюжетам и образам, характерным для фольклора коми и коми-пермяков.

Значительное внимание в энциклопедии было уделено выявлению этнической специфики в христианской традиции коми и реконструкции мифологических представлений, а также рассмотрению «живой традиции» современных носителей коми-зырянского и коми-пермяцкого языков. Уже по аппарату и характеру иллюстративного материала, сопровождающего многие словарные статьи, видно, что в работе над энциклопедией авторский коллектив под руководством Конакова опирался на результаты собственных полевых этнографических и фольклорных исследований, проводившихся в 70–90 годах XX в. на территории Республики Коми, в Пермской и Тюменской областях, а так же на Кольском полуострове.

В научных рецензиях отмечалось, что системный подход в обсуждении данных по мифологии и верованиям коми, несомненно, открывает определённые тематические и методологические перспективы в дальнейшем изучении традиционного мировоззрения не только у коми, но и других финно-угорских народов.¹ Высокой оценки заслуживает не только выдержанный научный стиль энциклопедии, но и хорошо продуманный ссыльно-библиографический аппарат, а также двуязычный тематический указатель энциклопедии. В полной мере достоинства предлагаемого справочного аппарата книги были наглядно раскрыты авторами книги при подготовке гипертекстового варианта энциклопедии, ставшего доступным самой широкой российской и зарубежной аудиториям уже в конце 1999 года.

Отметим, что в 2003 г. энциклопедия «Мифология коми» была переведена на английский язык и опубликована в Будапеште.² Пожалуй, это первое энциклопедическое издание по мифологии коми на английском языке, не считая материалов В. П. Налимова, фрагментарно опубликованных в конце 20 гг. XX в. Уно Харво (Хольмбергом) в известной американской научной серии «The Mythology of All Races» в томе по мифологии финно-угорских народов.³

¹ Арутюнов С. А. Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1: Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999 // Этнографическое обозрение. 2000. № 5. С. 140–142; Виноградова С. Л., Петрухин В. Я. Первый выпуск «Энциклопедии уральских мифологий» // Живая Старина. 2002. № 1. С. 54–55.

² Encyclopaedia of Uralic Mythologies Vol. 1.: Komi Mythology / Authors: N. D. Konakov et alii. Editors: V. Napolskikh, A.-L. Siikala, M. Hoppál. Budapest–Helsinki, 2003. 436 p.

³ Holmberg, Uno. «Finno Ugrian, Siberian mythology» in J. A. MacColloch, ed., The Mythology of All Races vol. 4 Boston, Marshall Jones, 1927 – 585 p.

В 1999 году Н. Д. Конаков получил грант Президента Российской Федерации в области поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства¹, как научный руководитель проекта по созданию электронной фольклорно-этнографической энциклопедии «Традиционная культура народов европейского Северо-Востока России». В этой научно-популярной гипертекстовой энциклопедии, размещённой для открытого доступа в сети Интернет², представлен опыт электронной презентации систематизированных материалов по этнической истории и традиционной культуре коми-зырян, коми-пермяков, ненцев и старообрядческого населения Усть-Цилемского района Республики Коми. В настоящее время электронная энциклопедия включает в себя более 1000 авторских статей сотрудников ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, посвящённых различным аспектам этнографии, фольклора и традиционного мировоззрения коми и русского старожильского населения.

Значительное внимание в энциклопедии уделено истории изучения традиционной культуры и народного мировоззрения, а также дана критическая оценка различных источников, хранящихся в архивных и музейных фондах Республики Коми. О положительных результатах этого просветительского проекта можно судить по регулярной статистике посещений сайта – ежедневно к ресурсам Интернет-энциклопедии обращается несколько сотен зарубежных и отечественных пользователей сети.

В 2000-е гг. Н. Д. Конаков обращается к историографической проблематике и публикует ряд работ по истории изучения этнографии коми.³ Обладая даром великолепного изложения материала, исследователь активно занимался популяризацией результатов академических исследований в области этнографии коми в республиканских изданиях.⁴ В это же время Конаков публикует ряд энциклопедических статей для центральных и зарубежных изданий.⁵ Под редакцией Н. Д. Конакова в 2001 г. опубликована коллективная монография «Христианство и язычество народа коми», а в 2004 г. вышла книга «Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа». Отметим, что уже вскоре после выхода в свет, оба эти издания стали библиографической редкостью. В 2008 году Н. Д. Конаков принял участие в международном издательском проекте «*Bibliotheca Fennou-Ugrica*» и подготовил ряд глав для коллективной научно-популярной монографии «Народ коми: Краткие очерки этнической истории и культуры» (под ред. Я. Пустай).

¹ Соглашение № 568-01-32 от 10.08.99 с Министерством Культуры РФ.

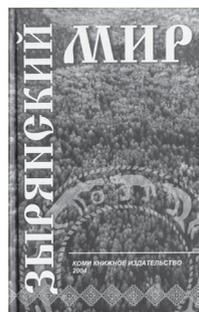
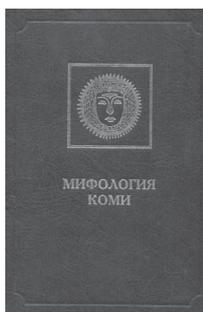
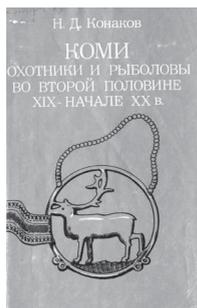
² <http://www.komi.com/folk>

³ Конаков Н. Д., Савельева Э. А., Федюнёва Г. Н. Финно-угроведение в Республике Коми на рубеже нового тысячелетия: итоги и перспективы. Сыктывкар, 2000. 36 с.; Конаков Н. Д., Шабаев Ю. П. История этнографического изучения народов коми // Финно-угроведение. 2004. № 2. С. 24–65; Конаков Н. Д. Этнографические исследования в переселенческих группах коми // Очерки по истории изучения этнографии коми. Сыктывкар, 2007. С. 231–244.

⁴ О братьях наших меньших // Родники Пармы. Вып. 6. Сыктывкар, 2001. С. 166–187; Под знаком медведя // Коми – край далёкий и близкий. М.; Сыктывкар, 2001. С. 86–92; Светлая мораль древних богов // Коми – край далёкий и близкий. М.; Сыктывкар, 2001. С. 93–98. Сер. «Моя Россия».

⁵ Коми // Народы и религии мира: Энциклопедия / под ред. Тишкова В. А. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000, С. 250–252; Komi Religion // Encyclopedia of Religion, Revised Second Edition, Editor-in-Chief Lindsay Jones. New York: Macmillan, 2005, vol. 8, Pp. 5216–5219.

Вполне очевидно (хотя и несколько неожиданно), что академическое научное наследие Н. Д. Конакова сегодня стало и широко популярно, о чём красноречиво свидетельствует статистика посещений пользователями сети Интернет сайтов, на которых размещены для открытого доступа научные монографии известного исследователя «Зырянского мира».¹

¹ Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв., М., 1983 [Pdf]. Адреса доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?ti2491154>;
<http://www.torroid.ru/?functionitorrentdl&dli126244>;
<http://www.multiklassniki.ru/message/126006/>;
http://epr.iphil.ru/faily-publikacii/Konakov_1983.pdf.

Этноареальные группы коми. Формирование и современное этнокультурное состояние, Екатеринбург, 1991 [Pdf]. Адреса доступа:
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?ti2482699>;
http://epr.iphil.ru/faily-publikacii/Konakov_1991.pdf.

Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник. Сыктывкар, 1993. [Doc]. Адрес доступа:
http://www.komi.com/eam/publ/dl/Komi_zyr1993.rar

Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996 [Doc]. Адрес доступа: <http://www.komi.com/eam/publ/dl/konakov1996.rar>

Николай Конаков

А. С. Сидоров и его книга «Знахарство, колдовство и порча у народа коми»

(Ранее неопубликованное «Предисловие» к книге А. С. Сидорова,
написанное Н. Д. Конаковым в начале 90 гг.)

Алексей Семёнович Сидоров стоял у истоков становления коми гуманитарных наук и исключительно много сделал для их дальнейшего развития. Ещё в 1944 г. член-корреспондент Академии наук СССР, видный советский финно-угровед Д. В. Бубрих так отозвался о деятельности коми учёного: «А. С. Сидорова я знаю с 1926 года. Уже тогда я обратил внимание на его большую эрудицию в вопросах общего языкознания, равно как и его исключительную осведомлённость в области коми археологии, истории, этнографии и языка... Я не знаю другого научного работника из советских специалистов по угро-финским языкам, который так много работал бы научно. То, что уже сделано А. С. Сидоровым, обнаруживает полную научную зрелость, глубочайшее знание материала (по осведомлённости в вопросах прошлого Коми края и в вопросах коми языка А. С. Сидоров не имеет себе равных). А. С. Сидоров – один из тех, кого будет глубоко чтить коми народ». Полностью разделяя столь высокую оценку научных заслуг коми учёного, считаем необходимым отметить, что путь в науку и творческая деятельность А. С. Сидорова на выбранном им поприще были далеко не безоблачны.

Будущий доктор филологических наук и крупный учёный родился 28 сентября 1892 г. в с. Палевицы Сыктывдинского района Коми ССР в семье крестьянина-средняка. Острый ум, любознательность и тяга к знаниям, проявленные А. С. Сидоровым уже в юном возрасте, привели его в Тотемскую учительскую семинарию. Из этой семинарии, блестяще окончив её в 1884 г., начинал свой долгий и трудный путь в «большую науку» другой видный учёный и известный литератор Каллистрат Фалалеевич Жаков. А. С. Сидоров окончил семинарию в 1911 г. и приступил к преподавательской работе в четырёхклассной начальной школе в дер. Кони на р. Выми (Княжпогостский р-н Коми ССР).

Работа в периферийной сельской глубинке не могла обеспечить потребности А. С. Сидорова в дальнейшем творческом росте, и в 1915 г. он поступил в Вологодский учительский институт с целью продолжить своё образование. Можно только предположить, как сложилась бы его дальнейшая судьба в условиях царской России. Скорее всего, природные способности А. С. Сидорова и его желание заниматься научной деятельностью в конце концов были бы реализованы, и он сказал бы своё слово в науке, но для этого ему навсегда пришлось бы уехать из Коми края. Ни в Яренске, ни в Усть-Сысольске возможностей для творческой деятельности в то время не было. Именно по этой причине покинули родные

края Г. С. Лыткин, И. А. Куратов, К. Ф. Жаков, В. П. Налимов – представители творческой дореволюционной интеллигенции, чьи имена составляют гордость современной коми культуры.

Вологодский учительский институт А. С. Сидоров успешно окончил в 1918 г. и сразу же по решению Яренского уездного совета депутатов трудящихся приступил к работе преподавателя в только что образованной коми национальной учительской семинарии в с. Усть-Вымь. Перед Усть-Вымской учительской семинарией были поставлены принципиально новые и особенно важные в деле национального строительства задачи подготовки преподавателей для коми школ с обучением на родном языке. Начинать приходилось фактически с нуля, с разработки вопросов литературного языка, коми грамматики, орфографии. А. С. Сидоров с энтузиазмом включился в работу по подготовке кадров для национальной школы. Одновременно с преподавательской деятельностью он приступил к активному изучению коми языка, фольклора и традиционной культуры.

В декабре 1929 г. А. С. Сидоров был включён в состав комиссии по организации в Усть-Сысольске Практического института народного образования, а когда в январе 1921 г. Институт (впоследствии Педагогический техникум) был открыт, то возглавил его. В этот период становления коми гуманитарной исследовательской школы особый интерес у А. С. Сидорова вызывали проблемы коми этнографии и археологии. Помимо чтения лекций по краеведческим дисциплинам, он организовал краеведческий кружок, стал одним из членов-учредителей возникшего в стенах Института в 1922 г. Общества изучения Коми края, редактировал краеведческий журнал «Коми му». Как руководитель этнографической секции Общества изучения Коми края А. С. Сидоров большое внимание уделял сбору фактического материала по народной культуре коми и его анализу. В журнале «Коми му» за 1924 г. появились первые научные работы молодого учёного – статьи «Следы тотемистических представлений в мировоззрении коми» и «Пережитки культа промысловых животных у охотников коми». В эти же годы А. С. Сидоров активно занимался археологическими исследованиями на территории Коми края, в частности, им был составлен подробный перечень всех обнаруженных археологических памятников. Объёмная статья, содержащая их описание, под названием «Памятники древности в пределах Коми края» публиковалась в журнале «Коми му» в течение 1924–26 гг.

В 1926 г. А. С. Сидоров выехал в научную командировку в Ленинград для специализации в области археологии, этнографии и лингвистики. Широта и разнообразие научных интересов учёного определялись необходимостью в повышении профессионального уровня коми гуманитарной науки, которая находилась в стадии активного становления и испытывала острую нехватку квалифицированных кадров. Можно предположить, что особый интерес для А. С. Сидорова представляло изучение коми традиционной культуры. К началу 1927 г. им были обобщены материалы долговременных этнографических сборов и подготовлена к печати книга о знахарстве и колдовстве у коми. 20 марта 1927 г. Правление Общества изучения Коми края обратилось в Главнауку РСФСР с просьбой о помощи в издании монографии А. С. Сидорова. В ходатайстве говорилось о том, что рукопись имеет положительные отзывы Яфетического института Академии наук СССР, а «...у нацменьшинств... имеется большой спрос на эти книги». На

следующий год книга А. С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» вышла в свет в Ленинграде.

После окончания научной стажировки в 1929 г., А. С. Сидоров был утверждён в должности доцента Ленинградского педагогического института имени Герцена, где он в течение двух лет вёл курсы по методике преподавания коми и русского языка, коми языку, руководил производственной и методической практикой студентов. Одновременно с преподавательской деятельностью А. С. Сидоров не прекращал и научно-исследовательскую. В 1928–1930 гг. им были опубликованы работы по вопросам коми языкознания («Характеристика удорского (вашского) диалекта», «Природа синтаксической связи между определяемым и определяющим в коми языке») и археологии Европейского Северо-Востока («О витые волокнистые вещества (по доисторической керамике)», «Расчленение верёвочного орнамента в доисторической керамике с Востока Европейской части ССР»).

С 1 января 1932 г. по решению Совета Народных Комиссаров РСФСР в Сыктывкаре был открыт Коми педагогический институт. В нём официально были определены девять кафедр. Кафедру языка и литературы возглавил выдающийся коми филолог В. И. Лыткин, кафедру истории – коми этнограф, соратник А. С. Сидорова по работе в Обществе изучения Коми края Г. А. Старцев, А. С. Сидорову было доверено руководство кафедрой родного языка. До сентября 1934 г. он активно содействует становлению на ноги вновь образованному первому вузу республики, заведует кафедрой, преподаёт общее языкознание и практический курс коми языка.

Осенью 1934 г. А. С. Сидоров приезжает вновь в Ленинград и в продолжение трёх лет занимается чисто научной деятельностью. За это время им были написаны крупные работы по языкознанию: «Синтаксис коми языка (учебник для средней школы)» (опубликовано в Сыктывкаре в 1937 г.), литературоведению: «Коми литературный язык эпохи раннего феодализма по памятникам письменности», археологии: «Археологическая карта Коми области с приложением описательного текста». Последняя работа, хранящаяся в рукописи в Архиве Института археологии Академии наук СССР, и сейчас чрезвычайно высоко оценивается специалистами.

В октябре (по новому стилю) 1937 г. А. С. Сидорову исполнилось 45 лет, он встретил свой день рождения... в тюрьме. В ночь на 21 сентября учёный был арестован и отправлен в качестве подследственного в Сыктывкар. Приведённые выше биографические данные, казалось бы, свидетельствуют о том, что вплоть до внезапного ареста, А. С. Сидоров жил размеренной и благополучной жизнью. Достиг определённых успехов в профессиональной карьере, напечатал и подготовил ряд научных работ. То, что опубликовав книгу «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» и отдав этим дань своей «первой любви» – коми этнографии, учёный как бы полностью охладел к данной науке и переключился в конце 1920-х гг. на занятия лингвистикой и археологией, всё больше внимания уделяя первой из них, внешне выглядит вполне логично. Любой учёный рано или поздно выбирает достаточно узкую сферу научных интересов, в которой проводит углублённо свои исследования. Но А. С. Сидоров не делал своего научного выбора от этнографии коми, его от неё просто отлучили.

На рубеже 1920–30-х гг. этнографическая наука в СССР вступила в один из

наиболее сложных своих периодов. Под лозунгом борьбы с «национализмом» и «идеализацией старины», якобы присущих этой исторической дисциплине, этнография была официально отнесена к неактуальным, ненужным и даже вредным научным направлениям. Повсюду на местах в это время свернулись этнографические издания и краеведческие общества. Не минула чаша сия и Коми край. Вынужденно прекратил исследования коми традиционной культуры не только А. С. Сидоров, но и другой коми этнограф Г. А. Старцев. Полностью переключился на занятия географией первый коми профессиональный этнограф, работающий в Москве, В. П. Налимов. Коми этнографическая школа была прикрыта. Более того, в конце 1930-х гг. в период массовых репрессий подошла очередь для физического уничтожения самих бывших коми этнографов. Бесследно исчезли в недрах ГУЛАГа Г. А. Старцев и В. П. Налимов. За былые занятия этнографией как «буржуазный националист» был осуждён по 58-й статье на три года и А. С. Сидоров.

Судьба оказалась благосклонной к А. С. Сидорову и, отбыв в сентябре 1940 г. «божеский» по тем временам срок три года, он вышел на свободу. Прожив около года в Ленинградской области, в ноябре 1941 г. А. С. Сидоров вернулся на родину. В январе 1942 г. он был принят на работу в Коми научно-исследовательский институт как учёный-филолог. В 1944 г. на основе Института в Сыктывкаре была создана Научно-исследовательская база Академии наук СССР, в которой А. С. Сидоров работал в секторе языка и письменности. Работал со всегда присутствующей ему увлечённостью и добросовестностью. Об этом свидетельствует полученная им медаль «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне». В 1945 г. А. С. Сидоровым была успешно защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Принадлежно-указательные и личные суффиксы в коми языке», а всего через два года, 11 февраля 1947 г., в Институте языка и мышления в г. Ленинграде он блестяще защитил докторскую диссертацию «Порядок слов в коми языке». В 1949 г. Научно-исследовательская база была преобразована в Коми филиал Академии наук СССР. Вплоть до 1951 г. А. С. Сидоров активно участвовал в разработке всех научных тем сектора языка и литературы Коми филиала, консультировал и редактировал работы молодых сотрудников. Под его руководством закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации известные коми филологи Т. И. Жилина и В. А. Сорвачёва. За 10 лет работы в Сыктывкаре А. С. Сидоровым было опубликовано и подготовлено к печати около двух десятков научных работ по филологии коми. Некоторые из них вышли в свет уже после смерти учёного. Скончался А. С. Сидоров 23 марта 1953 г.

А. С. Сидоров буквально чуть-чуть не дожил до начала возрождения коми этнографической школы, у истоков становления которой он стоял. Уже в год его смерти в отделе истории Коми филиала Академии наук СССР после окончания аспирантуры приступили к работе два молодых этнографа Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов. В 1961 г. был образован отдел этнографии и археологии, а с 1971 г. в Институте языка, литературы и истории функционирует как самостоятельное структурное подразделение сектор этнографии. За прошедшие десятилетия коми этнография прочно встала на ноги. Исследования материальной и духовной культуры народа коми, обобщённые во многих десятках опубликованных научных и научно-популярных работ, высоко оцениваются специалистами и вызывают стой-

кий интерес у массового читателя. По коми этнографии было защищено 12 кандидатских и одна докторская (Л. П. Лашук) диссертация.

О том, что А. С. Сидоров вплоть до последних лет своей жизни сохранял научный интерес к коми традиционной культуре, убедительно свидетельствует его архив. В архиве Коми научного центра Уральского отделения Академии наук СССР хранятся две рукописи А. С. Сидорова под названиями «Семантика изображений пермского звериного стиля» (49 л.) и «Идеология древнего населения коми» (65 л.). Последняя работа была опубликована в виде статьи в сборнике «Этнография и фольклор коми», посвящённом 80-летию учёного Алексея Семёновича Сидорова (Сыктывкар, 1972 – Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР, № 18). Сам факт того, что уже на склоне лет А. С. Сидоров вновь обратился к исследованиям традиционного мировоззрения и верований народа коми, говорит о многом. Почти четверть века, прошедшие со времени отлучения учёного от занятий этнографией, не сумели пригасить в нём исследовательский интерес к проблеме, которую он столь успешно начал разрабатывать в начале своей научной карьеры.

Необходимо отметить, что сама эта проблема не только не утратила своей актуальности в наши дни, но, напротив, приобрела особую значимость в свете наблюдающегося роста национального самосознания. Именно в мировоззренческой среде традиционной культуры следует искать национальную специфику, эту трудно уловимую, но реально существующую субстанцию, которая может как объединять, так и резко противопоставлять друг другу различные народы. К сожалению, традиционное мировоззрение народа коми на настоящий момент изучено ещё далеко не полно, коми этнографы лишь в последние годы приступили к детальной разработке его вопросов. Тем большее значение имеет, поэтому, тот вклад, который внесли в исследование данной проблемы первые коми этнографы. Наряду с этнографическими работами по духовной культуре и мировоззрению коми К. Ф. Жакова, П. А. Сорокина, В. П. Налимова книга А. С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» оценивается сейчас в качестве одного из основных фактических источников, ценность которых только возрастает со временем. Разрушение традиционного уклада народа коми в ходе так называемого социалистического строительства повлекло за собой и коренные изменения в традиционной идеологии. Современное население республики представлено, за редким исключением, поколениями, рождёнными уже после Октября. Поэтому этнографические материалы, которые начиная с 1918 г. целенаправленно собирал сам А. С. Сидоров, а впоследствии, в 1920-х гг., по специально разработанной программе ученики Педагогического техникума в Сыктывкаре, во многом уникальны и в настоящее время невозможны.

Сам автор книги «Знахарство, колдовство и порча у народа коми», практически оценивая свой труд, написал в предисловии к ней, что «...данная работа имеет характер не столько строго методологического исследования, сколько краеведческого описания. Общие положения, встречающиеся в работе, приведены более для освещения фактического материала, чем в качестве непосредственных выводов из него». Действительно, книга А. С. Сидорова чрезвычайно насыщена детальными описаниями конкретных проявлений суеверных представлений у коми. Материал этот чрезвычайно ценный и во многом уникальный, что свидетельствует о высо-

ком профессионализме А. С. Сидорова как собирателя этнографической информации. Подробно описаны бытовые суеверия, народные приметы, дано толкование снов, рассмотрены представления о «порче» и её исправлении всевозможные атрибуты колдовства и конкретные действия, связанные с колдовской деятельностью. Значительное место в книге уделено рассмотрению представлений о распространённом в прошлом у северных народов специфическом нервном заболевании, так называемом кликушестве. У коми оно носило название «шева» и связывалось с представлениями о вредоносной магии, порче. Подробно рассмотрены А. С. Сидоровым на конкретных примерах суеверия, бытовавшие в промысловой среде.

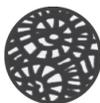
В то же время, хотя, как указывал сам автор, основной целью работы был ввод в научный оборот ценного фактического материала, А. С. Сидоров далеко не ограничился простым изложением фактов, а и предпринял попытку их анализа. Занимаясь научной работой «в одной из самых глухих окраин при крайней скудости там литературных научных материалов», А. С. Сидоров тем не менее досконально изучил всю доступную ему литературу о Коми крае дореволюционных лет издания (работы Ф. А. Арсеньева, К. Ф. Жакова, А. В. Красова, А. В. Круглова, С. В. Мартынова, А. Н. Држевецкого, П. А. Сорокина, В. П. Налимова, Г. С. Лыткина и др.). Более того, в поисках аналогового материала им была проработана литература по этнографии коми-пермяков и карел, удмуртов и саамов, русского населения севера. В качестве примеров в книге приведены материалы даже по австралийцам и палеоазиатам. Разбирая вопросы, связанные со знахарством у коми, А. С. Сидоров использует работы Г. С. Виноградова и П. Г. Приходько по народной медицине у русских. При описании «шевы» у коми он обращается к труду доктора медицины Н. В. Краинского о порче и кликушестве в Северной России. При интерпретации лингвистических данных А. С. Сидоров использует словари В. И. Даля, Н. В. Горяева и А. Преображенского по русскому языку. При описании поверий, связанных с охотой и промысловыми животными, делаются ссылки на работы известного охотоведа профессора Д. К. Соловьева и «Жизнь животных» А. Э. Брема.

Досконально изучил А. С. Сидоров и классические работы по исследуемой им проблеме этнографов, русских – Н. Н. Харузина и Л. Я. Штернберга, английских – Э. Тайлора и Д. Фрейзера, француза Л. Леви-Брюля и немецкого этнографа К. Прейсса. При этом к работам своих предшественников коми этнограф относился как истинный исследователь, прежде всего с критических позиций. Так, например, А. С. Сидоров остро полемизирует с А. Богдановым по вопросу о возникновении понятия о душе. На некоторые вопросы, возникшие при написании книги, А. С. Сидорову не удалось найти ответ в научной литературе, или же он обнаружил, что коми фактический материал плохо согласуется с существовавшими в то время теориями. Поэтому молодой коми учёный «...счёл возможным опубликовать и такие свои положения, которые требуют дальнейшей проработки даже в пределах коми материала... предопределяя этим самым характер дальнейших своих изысканий в данном направлении». К сожалению, дальнейших изысканий в коми этнографии А. С. Сидорову произвести не удалось, и не по своей вине он остался в этой науке автором только одной книги.

Оценивая значение книги «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» с точки зрения современной науки, необходимо учитывать, что этнография за про-

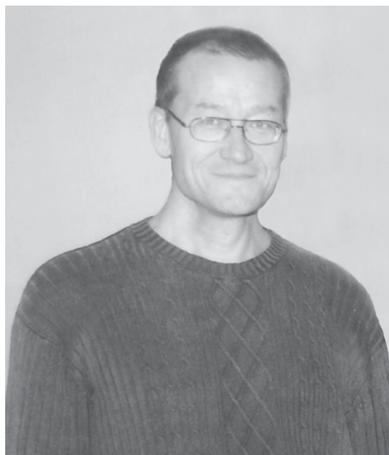
шедшие со времени её опубликования шесть с лишним десятилетий сделала значительный шаг вперёд. В частности, в 1920–30-е гг. в советской этнографической школе господствовал своеобразный вариант вульгарного материализма, согласно которому все магическое выводилось непосредственно из трудового опыта и хозяйственного применения. Огромное влияние на гуманитарные исследования того времени оказывало так называемое новое учение о языке Н. Я. Марра. Разработанная Марром в духе вульгарного социологизма «яфетическая теория» относила язык к категориям надстройки и определяла его как изначально классовое явление. Эта теория официально была признана как последняя истина в науке. А. С. Сидорову, чтобы получить рекомендацию к опубликованию своей работы от возглавляемого Марром Яфетического Института Академии наук СССР, несомненно, пришлось переделать рукопись в требуемом «новым учением о языке» духе. Трудно взять на себя смелость, чтобы упрекнуть автора в этом. Точно так же, как в далеком не безумных выводах о происхождении (генезисе) и функциях колдовства, особом отношении к отдельным атрибутам, исходя из их непосредственной связи с трудовой хозяйственной деятельностью. За иные выводы можно было получить ярлык «буржуазного идеалиста», а книга А. С. Сидорова была бы попросту не опубликована.

Заслуживают переосмысления или уточнения и некоторые теоретические построения самого автора. Так, например, трудно согласиться со взглядом А. С. Сидорова на общественную жизнь народа коми после вхождения в состав российского государства как застой и регресс. Существенно преувеличил А. С. Сидоров и главенство колдовства в традиционном мировоззрении коми. Впрочем, этот вывод автор сам в некоторой мере опровергает, когда рассматривает способы борьбы с колдовством. Не всегда критически автор использует фольклорные данные (например, легенды о колдовских состязаниях), рассматривая их как реальную действительность. Слабо аргументирован и вызывает сомнения вывод А. С. Сидорова о том, что «бесовская сила и тому подобные атрибуты колдуна есть явление позднейшее, возникшее, главным образом, под влиянием христианского мирозерцания и агитации его служителей». Тем не менее, аналогичные, с точки зрения современной этнологии, погрешности отнюдь не умаляют значения книги «Знахарство, колдовство и порча у народа коми». Как ценнейший фактический источник она будет служить ещё многим поколениям исследователей. А её автор, А. С. Сидоров, по праву признан одним из родоначальников коми научной этнографической школы.

Ирина Ильина, Олег Уляшев

Ильина Ирина — кандидат исторических наук. Автор более 100 публикаций в российских и зарубежных изданиях по проблемам традиционной культуры коми.

Уляшев Олег Иванович. Фольклорист, поэт, писатель, старший научный сотрудник отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Неоднократно публиковался в журнале «Арт», автор научных монографий и статей.

«Мясоеды», «лопари», «короткие кафтаны»... Откуда сам-то будешь?

(Межселенческие прозвища верхней Вычегды)

«Откуда такого взяли?» – удивился один из членов Совета, когда на заседании по защите диссертации Н. Д. Конакова учёный секретарь огласил биографические данные диссертанта, неправильно прочитав название башкирского города Белебей: «Выпускник Ленинградского государственного университета. Родился в Дрездене, окончил школу в Бомбее...». А вся дальнейшая судьба Николая Дмитриевича была связана с Сыктывкарком и Республикой Коми, где с его именем связан исключительно плодотворный период этнографических исследований. К его заслугам относятся изучение и основополагающей для коми культуры охотничье-промысловой сферы, и важных для понимания народа мифологических представлений, и соционормативных правил, которыми упорядочивалась жизнь коми крестьянства.

Интерес к традиционной нравственности, вероятно, возник из внутреннего стремления к порядку, которое было присуще Николаю Дмитриевичу. Обладая высокой трудоспособностью, скрупулёзностью в работе, стремясь к логичности в рассуждениях и к честности в отношениях, он воевал с ленью, небрежностью и демагогическим пафосом, которым, как правило, прикрываются отсутствие мысли или заурядная глупость. В борьбе с недостатками он обращался к испытанному народному способу: юмору, иронии, сарказму. Байки, поговорки, рассказы, актуальные анекдоты у него были готовы на каждый случай. В личных архивах авторов этой статьи сохранились автографы и с его шуточными стихами и с едкими эпиграммами, посвящёнными коллегам, руководителям, написанными по поводу тех или иных событий.

В какой-то мере данью его памяти и этой стороне его интересов является наша статья, посвящённая прозвищной традиции верхневычегодских коми.

Прозвищная традиция своими корнями уходит в глубокую древность, поскольку, с одной стороны, связана с *именованием*, то есть с маркировкой и освоением окружающего мира, а, с другой стороны, с пространственно-временной локализацией социальных групп и индивидов, определением их места и роли в течениях бытия. Традиционная, имеющая мифологические основы, социальная дифференциация по принципу «свой-чужой» происходит на самых различных таксономических уровнях: межэтническом, локально-этническом, сублокальном, межселенческом, селенческом, субселенческом, семейно-родовом, индивидуальном. Поскольку все перечисленные уровни невозможно рассмотреть в пределах одной статьи, далее нам хотелось бы, обозначив их, ограничиться межселенческими прозвищами населения верхней Вычегды.

Н. В. Дранникова рассматривала прозвища «как мифологический пласт, инкорпорированный в современную культурную традицию»,¹ поэтому, несмотря на синкретизм обоснований и отсутствие логики в комментариях к прозвищам (что указывает на древность традиции), эти объяснения «содержат свёрнутый сюжет и образуют мотивационные гнёзда, свидетельствующие о существовании устойчивой модели в сознании информантов, которая восходит к фольклорному источнику».² Объяснение происхождения поселенческих прозвищ в коми фольклоре сближается с преданиями о возникновении названий сёл, урочищ, рек и т.д., как правило, связываемых с мифическим временем или крещением. Так, жителей нижневычегодского с. Гам называют гамса рыжкоедъяс 'гамские рыжкоеды' за то, что они, якобы, до прихода Стефана Пермского ели конину.³

В верхневычегодском регионе ряд отдельных сельских кустов, сёл или деревень имеют общие прозвища, обоснованные легендарной ситуацией, особенностями быта, занятий населения. *Маджаса кодзыд рок сёйысыяс* 'маджинские холод-

¹ Дранникова Н. В. Мифология имени: прозвищное имяназречение // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Мат. 4 Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск. 2003.– С. 291.

² Дранникова Н. В. Мифология имени... С. 293.

³ Указатель сказочных сюжетов, составленный П. Г. Дорониным. Используются сюжеты сказок Республиканского музея // НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1. О. 11. Д. 94. Тетр. 10. Л. 343.

ную кашу едащие' – прозвище жителей верхневычегодского с. Маджа связано с преданием об утоплении богатыря Юрки, после чего грех убийства односельчане разделили, съев кашу из общего котла. Тем, кто не присутствовал на месте казни, якобы, разносили остывшую кашу.

Не удалось пока найти народных объяснений прозвища *Усть-Немса пон юр виледісьяс* 'усть-немские собачьи головы обгладывающие' (Записано в 2005 г. в д. Кирсикт, с. Мыёлдино), хотя само по себе прозвище образовано по принципу «едащие ненормальную=нечеловеческую еду»; ср. мох, кору, кошек, белок, коней, росу.

Резкие отличия от окружающих соседей в нравах или по внешности породили прозвища этнонимического характера *Кужса ярангяс* 'кужбинские самоеды', *Курьядорса лопарчи* 'курьядорские лопари'. «*Курьядорские* <дер. Курьядор – часть с. Мыёлдино – авт.> *негостеприимные, жадные, будто другой народ там: зайдёшь, за стол не посадят, чаю не предложат, только очень близкую родню угощают*» (Записано в 2004 г. в с. Мыёлдино).

Прозвище жителей с. Керчомья *кержакгяс* (*керзакгяс*) 'кержаки', *Керчомса старэвергяс* 'керчомские староверы' подчёркивает конфессиональную особенность единственного крупного центра старообрядчества на верхней Вычегде.

Кроме двуперстного крестного знаменья, на которое в первую очередь обращают внимание жители верхневычегодских деревень, описывая отличия керчомских старообрядцев, те отличаются от соседей ещё и особенностями поведения в быту, в ритуальной практике и особым «кержацким» характером. Керчомский характер связывается с твёрдостью в убеждениях, которые в обыденности могут проявляться и в упорстве в делах, и в жёстком неприятии всего нового (в том числе, и новых людей).

«Керчомьятэ водзин «Коми Украинаэн» шулісні. Няньтэ быдтыллісні медся уна Коми пасьтаис. И водзин, и колкозгяс дырйиид. Йёзіс сэн сэтшемесь, босьгчисні ке мыеке, помедзис ваедасні: лёксэ коть бурсэ» (*Керчомью-то раньше «Коми Украиной» называли. Хлеба там выращивали больше всего в Коми. И раньше, и при колхозах. Там народ такой, если за что берутся, до конца доводят: и хорошее, и плохое*);

«Йёзід Керчомьяяд дёза интереснэйесь, но корсюрэ ки уланіс лутише не веськедчині. Празьникгяснад сэн, шуласні, луннас нелямин гудэк няжге, войнас нелямин ружье шковге. Кержакгяс, отитор шува. Чоридэсь» (Народ-то в Керчомье довольно интересный, но иногда лучше под их руку не попадаться. На праздники там, говорят, днём сорок гармошек играет, ночью сорок ружей стреляет. Кержаки, одно скажу. Жёсткие»).

Некоторые прозвища давались и по характеру ландшафта. В селе Вольдино, единственном из близлежащих сёл и деревень, дорога проходила по затапливаемой низине, отсюда общее прозвище села – *вёльдин няйт* 'вольдинская грязь'. Возможно, это же дало повод ижемцам, регулярно проезжавшим по ижемскому тракту через Вольдино, называть верхневычегодцев *эжва ляти* 'вычегодское мсиво/ грязь/ вязкая глина'. Деревня Югыдтыдор расположена в кочковатом месте и отделена от других населённых пунктов бездорожьем, поэтому жителей называют *югыдтыдорса вутшгюр таллялісьяс* 'югыдтыдорские кочки топчущие' и на вопрос-поддевку о том, почему у югыдтыдорских девушек ноги кривые, отвечают предложением походить между кочек столько, сколько проходят они.

Не совсем прозрачно прозвище *йöй Бадьёльйывса* 'дурные бадьёльцы', которое поясняется во множестве фольклорно-бытовых текстов: в комментариях, поддёвках, анекдотах. Говорят, например, что в прежние времена, когда распределяли дураков, в этой деревне их оказалось больше, чем в других. На что сами бадьёльцы отвечают, что это полная ложь, потому что с. Скородум досталось на одного дурака больше. Прагматичные соседи говорят, что бадьёльские дураки, потому что по собственной воле ушли от больших рек и, соответственно, речного сообщения и мучают свои ноги. И действительно, возле этой деревни, единственной на всей верхней Вычегде, нет реки, хотя рядом берут начало и протекают семь ручьёв. Иногда возникают и поддёвочные дискуссии, раскрывающие характер отношений внутри межселенческой группы:

«Кодэске тай Вöльдинса йöй Бадьёльйывсанад шувема да. Бадьёльйывсаид воча шувас: – Ми не эське йöесь да, юртэм куканьтэ помей ведранад ог чуксалэй. Вöльдинса бабаид же чуксавлэма-а. – Бабаис эське Вöльдинса да, верессаяс Бадьёльйылльсь же нетавлэма» 'Кого-то вольдинский дурным бадьёльцем назвал, а бадьёльский в ответ говорит: – Мы уж, конечно, дурные, только безголового телёнка ведром помоев не подзываем. Вот вольдинская женщина же подзывала. – Женщина, конечно, вольдинская, но замуж тоже из Бадьёльска вышла'.

Здесь прозвище обыгрывается в контексте анекдотического случая, когда вольдинские мужики, забивая бычка, отрубили ему голову, а бычок неожиданно начал скакать по двору без головы, растерявшаяся хозяйка выбежала с ведром помоев и стала подзывать бычка: «Конь! Конь! Конь!»

Многие бадьёльцы находят источник прозвища в своём особенном трудолюбии: мол, работаем как дурные, не жалея себя, поэтому так и называют.

Сходное с бадьёльскими «облагороженное» объяснение дают собственному прозвищу (*Мысса лысва панялльсьяс* 'мыёлдинские росу <ложками> хлебающие') жители с. Мыёлдино: «наши рано встают, ещё по росе на работу идут – поэтому так называют» (Записано в 2005 г. в д. Кирсикт, с. Мыёлдино). В соседних деревнях дают несколько иную трактовку.

Межселенческие взаимоотношения ярко проявляются в подчёркивании чуждости через отождествление (или сближение) соседей с представителями иного мира: даже в пределах одного селения разные концы могут называть друг друга еретниками или колдунами. Отождествление *чужого* с нечистым или колдуном накладывается на традиционные представления о силе чужого колдуна, об особой магической силе странников, с чем, несомненно, связан ряд локальных верхневычегодских прозвищ. Так, жителей с. Нившера называют *Одыбса тшыкедчисьяс* 'нившерские порчу наводящие' или *Одыбса тодисьяс* 'нившерские знахари', жителей с. Дон – *Донса еретникъяс* 'донские еретники'. Прозвище жителей с. Богородск *Висерса көневалъяс* 'вишерские коновалы', с одной стороны, связано с этими же упомянутыми представлениями и представлениями «о магической силе, связанной с профессией», но, с другой стороны, таким образом богородские (шире – население бассейна р. Вишера) выделялись и по особенностям хозяйствования, поскольку вишерское население больше своих соседей занималось отхожими промыслами: вишерские коновалы, пимокаты, столяры, красильщики ходили по всей

верхней Вычегде (и не только). Ещё в наши дни у шумных детей, играющих металлическими или стеклянными вещами, спрашивают: «*Мый гилля-голякылан Висерса кӧневал моз?*» ‘Что брякаешь, как вишерский коновал?’

Многие из наименований имеют свойство расширять или сужать область применения, в зависимости от сужения и расширения географических масштабов. Так, вишерскими коновалами жители самых верховьев Вычегды (*вылысса* ‘верховые’) нередко называют всё население бассейна р. Вишера, на Вишере же прозвище связано только с жителями с. Богородск. Прозвище *шева сеталысьяс* ‘шеву дающие’¹ также часто относят ко всем вишерцам, в то время как сами вишерские – к населению с. Богородск. Точно так же общее название пожегодских *пожегса тшай юысьяс* ‘пожегодские чай пьющие’, внутри пожегодцев привязано к жителям лишь пожегодского центра (Вичкодор и Габсикт). То есть, в некоторых случаях проявляется «принцип матрёшки», и, в связи с этим, на фоне общедеревенских или общесельских номинаций особое внимание привлекает прозвищное структурирование отдельных сёл, наиболее ярко выраженное в Пожегодском и Богородском кустах.

Общую номинацию жителей центральной части Усть-Нема (Вичкодор) и Пожега (Вичкодор, Габсикт) – *Вичкодорса тшай юысьяс* ‘вичкодорские чаехлёбы’, *Пожегса тшай юысьяс* ‘пожегодские чаехлёбы’ объясняют обычно тем, что жили там люди всегда богато, в основном, интеллигенция (попы, учителя, врачи), которая могла себе позволить посиделки за самоваром: «не работали, только чай пили». Жители же отдельных деревень, входящих в пожегодский сельсовет (раньше погост) носят прозвища, связанные с названиями животных и птиц, каждое из которых кратко поясняется. В Мале – *кӧчьяс* ‘зайцы’ (потому что шустры очень и боязливые), шахсиктские – *лягушаяс* ‘лягушки’ (там всегда сыро было, лягушек много водилось), кекурские – *кӧингъяс* ‘волки’ (каждый сам по себе живёт). Вомынбожские – *пинькайяс* ‘свиристыли’, названные так по одной версии потому, что певучие, пели на холме как свиристыли, а по второй версии потому, что разговаривали на холме так громко, что всей округе казалось, будто ругаются. Обе приводимые местными жителями версии обоснованы. С одной стороны, до сих пор вомынбожских женщин считают единственными достойными внимания певуньями в Пожеге, на просьбу исполнить какую-либо старинную песню, собеседники непременно отсылают к ним: «Это ведь в Вомынбоже всегда пели, а здесь особо голосистых-то и не было». С другой же стороны, эпитет пинькай (<*пинь* ‘зуб’; отсюда же: *пинясысь, пиньятшок, пинятшока, пилапинь, пинера, пиньзурӧд*) в коми языке означает ‘сварливый, ругливый’. И в этом плане прозвище *пинькайяс* примыкает к наиболее привлекательным для нас в данном ряду прозвищам, пояснения к которым основаны на интонационной, голосовой или иной особенности локальной речи. Так, вичкодорские – *чавкангъяс* ‘галки’ (галдят, не переставая), пожегдинские – *ракаяс* ‘вороны’ (каркают, «голос большой»), великопольские – *номгъяс* ‘комары’ (пищат, разговаривают на высоких тонах).

То же самое наблюдается в прозвищах поселений около сс. Большелуг и Богородск, которые отражены в песне-дразнилке, один из вариантов которой записан во время летней экспедиции 2004 г. авторами статьи:

¹ *Шева* – мифическое существо, наподобие русской *Икоты*; см. Ильина И. И. *Шева* // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми. Москва–Сыктывкар. 1999. С. 382–383.

Ой, Типесиктса, Типесиктса, вөр кыр-нышгьясй.	Ой, Троицкие ..., лесные вороны.
Ой Паслэтчёмса, Паслэтчёмса, турина ёльясй.	Ой, Пасвомынские ... заросшие травой речушки.
Ой, Висерсаяс ..., яй выы йёзьясй.	Ой, Богородские ..., на мясе <живущие> люди.
Ой, Луньсаясй ..., пёдём ныргьясй.	Ой, Луньские ..., заложенные носы.
Ой, Улісаяс ..., нёшан кыыясй.	Ой, Низовые ..., колотящие языками.
Ой, Зулэбсаяс ..., пемдём йёзьясй.	Ой, Зулобские ..., тёмные люди.
Ой, Вылибсаяс ..., руд чөрөсъясй.	Ой, Вылибские ..., серые холщовые чулки.
Ой, Макарсиктсаяс ..., дженньд дудникьяс.	Ой, Макарсиктские ..., короткие рабочие кафтаны.
Ой, Вичкодорса ..., чуймём йёзьясй.	Ой, Вичкодорские ..., удивлённые люди.
Ой, Джиянсаяс ..., камудияяс.	Ой, Джиянские ..., камудиянты.
Ой, Шойнатыса, Шойнатыса, рака шорьясй.	Ой, Сторожевские ..., вороньи ручьи.

Самые старые рода Богородско-Большелугтского куста носят названия птиц: Сизь род 'Дятла род' (выходцы из д. Джиян), *Кутш рёд* 'Орла род' (выходцы из с. Большелуг), «орлами их называют за то, что бойкие и смуглые», *Юсь рёд* 'Лебеди род' (из д. Макарсикт), за то, что «обликом белые».

Упомянутые же в песне прозвища в основном обоснованы бытовыми, географическими и культурными реалиями, отличающими жителей той или иной деревни. Троицкие – «были хорошие охотники, таких всегда называют лесными воронами». Вылибские и макарсиктские «одевались на свой манер, вылибские почему-то постоянно носили холщовые чулки, а не вязаные». Зулэбские «всегда забитые были, дальше своей деревни не выходили, да и жили немного на отшибе». «Возле Сторожевска ворон всегда много, а возле Пасвомына маленьких речек много и лугов». Прозвище богородских *мясо едящие*, восходящее к мифологическому сюжету о приходе жертвенного оленя на Богородичный праздник, обосновывалось также их относительной зажиточностью, позволявшей включать мясо в ежедневный рацион.

Любопытно, что происхождение ряда прозвищ было обосновано так же, как и в с. Пожег, характерной особенностью речи жителей отдельных деревень. Так, прозвище *Вылибса омёяс* 'вылибские *оммэ*' происходит якобы оттого, что вылибские очень крикливые, и кричат с подвываниями («*омлялэні*»). Джиянских дразнят «*Джиян пиян – кайпиян*» (джиянские <букв. джиянские сыновья, дети> – птенцы, или певчие птички), потому что они разговаривают, как будто щебечут на высоких тонах.¹ Низовые – *нёшан кыыяс* 'колотящие языками', потому что разговаривают грубо и отрывисто, как будто колотушкой бьют. Луньские – *пёдэм ныргьяс* 'заложенные носы', потому что разговаривают в нос.

¹ В этом плане можно провести любопытную параллель: сынские ханты, отмечая отличие своего говора от казымского, говорили, что «казымские разговаривают *тё-тё-тё*, как певчие птички-*сиськи*». Инф. Лонгортова В. П. 1929 г. р. д. Оволэнкур Шурышкарского р-на Тюменской обл. ЯНАО. Зап. Уляшев О. И. 21.07.2004.

Прозвища и комментарии к ним подобного типа, а также дразнилки, поддѣвки, связанные с локальными речевыми особенностями, вообще распространены на верхней Вычегде. Жителей с. Кужба называли *кужса яран* 'кужбинские ненцы', считая их крикливыми как ненцы (*яран койд горзисесь*). Жители помоздинского куста подчёркивали тягу вишерских и мыёлдинских к усилению ударности первого гласного и растяжению гласной последнего слога с одновременным интонационным повышением в предложениях: «– *Тэ нэ кыті-і-ісь? – Мысі-і-ісь*.» (– Ты откуда? – Из Мыёлдина) или «– *Тэ нэ кыті-і-ісь? – Висери-и-ись. – Мый нэ синмид сэтшэм гё-ё-ёрд?* – А кач вилад ве-е-ед?» (– Ты откуда? – Из Богородска. – А глаза что такие красные? – А от коры-то толчёной).

Характерным для, так называемого, верхневычегодского диалекта является размытость такого важного классификационного элемента, как вэ-эловость, поскольку на верхней Вычегде встречаются все три диалектных типа с подтипами. В Пожегодском, Мыёлдинском, Керчомском кустах, с подключением Вочи и Дзоли, ярко выражен л-овый тип (*вёл, пёл, йёл*). Для ряда сёл, в частности Богородска, Вольдино, был характерен 0-эловый тип (*вөө, пөө, йөө*), который в сс. Носим, Нившера, Усть-Нем абсолютизировался вплоть до выпадения конечного *в* и сокращения долгого гласного (*вё, пё, йё*). В остальных же сёлах распространён хрестоматийный вэ-эловый тип. Локальные особенности выразились в передразнивании «инакоговорящих» фразами с использованием слов, в которых встречаются вэ-эловые различия: носимцев соседи дразнят: «*вё да йё*» (конь и молоко); дзольские дразнили устьнемских: «*босьт пё, вёла вё, вё вилас сё, да горёд «ё!*» (возьми доску, состругай коня, сядь на коня и крикни «но-о!»); в свою очередь, дзольским предлагали: «*пёлъя вёлтэ кёлъял да ачид ёна ёлъял*» (дощатую лошадь сам подвяжи верёвкой и понукай сильнее); керчомцев представители в-эловых и нуль-эловых типов передразнивали фразой: «*гёлбечин пёл вилін малтэм кёлдум*» (в подполе на доске намазанный колобок).

Существование различных диалектных типов в пределах верхневычегодского диалекта, разумеется, подтверждает исторические данные о формировании её на основе абсолютно разных групп. Наличие столь сильных языковых различий, в сочетании с этнографическими и антропологическими, отсутствие единого этнического самосознания говорят о том, что верхневычегодские коми, формально выделяющиеся как этнографическая группа, представляют собой достаточно сложный конгломерат, на что, несомненно, и указывает система междеревенских и внутрисельских прозвищ, столь полно сохранившаяся в пределах данного региона Республики Коми.

Татьяна Дронова

Татьяна Ивановна Дронова, к.и.н., с.н.с сектора этнографии Института языка, литературы, истории Коми НЦ УрО РАН. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Традиционная семейная обрядность староверов-беспоповцев Усть-Цильмы (конец XIX – XX вв.)». За годы профессиональной деятельности опубликовано свыше 90 работ, в их числе монографии и сборники. Автор трёх этнографических фильмов. Победитель и лауреат Международных фестивалей документальных фильмов. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2008 года, проводимого Фондом развития отечественного образования. Лауреат Премии правительства Республики Коми.

Усть-Цилемская горка в эпоху перемен

Хороводный праздник *горка* один из древнейших русских обрядов весенне-летнего цикла, сохранённый староверами (поморцами), проживающими в Усть-Цилемском р-не Республики Коми. В прошлом столетии – веке грандиозных перемен – устьцилемы сумели сохранить этот самобытный обрядовый праздник, признанный в XXI веке брендом Усть-Цильмы.

В центральной России гулянье под названием *красная горка*, в прошлом, совмещалось с пасхальными празднованиями и определялось по-разному: в некоторых местностях так именовалась Пасхальная и следовавшая вся Фомина неделя. В иных краях в зависимости от локальных традиций *красной горкой* называли две-три послепасхальных недели, в течение которых молодёжь водила хороводы, устраивала игры, проводила досуг у качелей. (Тульцева 2001: 173; Шаповалова 1998: 60). В Усть-Цилемских селениях открытие горочных (хороводных) гуляний зависело от климатических условий, вскрытия р. Печоры и готовности к земледельческим работам.

Традиционно первые хороводы разыгрывали в Николин день (22 мая н.ст.), далее по праздникам (за исключением Духова дня) и воскресениям, динамика которых достигала кульминации к Иванову дню (07.07. н.ст.), завершавшему весну, молодёжные обрядовые игры и открывавшему лето с его трудовыми буднями и обрядами, главные из которых связывались с сенокосной порой и жатвой хлебов. До конца 1930-х гг. *горку* водили в крупных и малых селениях, но главные завершающие хороводы проводили в головных селениях/центрах, и праздник обретал статус съезжих праздников.

Хороводный обряд составляет семь обязательных фигур: «столбы», «круг», «сторона на сторону», «на четыре стороны», «плетень», «вожжа», «кадриль» или «плясовая». В прошлом традиционно *горку* водили трижды в день: до полудня в круг становились девушки-невесты, вовлекавшие в хоровод подростков, далее следовал обед с непродолжительным отдыхом. С двух до трёх-четырёх часов дня хороводы водили девушки-невесты и молодницы первого года замужества; вечер-

няя горка была самой продолжительной и длилась с шести-семи часов вечера до захода солнца.

В праздники – Николин, *Троицу* и *Иван* дни горочные хороводы были многлюдными, собирались не только участники (как это бывало в воскресные дни), но и зрители – крестьяне разных возрастов от детей до стариков. Примечательной особенностью этих дней были семейные гощения с обильными трапезами. До середины XX в. в праздничное время сохранялось половое обособление: мужчин и женщин угощали за разными столами, расположенными в доме в разных комнатах; к месту проведения *горки* участники собирались отдельными группами, на утренней и дневной горке парни / молодые мужчины находились вблизи разыгрываемых хороводов – устраивали игры, состязались в борьбе, демонстрируя силу и ловкость. На вечернем гулянии эти границы нарушались: мужчины и женщины, парни и девушки становились в единый хоровод. И только подростки, вовлечённые в текущем году в молодёжный круг, находились пока вблизи взрослого хоровода, составляли обособленный круг. Лишь спустя год они становились полноправными участниками взрослой *горки*.

Центральной фигурой хороводов являлась фигура «вожжа», которую водили лишь в том случае, если были произведены посевы. На её значительность в хороводно-обрядовой практике указывает вовлечение в круг и всех зрителей, которые на время разыгрывания фигуры становились полноправными участниками обряда. Безусловно, весенние хороводы имели отношение к аграрно-продуцирующей магии, и участие в них сельчан должно было обеспечить успешный рост зерновых культур, получение доброго урожая и благополучие общины в целом.

Горочные гулянья занимали центральное место в весенне-летних молодёжных обрядах и характеризовались устойчивыми принципами «переходного» возрастного символизма: на обзорных местах разворачивалось вселенское общение, в процессе которого подростков вовлекали в молодёжный круг, парни и девушки определялись в пары и в инсценировках песен завершающего хоровода – в Иванов день – «утверждались» общиной в качестве потенциальных женихов и невест, что давало им право в дальнейшем открыто демонстрировать свои любовные отношения. Итогом молодёжных игр были свадьбы.

Начиная с середины XX столетия, происходят изменения в жизнедеятельности усть-цилемских староверов, привносятся изменения и в проведение хороводов: их начали водить дважды в год – Иванов и Петров (12.07. н.ст.) дни, лишь вечером. Хранители традиций дают различные объяснения произошедшим трансформациям в обряде. Одной из основных причин называется неучастие в них молодёжи, которую на селе стремительно вовлекали в комсомольскую жизнь и ориентировали на строительство «светлого будущего», отвергая вековые традиции, которые характеризовались не иначе как «отсталыми». В послевоенный период жизнь молодёжи в основном была сосредоточена в сельских клубах.

А люди среднего и старшего возрастов по-прежнему жили традиционным укладом и ставили привычные обряды и обычаи выше «социалистических преобразований» на селе. Народный календарь играл определяющую роль в выстраивании их жизни. Так, по Иванову дню прогнозировали погоду на лето и определяли урожай; к этому дню созревали целебные и кормовые травы, называвшиеся *иванские*, ставили первый стог сена – зарод, который был как знаком начала сенокосных работ, так одновременно и символом благополучия в разведении скота. Таким образом, приоритет празднования Иванова дня как вершины трудового года связывался, прежде всего, с хозяйственной деятельностью. Неслучайно именно

этот день стал днём проведения завершающей *горки*, а в конце 1950-х годов это был единственный день в году, когда сельчане водили хороводы. Устьцилёмы, несмотря на запреты, по традиции становились в круг, разделяли радость встреч и общения, входили в гармонию с природой, обретали силу на период уборочных работ и на год в целом.

Вместе с тем, для жителей волостного центра – Усть-Цильмы – *Иван* день является заветным праздником. По преданию, здесь на холме был погребён местным святой Иван – последний житель Тобышского скита, по которому в этот день на кладбище служили панихиду. По воспоминаниям старожилов, у могилы Ивана собирались жители Усть-Цильмы и приближённых деревень. Со временем зародилась местная традиция: в этот день устьцилёмы обходят все родовые кладбища Усть-Цильмы, кадят могилы, – *Иван* день стал днём поминовения усопших. В настоящее время к этому дню приезжают на малую родину устьцилёмы. Утром – «в чистое время дня» – они приходят на кладбища, где погребены их предки, а вечером встречаются с родными и знакомыми на *горке*.

По причине неустойчивых погодных условий Севера новым постоянным днём в проведении хороводных гуляний стал день святых апостолов Петра и Павла. Ранее в Петров день горку водили лишь в том случае, если сенокос переносили на более позднее время, обычно, по причине позднего вскрытия реки и, в связи с этим, позднего созревания трав. По воспоминаниям участниц хороводов, в круг становились преимущественно девушки-подростки и молодёжь, тогда как взрослые чаще «сидели компаниями» и, несмотря на праздничный день, горка проходила скромнее.

В кризисный для усть-цилемской горочной традиции период 1960–1970-е гг. и состоялось открытие уникального Усть-Цилемского края кинодокументалистами. Мастера кино приехали в Усть-Цильму в 1971 г, а затем в августе 1976 г. Их работа осуществлялась через администрацию района. Поэтому на съёмках фильма в 1976 г. хороводы водили «по заказу», вне их естественной приуроченности к традиционному времени проведения. Между тем, жители районного центра с воодушевлением приняли приглашение к участию в съёмках и в течение трёх дней выходили водить хороводы. Вот как передал своё отношение к происходившему Ананий Иванович Булыгин – известный в Усть-Цилемском районе исполнитель народных песен, участник хороводов, обращаясь к своим детям в дарственной надписи на фотографии тех дней: «Съёмки фильма «На горке, да на пригорке»¹. Пойте, наши любимые деточки. Передавайте нашу славу о великой Усть-Цильме, матушке Печоре. Пусть не гаснут песни нашего края». В итоге фильм «Праздник на Печоре» стал спасительным для горки.² Обозначившийся интерес к хороводам со стороны документалистов, художников, учёных и всех любителей старины привёл к снятию запрета на проведение обряда. И, как вспоминают хранители традиций, «по Усть-Цильме снова зазвенели песни».

В 1980-е годы *горка* значительно «помолодела», а в 1992 г. в с. Усть-Цильма впервые была проведена *детская горка*, ставшая новым явлением праздничной культуры устьцилёмов. С 2005 г. в с. Усть-Цильма начали возрождать проведение хороводов в Николин день. С недавних пор *детская горка* устраивается и 1 июня – в день защиты детей. Дети стали активными участниками праздни-

¹ Приведено рабочее название фильма «Праздник на Печоре».

² Фильмы о традиционной культуре устьцилёмов: «Там, за рекой Печорой» (1971 г.) и «Праздник на Печоре» (1976 г.) в 2006 г. были оцифрованы при поддержке Некоммерческой организации «Благотворительный фонд «Лукойл» и ООО «Лукойл-Коми» и распространены среди жителей Усть-Цилемского района.

ных *горок*: под началом наставников они разыгрывают фигуры хоровода в Иванов и Петров дни днём, а вечером включаются во взрослый круг.

Сохранению уникального хороводного праздника способствовало и сохранение традиционной праздничной одежды – обязательного атрибута *горки*. Одежда отражала экономическое положение семьи, социальный статус её владельца, а в обрядах имела глубокий знаковый смысл. Неслучайно в прошлом до трёх раз в день собирались участницы водить хороводы, в каждый последующий выход меняли и наряды. Самые яркие, дорогие наряды из красного штофа, узорчатых шелков надевали на дневные хороводы, считавшиеся главными. Благодаря переодеваниям в течение праздничного дня, девушки демонстрировали свою красоту и здоровье. Переодевание рассматривалось и с точки зрения охранительной функции этого действия. Поэтому всем девушкам полагалось иметь не менее пяти-шести комплектов нарядов, каждый из которых назывался *смена*. Наряды очень берегли, их передавали по наследству, костюмы служили трём-четырёх поколениям. Бывало, в семьях победнее, прибегали к помощи соседей или крёстных: на время гуляний девушки одалживали какую-либо часть костюма с тем, чтобы соблюсти традицию и не повториться в одежде.

Преданность традиционной одежде у устьцилёмов, с одной стороны, объясняется их осознанным выбором – стремлением сохранять «стародавние» традиции, заповеданные отцами и дедами; с другой, – этому способствовали обстоятельства, связанные с неудовлетворительным снабжением усть-цилемских деревень промышленными товарами (до конца 1950-х гг.). В этой ситуации борьба за искоренение народной одежды была бессмысленной, а чинившиеся в 1960-х гг. запреты не нанесли желаемого «сокрушительного» удара. Но жизнь вносила свои коррективы. И к 1970-м годам традиционную одежду в полном объёме носили уже только женщины старше 50-и лет.

С возобновившимся интересом к народному гулянию вновь обнаружился спрос и на традиционную одежду, которую отныне молодёжь стала надевать в дни проведения *горки*, на концертные мероприятия, семейные торжества. Это вызвало заметное оживление на селе.

Новым явлением стало изготовление праздничных нарядов для детей от трёх лет, участвующих в фольклорных коллективах и горочных гуляниях, хотя в прошлом первые наряды примеряли лишь в подростковом возрасте, только тогда, когда становились в хоровод. Их пошив был инициирован старейшими участницами *горки*, которые хотели видеть во внуках продолжателей традиций, поэтому, с учётом происходивших изменений в жизни сельчан, это новшество уже не считали зазорным.

В настоящее время устьцилёмы *горку* и народную одежду идентифицируют со староверием в целом, вкладывая этноконфессиональное содержание в понятия «наша горка», «наша староверская одежда», хотя, в сущности хороводы, как и традиционные облачения, имеют давнюю историю развития и привязка к древлеправославию весьма условная, поскольку исторически со времён появления староверов на Печоре они являются хранителями и трансляторами древнерусского обряда и народной одежды в исследуемом регионе.

Учитывая профессиональную специфику этнографической группы устьцилёмов, важной стороной общественного мнения в их среде стало отношение духовных лидеров к проведению обрядовых хороводов в период Петровского поста. Несмотря на известные ограничения староверов по отношению к игровой культуре, в прошлом наставники/старцы не запрещали молодёжи и взрослым участво-

вать в хороводных обрядах в Петровский пост. Принципиально важно то, что *горка* понималась устьцилемцами как жизненно-важное ритуальное действие, направленное не только на достижение благополучия в сельскохозяйственных делах, но и на воспроизводство культуры в целом. *Горка* понималась как «вековой опыт предков», «на веках так бывало». И авторитет предков был неоспоримым.

В настоящее время, когда исконные смыслы и значения обрядовых хороводов утрачены, некоторые усть-цилемские наставники призывают единоверцев воздержаться от участия в *горке*, особенно в *Иван* день, признавая хороводы «греховным игрищем в пост». Между тем хранители традиций призывают сохранять обряд, который в настоящее время рассматривают как великую дань прошлому и видят в нём объединяющий потенциал к сплочению устьцилемов и поддержанию семейных и родовых традиций. Их мнение разделяет большинство жителей района.

Сегодня молодёжь полагает, что у *горки* есть будущее, и, несмотря на стремительные перемены на селе, праздник занимает в жизни сельчан значительное место. На местах жители сёл и деревень живут его ожиданием, т.к. праздник – это и радость встреч с земляками, выехавшими за пределы Усть-Цилемского района. «Живём от горки до горки» – говорят жители сёл и деревень. К празднику готовятся, обновляют наряды. Ныне *горка* в Петров день считается главной: в ночь с 11 на 12 июля устьцилемы по традиции варят кашу *петровщину*, а вечером водят хороводы.

Главное значение современной *горки* – это то, что праздник сплачивает семьи, роды и всех устьцилемов. В едином хороводе познаётся невероятный дух и сила коллектива, родной земли, понимание того, что только сообща можно преодолеть трудности. И, как говорят устьцилемы: «купно молились, купно трудились, купно радовались», – в этом и заключена великая сила староверов, сумевших выжить в сложные времена изгнаний и притеснений.

Горка признана уникальным явлением традиционной культуры локальной группы северно-русских староверов с самоназванием *устьцилемы*. Она по-прежнему притягивает к себе внимание исследователей, журналистов, почитателей древнерусской старины, ежегодно съезжающихся в Усть-Цильму к дням её проведения. Поклонники русской культуры с интересом примеряют стародавние наряды, в центре России, хранящиеся лишь в музеях, и становятся в единый «вселенский» хоровод, значение которого в современных условиях обретает особый смысл.

В постсоветский период *горка* была названа праздником, с присвоением ему в 2003 г. республиканского статуса. В настоящее время Администрация Усть-Цилемского района, Межрегиональное общество «Русь Печорская» при содействии Министерства культуры Республики Коми и Министерства национальной политики Республики Коми ходатайствуют о включении *горки* в реестр памятников нематериального духовного наследия России и присвоении самобытному празднику федерального статуса.

Источники и литература:

Тульцева 1998 – Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов: Круглый год праздников, обрядов и обычаев рязанских крестьян. – Рязань. Рязанский этнографический вестник. 2001. – 284 с.

Шаповалова 1998 – Шаповалова Г.Г., Лаврентьева Л.С. Жили-были: Русская обрядовая поэзия. – СПб., 1998. – 288 с.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми сказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Этой статьёй я во многом обязан Н. Д. Конакову. В 1989 году я поступил в аспирантуру ИЯЛИ и на заседании Учёного Совета озвучил концепцию своей будущей диссертации. В основе этой концепции лежала разработка мифа о космической охоте на материалах коми фольклора в сравнении с фольклорными текстами народов Сибири. Тема космической охоты привлекла моё внимание ещё в студенчестве, в ходе работы над дипломным исследованием, и в те годы мне было приятно осознавать, что я самостоятельно вышел на настоящую научную проблему. После Учёного Совета Н. Д. Конаков, тогда – заведующий отделом этнографии, позвал меня в свой кабинет, мы поговорили о космической охоте и солярных мифах, о лосихе-солнце, и я понял, что Конакову известно об этой проблеме всё. Потом он открыл книжный шкаф и достал несколько книг с публикациями своих исследований по календарю, я пролистал эти работы – в них были использованы те же тексты, на которые я опирался в своей дипломной. Что тут говорить, я просто был разочарован в теме своей диссертации, но Конаков мне сказал, что на самом деле ведь его разработки календаря не закрывают саму проблему солярного мифа, и исследование надо продолжать, другое дело, что имеет смысл расширить тему самой диссертации до уровня, скажем, исследования всей мифологической системы уральского язычества. Конаков тогда был очень увлечён этой идеей. Я помню, что от такой глобальной исследовательской перспективы у меня просто захватило дух. Не знаю, верил ли он сам, что мне, тогда ещё начинавшему исследовательскую деятельность, удастся разработать такую тему, да это и не важно. Важно то, что он не только не оттолкнул меня от разработки гипотезы, которой занимался и сам (так часто бывает), но как бы посвятил меня в неё. Он всегда подчёркивал, что неважно, сколько человек исследуют проблему, сколько исследователей, столько и концепций – от этого наука только выигрывает. И ещё важно, что он всегда считался с чужой точкой зрения и никогда не навязывал своего решения как единственно возможного. Поэтому мы и ужива-

лись рядом с ним – такие разные. В 1993 году Конаков подарил мне свою только что вышедшую книгу «От святок до сочельника» с надписью: «П. Ф. Лимерову, «Космическому охотнику», с пожеланием успехов».

Миф о космической охоте и образ Богини-Матери в дохристианской религиозности народа коми

Сегодня уже трудно восстановить дохристианскую религию коми в более или менее полном объеме, однако по «чудским» образкам Пермского звериного стиля можно реконструировать некоторые наиболее общие сюжеты, имеющие параллели в мифологии других народов. Не вызывает сомнений тот факт, что эти образки, по выражению академика Б. А. Рыбакова, «плотно заполненные рельефными изображениями полулюдей-полулосей, лосиными головами, ящерами, пушным зверьем и птицами» (Рыбаков, 1979. С. 10), применялись в культовой практике. С конца XIX в. по поводу семантики изображений на бляшках было высказано немало гипотез, но в последнее время исследователи склоняются к тому, что в звериных образах чудских блях нашли отражение космологические представления древних коми.

В 1960-е гг. XX в. этнограф В. В. Чарнолуцкий сопоставил саамские тотемические мифы с сюжетами пермских образков и обнаружил любопытные соответствия. Одним из центральных образов саамской мифологии является Мяндаш-парнь – человек-олень, первопредок саамов, считающийся также и культурным героем, научившим людей ритуалу охоты на оленей, надевая оленьи рога (Чарнолуцкий, 1965. С. 101–130). Некоторые расшифровки В. В. Чарнолуцкого были признаны чрезвычайно удачными академиком Б. А. Рыбаковым, в частности, «сопоставления изображений семи

Семь человеколось, под ногами которых утки. VII–VIII вв. (Верхнее Прикамье).

Крылатый человеколось на ящере. (Троицко-Печорский район Республики Коми).

сульдэ (семь звёзд Лося?) с сообщением летописи об «оленцах малых», падающих с неба (Рыбаков, 1997. С. 10). В целом же к этим расшифровкам отнеслись довольно сдержанно, как это видно, к примеру, из высказывания В. Я. Петрухина: «Как нам представляется, пермский звериный стиль обладает своим «языком», который рискованно переводить на язык саамской мифологии. Ясно лишь, что язык звериного стиля – это язык космогонических мифов, и его центральный образ – космический лось, тотемический первопредок людей: недаром он совмещает черты лося и человека» (Петрухин, 2003. С. 191). Гипотеза о космогоническом содержании изображений в их тотальной соотнесённости с символикой тотемных кланов активно разрабатывалась Л. С. Грибовой, считавшей, что в целом композиция образка отражала представления о структуре вселенной, выраженные в звериных символах. В свою очередь, определённый набор звериных образов символизировал структуру тотемной этносоциальной группы (Грибова, 1975. С. 12–24).

Б. А. Рыбаков предложил расшифровку языка пермских образов через сопоставление их с мифологией западных тунгусов – эвенков. Предметом внимания Б. А. Рыбакова оказывается сюжет, участниками которого являются «ящер, мужская фигура в головном уборе в виде морды лосихи и две женских фигуры с копытцами, с головами лосих, расположенные по боковым сторонам бляшек таким образом, что морды лосих создают наверху замыкающий полукруг, образуя вместе с ящером как бы рамку для всех центральных изображений» (Рыбаков, 1997. С. 12). Для объяснения этого сюжета он приводит мифы эвенков, нганасан, долган и др. о путешествиях шаманов на небеса, к двум небесным владычицам мира «наполовину женщинам, наполовину лосихам (или важенкам), от которых зависит благополучие охотничьих племён – приплод оленей» (Рыбаков, 1997. С. 14). Центральная фигура человеколосья объясняется на основе костюма шамана из мезолитического погребения на Оленьем острове Онежского озера, головной убор которого увенчивал стержень из бивня мамонта в виде головы лосихи. Не менее важно, что в погребении, кроме мужского находились и два женских костяка по бокам (Рыбаков, 1997. С. 15), как бы в соответствии с расшифровываемой композицией. Ящер, на котором стоит шаман, является воплощением мифологического нижнего мира, его расположение мордой с широко раскрытой пастью в направлении на запад говорит о его функции поглощения солнца-лосихи, склонившегося к западу. Рамочное обрамление в виде смыкающихся морд двух лосих, также стоящих на ящере, обозначает небосвод. Средний мир представлен парными изображениями мужчин и женщин, иногда семьи с ребёнком, а также различными животными и птицами. Человеколосья на ящере – это путешествующий по мирам Вселенной шаман, иногда он имеет крылья вместо рук, для того, чтобы летать с птицами, на одной бляшке рядом с шаманом помещена гагара, видимо, для полёта в

Ажурная бляха VI–VIII вв. (д. Нырғында Удмуртия).

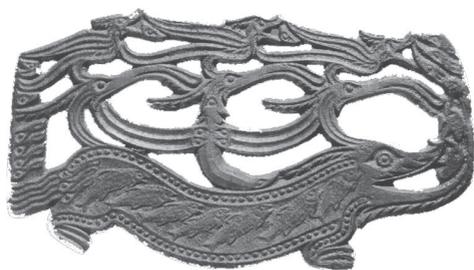

Изображение человеческой личности в окружении лосиных и птичьих голов. (Троицко-Печорский р-н Республики Коми).

нижний мир. Солярный миф на бляшках изображён в нескольких вариантах: а) округлое солнце с женской личиной, которое сверху обрамляют морды двух небесных лосих, а снизу двуглавый ящер, отмечающий солнечный круговорот; б) Вселенная окружена мировой рекой, снизу показан двуглавый ящер, а над ним движущиеся с востока на запад лосихи и солнечный диск в центре, «западная» пасть ящера заглатывает голову солнечной лосихи; в) третий вариант солярного мифа представлен изображением гигантской птицы с солнечной личиной на туловище и маленьким ящером на фоне птичьего хвоста (Рыбаков, 1997. С. 13–19). Надо отдать должное интуиции коми этнографа и лингвиста А. С. Сидорова, в начале 1920-х гг. предположившего, что изображение человека-лосихи, едущей на ящере, отражает солярный миф, реликтами которого в языке остались выражения «посолонь» – шонді гён ньылыд «по шерсти солнца»; «против солнца» – шонді гён пуджыд «по шерсти солнца» (Сидоров, 1972. С. 12–13).

Другое наблюдение Б. А. Рыбакова касается образа двух мировых рек в мифологиях сибирских народов, соответственных двум фратриям дуально организованного общества. На пермских образках эти две реки показаны в виде двух вертикальных потоков, струящихся сверху, от лосиных морд небосвода до нижнего мира, показанного мордой ящера (Рыбаков, 1997. С. 20). Согласно выводу Б. А. Рыбакова: «Вселенная состоит из трёх миров: подземно-подводный мир, олицетворённый ящером, глотающим солнце (в виде головы солнечного лося Хэглэн), средний мир людей и шаманов и верхний, небесный мир, куда из людей попадают только шаманы, получающие от небесных владычиц свою колдовскую силу. Небо представлено двумя женщинами-лосихами, морды которых образуют небосвод; до этого небосвода долетают крылатые шаманы, от этих лосиных морд Владычиц Вселенной стекают в нижний мир реки Вселенной» (Рыбаков, 1997. С. 21).

Такова реконструкция мифологического образа мира по пермским культовым образкам, и с ней трудно не согласиться. В качестве образов верхнего мира часто изображаются птицы или птицевидные существа с собачьими головами, а ящера иногда могут заменять некоторые животные нижнего мифологического ряда: бобр, лошадь, паукообразные существа, иногда даже медведи и лоси. «Реки Вселенной»

в некоторых композициях меняются на изображения змей, что в целом также соответствует космологической семантике блях, в силу мифологической водяной природы последних. Все эти образы в целом можно назвать статичными, поскольку они за некоторыми исключениями всегда соответствуют своему космологическому местоположению, и символика их постоянна. Другое дело – центральная фигура. Если она

символизирует средний мир, то она должна быть воплощением земли в каком-либо зооморфном образе, очевидно – лосихи, и тоже должна быть статичной. Однако этого нет, и даже напротив, в центральном образе всегда выражена динамика всей композиции: этот персонаж может идти – он изображается в позе движения, ехать на ящере, перемещаться во времени (солнечных лосих на спине ящера три, четвёртую заглатывает ящер – это одна и та же лосиха в разных

Бляха с двумя человеко-лосями на ящере VII–VIII вв.

временных аспектах), летать с помощью рукокрыльев. Несмотря на это, набор этих персонажей не так велик, точнее, в центре изображается человек-лось, путешествующая человек-лосиха и женское божество. По-видимому, центральный образ отражает определённый мифологический сюжет, не только известный пользователям образков, но и значимый в религиозно-мифологической системе. Только этим можно объяснить, почему ограниченное количество центральных образов может иметь несколько различных мифологических значений, так, к примеру, человеколось может быть участником и солярного, и «шаманского» мифов. Относительно последнего следует подчеркнуть, что героем шаманского мифа может быть только божественный персонаж, а не просто человек, хотя бы и шаман. Поэтому лосиная голова над человеческой в образе человека-лося является не головным убором, а символом божественности персонажа. Это божественный первопредок типа саамского Мяндаша, или же бог-посредник типа обско-угорского Мир-Суснэ-Хума или кетского культурного героя Доха, являющегося, кстати, и первым шаманом. Священнослужитель, которым может быть и шаман, по ходу литургической деятельности повторяет в своём костюме основные черты божества, а также его основные действия.

С другой стороны, мифологически значимые события могут происходить только в центре мира, на вершине мировой горы (дерева). Отсюда рамочное обрамление образков в виде мировой реки или двух змей, символизирующее воды первоизданного океана, из которых поднялся первохолм будущей суши в космогоническом мифе. Эти рамочные образы могут прочитываться как лежащие в горизонтальной плоскости, обозначая периферию вселенной, тогда как центральный образ может быть прочитан только в вертикали. Даже принимая во внимание условность изображаемого, в масштабе данной картины мира центральный образ выглядит гигантским: ногами он попирает хтонического ящера-преисподнюю, а головой задевает небесный свод из образов верхнего мира. Выходит, что своим телом он как бы связывает все уровни вселенной, которая, собственно, отражается и в структуре его тела: ноги, касающиеся ящера, сами соотносятся с мифологическим низом, поэтому на изображениях женского божества её ноги иногда показаны как медвежьи лапы; туловище соответствует среднему миру, а голова – верхнему, так что голова снабжается солярными символами в виде кружка на лбу женского божества или женского лица непосредственно над её головой, солярным символом может считаться и лосиная голова над человеческой.

По наблюдениям коми этнографа Н. Д. Конакова относительно изображений женского божества, наличие зооморфных черт: лосиных копыт и медвежьих лап вместо ступней ног и кистей рук или же птичьих лап и рукокрыльев вместо кистей рук говорит о взаимосвязи богини с животным миром, а изображение на её груди человеческой личины позволяет предположить о её непосредственной роли и в воспроизводстве человеческого рода (Конаков, 1996. С. 60). Судя по всему, богиня имеет высокий сакральный статус, солярные знаки на голове и на груди

свидетельствуют о её отношении к солнечной животворной силе и земному плодородию, она связывает воедино асимметричные сферы земного / подземного низа и небесного верха, человеческого и природного, и, таким образом, является персонификацией всего среднего мира. Имени женской богини в мифологии коми не сохранилось, поэтому Н. Д. Конаков называет её богиней земли (Конаков, 1996. С. 60), тождественно жене небесного бога Укко у финнов, эст. Маа-эма, саам. Мадер, морд. Мода ава, манс. Калтащ-эква (Айхенвальд, Петрухин, Хелимский, 1982. С. 189). Этот типологический ряд вроде бы безупречен, разве что можно добавить к нему ещё несколько божественных имён, но суть в другом: религиозные формы почитания земли-матери характерны для земледельческих народов, каковыми, к примеру, исконно являются индоевропейские народы, аграрные культы которых восходят, по крайней мере, к V–IV тыс. до н.э. (Николаева, Сафонов, 1999. С. 157), поэтому формы почитания земли-матери или персонификации порождающей земли у финно-угров нельзя считать исконными. Тем более находить их в явно охотничьей религии, ведь не случайно, что у коми нет своего лексического соответствия термину земля-мать и в фольклорных текстах фиксируется заимствованный русский термин земля-мати. О полном отсутствии у урало-алтайцев характерного для земледельческих народов мифа о священном браке неба и земли, определяющего идею земного плодородия, при том, что некоторые из этих народов и называют небо «Отцом», а землю – «Матерью» в своё время писал и известный историк религий Мирча Элиаде (Элиаде, 1999. С.136). Можно добавить, что даже такие, часто цитируемые эпитеты обско-угорской богини земли Мых-анки, как «кожистая земля», «шерстистая земля» (Головнев, 1995. С. 534) говорят больше о «внешней» стороне земли, чем о её плодородной утробе, сама же богиня является женой Мых Кона – бога подземного мира. Это и понятно: для народов, носителей охотничье-промысловой культуры, каковыми являлись и финно-угры, миф о плодородящей роли матери-земли не мог иметь большого значения в силу другого типа хозяйствования, зависимого от других, более специфических для жителей леса сил, обеспечивающих воспроизводство людей, наряду с промысловыми животными и птицами.

Между тем, в летописных источниках зафиксирован, по-видимому, древний уральский миф о небесном плодородии: «Ещё мужи у нас стари ходили за Югру и самоядь, яко видевшее сами в полунощных странах: съпаде туча велика и в той тучи спаде веверица млада, акы топерво рожена и взръстиши – расходится по земли. И паку бывает другая туча и съпадают оленци мали и возрастают и расходятся по земле» (Рыбаков, 1997. С. 10). Б. А. Рыбаков справедливо соотносит этот текст с мифологическим сюжетом о двух небесных женщинах-важенках (лосихах), рожающих оленей для земных стад, от чего зависит благополучие охотничьего племени (Рыбаков, 1997. С. 14). Иными словами, мифологическое плодо-

Прорезная бляха. VII–VIII вв.
(пос. Курган Чердынского р-на Пермского края).

Прорезная бляха с крылатой богиней на коне. VII–VIII вв. (пос. Курган Чердынского района Пермского края).

родие для североевразийских охотничьих народов не рождается в земле, а нисходит с неба на землю. В финно-угорской мифологии это выражено идеей нисхождения небесных богинь или животных в средний мир. Это финская дева воздуха Ильматар, опускающаяся в воды первичного океана, чтобы родить будущего творца мира Вяйнемейнена; это обско-угорская Калташ, подательница жизни, сброшенная с неба Торумом и рожающая Мир-Суснэ-Хума в воздухе, между небом и землёй¹; это и мордовская Ангепатяй, дом которой на небесах, а сама она обеспечивает жизнь на земле. Миф о небесной дева известен в мифологии саамов, эстонцев, мари, коми-пермяков – возможно, с менее ярко выраженной идеей плодородия. Что касается Северной Сибири, то здесь мы обнаруживаем ряд богинь – Жизненных Старух, обитающих в небесном мире на юге: селькупская Ылюнда Котта, нганасанская Нилулемы Моу нямы, кетская Томам, эвенкийская Бугады Энитын. Все эти божественные персонажи обеспечивают земное плодородие, но место их обитания находится на небесах. Кроме них есть и другие женские божества, в том числе и Мать земли, но все они вторичны по своим функциям.

Что касается богини на ящере, то в её иконографии представлены солярные и зооморфные символы, указывающие на небесную сферу её животного плодородия, и фактически отсутствует символика плодородия растительного. Без сомнения её можно отнести к категории женских божеств, известных как Великие Матери, но она, скорее, Артемида, Лесная богиня, нежели Гея, Земля-Мать. Образ этой богини может быть соотнесён с образом известной Зарни Ань – Золотой Бабы, о поклонении которой впервые упоминается в Никоновской летописи в статье о кончине св. Стефана Пермского (Жонаков, 1999. С. 159). На это указывает эпитет «золотая», который имеет значения солярности и хтоничности одновременно, что в целом характеризует образ Богини-Матери, в силу своей рождающей функции, имеющей отношение и к солярно-небесному верху, и к подземно-хтоническому низу.

На чудских образках имеется изображение трёхликой богини с четырьмя грудями, что говорит о её соотнесённости со всеми тремя сферами мироздания, четыре груди символизируют её окормляющую функцию всех четырёх сторон света. По преданию, четыре груди дал небесный бог Ен прародительнице зюздинских коми-пермяков богатырке Дзюдзе, чтобы она сумела прокормить рождённых ею шестерых сыновей-богатырей (Петрухин, 2003. С. 216). Сходный миф есть у обских угров, считающих, что Торум послал шесть своих сыновей на землю заниматься людскими делами. Они расселились на Оби и больших притоках и стали родоначальниками шести больших родов – сир, в свою очередь, их сыновья-богатыри, отделившись от отцов, стали основателями родов на притоках поменьше. Судя по всему, зюздинский текст является отголоском древнего этногенетическо-

¹ По Карьялайнену манс. Kaltas-san-taaram – Калтась – мать небесная. (Цит. по: Игнатов, 2003. С. 101)

Прорезная бляха VIII–IX вв.
(Крылатая трёхликая богиня
на ящере (Усть-Камб, Чердын-
ского р-на Пермского края).

го мифа не только этнической группы зюздинцев, но и всех коми. По-видимому, отцом этих шестерых богатырей, ставших основателями шести городов, был сам Ен. Шестеро братьев, как и в обско-угорской версии, стали прародителями шести основных родов, от которых в дальнейшем отпочковались остальные роды. Смысл подобных мифов в том, что они дают обоснование такой вселенской организации, которая строится по принципу семьи: прародителями являются Небесный Отец и Богиня-Мать, их сыновья становятся божественными первопредками, внуки – героями-основателями отдельных этнических групп, а правнуки и праправнуки составляют народ в целом и населяют уже весь обитаемый мир.

Таким образом, весь мир представляет собой единый богочеловеческий коллектив, в котором отношения между богами и людьми строятся по принципу родства: небесные боги-родители, их дети и внуки – родоначальники человеческих коллективов, которые относятся к людям как к своим внукам. Подобные отношения мы можем и сегодня наблюдать в мифологии обских угров. В средневековье же это была наиболее характерная черта мировоззрения финно-угров, её отголоски всё ещё слышатся в современном культе предков (родителей). В древнепермской пластике встречаются изображения так называемой семьи: мужчина и женщина с ребёнком посередине стоят на ящере. Вряд ли средневековый художник снизошёл бы до изображения человеческой пары, это изображение божественной семьи первопредков в их вселенской значимости. В рамках вселенской семьи божественная пара является не просто воплощением символики мужского и женского начал, но приобретает значение всемирного Отцовства и Материнства.

Принцип Небесного Отцовства не нуждался в особом почитании вследствие известной в мифологии отстранённости Небесного бога от земных дел, поэтому по мужской линии объектом почитания были деятельные воинско-охотничьи качества его сыновей. По мифологии обских угров, военные подвиги божественного первопредка (вотчинника) составляют довольно существенную часть всего фонда священных текстов рода. С другой стороны, жена небесного бога, сошедшая (сброшенная) с небес на землю, оказывается в области деятельных контактов со всем земным миром, включая человеческий и природный. Такова обско-угорская Калтац (вост. хант. Анке Пугос): кроме человеческой ипостаси она может предстать в обликах зайчихи, лягушки, лебедя – все эти облики являются равными человеческому. Точно так же имеют различные зооморфные ипостаси все её божественные сыновья и внуки, а некоторые животные имеют небесное происхождение. Великая Мать богов, она покровительствует рождению всей живой твари, в том числе и человеческой, по-другому и

Прорезная бляха VIII–IX вв. Родители с ребёнком
стоят на ящере под небосводом из лосиных
голов. (Чердынский р-н Пермского края).

быть не может: и природный, и человеческий миры берут начало в её небесно-хтонической утробе. Иными словами, животные, птицы, растения и люди связаны друг с другом узами родства. Естественно, что в такой религиозно-мифологической системе охота не может быть просто добыванием убоины ради пищи, это всегда ритуал, теургический акт, целью которого является освобождение души убитого животного и отправление её в лоно Богини-Матери для последующего возрождения. Возможно, что в некоем архетипическом варианте ритуала охотник исполнял роль шамана (или был им), достигающего неведомых и незримых чертогов Богини-Матери, чтобы испросить разрешения на охотничий промысел. Не исключено также, что охотник-шаман для этого вступал в священный брак с Богиней-Матерью или с кем-либо из женских лесных духов. Во всяком случае, мотив сожительства охотника с лесной женщиной – один из наиболее распространённых в коми фольклоре. Как правило, лесная женщина приходит в промысловую избушку охотника под видом его жены, зачинает от него ребёнка и исчезает при возвращении охотника домой по окончании промысла. Древность мотива подтверждается тем, что он известен и в фольклоре других финно-угорских народов.

Эротические мотивы в поздних мифологических текстах, связанных с лесной темой – явление нередкое. Это и былички о встречах охотников с лесными духами в обликах девушек или женщин, это и разножанровые тексты о брачных отношениях женщин с лесными духами в мужском облике и медведями, что, в общем, тоже может быть ипостасью лесного духа. Следствия от таких связей имеют трактовку в зависимости от жанровой принадлежности текста: если в быличках рождённый в результате такой связи ребёнок – урод, то в преданиях, сохранивших более древние мотивы, чаще всего он становится героем. Так, коми-пермяцкий герой Кудым Ош был рождён от брака его матери с медведем, богатырь Пера по одной версии был сыном медведя, по другой – в изначальные времена его родила Парма (Тайга). В этом же предании Пера женится на дочери солнца и становится родоначальником-первопредком коми, поэтому сам образ Пармы – матери героя и женского воплощения Леса, можно без особых натяжек соотнести с образом Богини-Матери. Между тем, идея воплощения в Лесе женского божественного существа угадывается в ритуальных вербальных формулах при входе в лес: «Если идёшь в лес, надо попросить разрешения у Леса-Воды (коми: Вёр-ва), попросить матушку Лес-Воду, чтобы тебя приняла в лесу» (ФА СГУ РФ 12-ХI). В современном коми языке слово вёр-ва воспринимается как неологизм и имеет значение «природа», однако это слово имеет и более архаический смысл, сохранившийся в фольклорных текстах. Так, в фольклоре вёр-ва «лес-вода» фиксируется как обобщённое понятие универсума, а также как огромное мыслящее существо, населённое живыми и разумными обитателями: деревьями, животными, людьми, духами леса и воды.

Одно из имён Богини-Матери коми мифологии известно по русским средневековым текстам как Золотая Баба (Зарни Ань), однако в современном коми языке и фольклоре этому имени нет аналогов. Между тем, известно, что имя такой богини может состоять из ключевых для этноса понятий, кодирующих окружающий мир. Так, для восточных славян таким понятием была земля, соответственно, божество имело имя Матери-Земли. Ключевые для древних тюрков понятия

земли и воды воплощены в имени тюркской богини Дьер-су (букв. Земля-вода) «Священная земля» (Жонаков, 1996. С. 60). Для коми ключевыми этническими символами могли быть только «лес» и «вода». Судя по всему, в средневековье понятие Вёр-Ва «Лес-Вода» могло означать весь срединный мир и было именем Богини-Матери, персонификации и хозяйки этого мира.

Это не значит, что, являясь хозяйкой Леса, Богиня-Мать покровительствовала только лесной охоте, как уже говорилось, идея женского плодородия исходит от неё, а значит, тоже из леса. Богиня-Мать покровительствовала и женским ремёслам, об этом можно судить по солярным знакам на прялках, ткацких станах и некоторых других традиционно женских инструментах. Кроме того, она, несомненно, ведала и плодородием домашних животных. Это особенно касается коровы, сакральный статус которой относительно других животных в народной культуре коми достаточно высок. Коровьи ясли считались легендарным местом рождения Христа, а сама корова – животным, особо отмеченным Богородицей. К дохристианским воспоминаниям можно отнести текст Г. А. Старцева, записанный им в 1917 году. В нём говорится, что некогда коров доили мужчины, не доверяя женщине-хозяйке, причём, одной рукой доили на ладонь другой руки и, затем, пили. Однажды корова исчезла. Поиски мужчин не дали результатов, но хозяйка повстречала в лесу женщину, которая назвала себя хранительницей коров от «нечистой силы», научила её правилам обращения с коровой, а также утвердила её единоличное право на доение коровы и уход за ней (Старцев, 1924. С. 118). Таким образом, это «право женщины» на корову суть не что иное, как осуществление сакральной связи между женщиной и Богиней-Матерью, явленной в ипостасях Богородицы и хранительницы коров. Через корову и её хозяйку на всю семью как бы распространяется божественная Благодать. Обычай приношения даров лесной богине, пусть и в неявной форме, сохранялся ещё и в недавнее время. В связи с этим уместно для примера привести текст позднего мифологического текста: «Мой телёнок однажды из хлева сбежал, не смогли поймать, маленький телёнок, прыгнул и прямо в лес убежал. Ну, ладно, потом сын с ружьём, с верёвками, в лес пошли искать, думаем, что может и стрелять его придётся. А бабушка одна нам говорит: «Я тоже с вами схожу». Пошла и говорит: «Там, куда мы пойдём, надо Лесу-воде гостинцы принести». Потом она мне говорит: «Анна, ты что-нибудь с собой взяла или нет? Телёнок убежал, так ведь Лесу-воде (к. Вёр-валы) надо гостинцы принести». Я отвечаю: «У меня нет ничего», – я будто бы не успела. «А я вот, красное вино было, я его взяла». Она взяла вино, вылила в ямку, мы стоим, смотрим, всех помянула, и телёнок сам прибежал» (ФФ ИЯЛИ ВФ 1506-43).

Как известно, в христианскую эпоху образ Богини-Матери сливается с образами Богородицы и Параскевы Пятницы. Не берусь судить, когда это произошло, возможно, ещё в период раннего христианства. Эти образы пришли к коми уже через восточнославянскую адаптацию, поэтому обнаружить в них какие-то коми национальные черты фактически невозможно. Невозможно, потому что коми христианская культура – явление вторичное, по сути, это вариант русской православной культуры, с её опорой на земледелие, с православным земледельческим календарём. В связи с этим образ женского божества оказался отчуждённым от леса, а затем и полностью ассимилирован образами св. Параскевы и Богородицы. Види-

мо, это был длительный процесс, затянувшийся на столетия, и более тщательный анализ выявит дополнительные сведения о местных особенностях культа Богородицы на Коми Севере.

Как Небесная Мать, женское божество на ящере отмечено знаками солярности – это может быть круг на лбу или дополнительная женская личина над головой, или даже личина на груди. Возможно, Богиня-Мать имела и функции солнечного божества, и именно ей принадлежит эпитет Шонді Мам – Солнечная Мать (ср. удм. Шунды Мумы – Мать Солнце), поскольку солярность является одним из атрибутов небесно-подземного плодородия. Видимо, она же в архаической мифологии имела образ лосихи, известный как персонификация солнца¹ и с ней в её зооморфной лосиной ипостаси был связан миф о космической охоте, в той или иной степени известный многим народам Сибири. В фольклоре финно-угорских народов сохранился мотив охоты на лося или оленя, что в общем, одно и то же. Как правило, фольклорный герой преследует убегающего оленя, отмеченного необычными признаками: красотой, величиной, необычным цветом или золотыми рогами. Догнав этого оленя, герой воцаряется, обретает богатство, славу, чаще всего – после брака на девушке, в которую превращается олень. В фольклоре коми этот сюжет лежит в основе предания об охотнике по имени Ёиркап, уже само имя которого имеет языческие аллюзии. Он преследует голубого оленя на чудесных лыжах, сделанных из «ас пу» – «своего дерева», дерева-двойника человека. Такое дерево обладает волшебными свойствами, и вещь, из него сделанная, тоже имеет волшебную силу. Однажды некая колдунья, задумавшая известить героя, обернула свою дочь чудесным голубым оленем, в расчёте на то, что Ёиркап умчится за ним невесть куда и не вернётся обратно. Колдунья просчиталась, голубой олень в мгновение прибежал до Сибирского Камня (Урала), но и чудесные лыжи не менее быстро домчали охотника. Олень превратился в прекрасную девушку, обещавшую стать ему женой, но суровый охотник не поверил словам оборотня и пустил в него стрелу.

Сходные сюжеты погони за оленем в европейском фольклоре часто связаны с мотивом свадьбы, как, к примеру, в «Калевале», где погоня за лосем Хийси является одним из свадебных испытаний Лемминкяйнена. Это не случайно, поскольку свадьба входит в круг древних контекстов, связанных с образом оленя (лося). Если обратиться к мифологии эвенков, то здесь обнаруживается архаическая связь между сюжетом о погоне, мифологическим образом мира и символикой фратриального деления общества. В мифе говорится о том, как богатырь-охотник Маин на чудесных лыжах преследовал лосиху с лосёнком. Лосиха выбежала на небесную твердь тайги верхнего мира, и вслед за ней на небесах очутился охотник. Погоня по небесной тайге продолжалась в течение целого дня, при этом лосиха бежала по ходу солнца с запада на восток. И вот, на закате, охотник настиг лосиху и поразил её. Но на этом охота не завершилась, потому что лосёнку удалось убежать за горизонт, и на следующее утро на востоке появилась выросшая за ночь лосиха уже со своим телёнком, и погоня возобновилась. Охот-

¹ По этому поводу поэтично высказался академик А. П. Окладников: «Охотники тайги образно представляли солнце в виде живого существа – гигантского лося, за день пробегающего по всему небосклону и к ночи погружающегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море». (Окладников 1964. С. 59–60).

ник Мани навсегда остаётся в тайге верхнего мира, становясь небесным богом. В более архаичном варианте мифа место охотника в этом сюжете занимает медведь Манги. Для космологии эвенков данный сюжет исключительно важен, поскольку в образе лосихи эвенки представляли солнце, а её ежедневное убийство космическим охотником объясняло ежедневную смену дня и ночи (Анисимов 1959. С. 15–19).¹ Образы медведя и лосихи известны среди петроглифов эпохи неолита на скалах Урала и Карелии, среди мезолитических стержней с головами лосих, найденных в разных местах: на Онежском озере, на Оленьем острове в Баренцевом море и в торфяниках на Урале. Более поздние изображения лося и медведя известны по бронзовым подвескам и бляхам, причём, есть сюжеты, на которых медведь и лось изображены в схватке. На бронзовом промысловом календаре древних коми изображения медведя и лосихи символизировали периоды, соответствующие весенне-летнему и осенне-зимнему календарным сезонам (Конаков 1990. С. 15), в целом же, как показывает исследование Н. Д. Конаковым символики промыслового календаря, миф о космической охоте представляет собой древнейший календарный зооморфный код Северной Евразии. Через символы медведя и лося (копытного) выражены мифопоэтические идеи смены дня и ночи, времён года. «В качестве активного начала (весна, мужская продуцирующая мощь, разрушительная тенденция) в этом зооморфном коде выступает медведь, в качестве пассивного (олень, женское производящее начало, идея жертвенности) – самка копытного животного (Конаков 1990. С. 19).

Что касается эвенков, то их космологическая система имела трёхмерную структуру, в которой верхний мир (угу-буга) был закреплён за космическим лосем Хэглэн, спасавшемся от преследования в чаще небесной тайги, а ночью видимом людям в созвездии Большой медведицы; в срединном мире (дулугу-буга) жили люди, а в нижнем мире (хэргу-буга) обитали предки, злые духи и мамонт сэли, больше похожий на подземную ипостась космического лося. Миф о космической охоте был одновременно и мифом о космической свадьбе, в которой убийство лосихи кодировало брачные отношения двух верховных божеств: небесного бога в образе медведя и Бугады Энинтын («относящейся к Вселенной матери их»), являющейся хозяйкой мира, матерью зверей и людей в образе лосихи (Анисимов 1959. С. 21–22). Мифология космической охоты-свадьбы лежит в основе символического деления общества эвенков на два экзогамных подразделения: фратрии лося и медведя, связанных друг с другом семейно-брачными отношениями, и в этом смысле миф выступал в качестве архетипа этих отношений, а также космического гаранта их незыблемости. Раз в год мужчины обеих фратрий устраивали ритуальную борьбу, имитировавшую борьбу медведя и лося, в которой выяснялось, какой из фратрий быть главной в течение года. Из этой же фратрии выбирался старейшина (Анисимов 1959. С. 53). Отголоском подобных представлений является коми-пермяцкое предание о богатыре-паме¹ по имени Кудым Ош, что значит Медведь Кудым, сватавшегося к далёкой вогульской княжне Костэ, с рождения носившей маску лосихи, о чём не догадывался никто, даже отец девушки.

¹ В современных исследованиях чаще используется миф о лосихе, укравшей солнце, космический охотник вынужден убить её, чтобы вернуть солнце на землю. Автор данной статьи придерживается мнения, что данная мифологема является трансформацией древнейшей версии мифа о лосихе, которая сама и является солнцем.

Поэтому, когда после предсвадебной бани лосиный образ Костэ исчез и она предстала перед отцом и гостями не «безобразной невестой», а исключительной красавицей, то изумлению присутствующих не было предела. Примечательно, что сам Кудым был рождён от брака медведя с его матерью, колдуньей Пёвсин – Одноглазкой.

В образах медведя и лосихи мы имеем два наиболее древних символа мужского и женского начал, и отголоски этой символики угадываются в традиционной свадебной обрядности, в различных текстах которой невеста описывается как «олень», «тёлка», жизнь её – «солнечная», партия жениха в причетах-хулениях невесты предстаёт в обликах «медведей», «грозовой тучи», а после венчания свёкор и свекровь встречают молодожёнов в вывороченных наизнанку шубах, изображая медведей. Эти же образы обнаруживаются и в знаменитом «Сне Татьяны» из Пушкинского «Евгения Онегина»: Татьяна, спасаясь от преследующего её медведя, забегает в избу, в которой накрыт свадебный стол, во главе которого сидит её несостоявшийся жених – Онегин. В недавно вышедшей книге о финно-угорской мифологии можно прочитать о более древних вариантах медвежьей свадьбы: в погребении одного из ярославских курганов археологи обнаружили остатки настоящей медвежьей лапы, на палец которой был надет серебряный перстень с сердоликовой вставкой. В могиле были погребены две женщины, рядом с одной из них – девочкой 11–13 лет – и обнаружена уникальная находка. Исследователи предположили, что это – древнейшее свидетельство широко распространённого мифологического сюжета о женитьбе медведя на девушке из человеческого рода. Девочка не случайно была обручена с медведем после смерти: умершие в раннем возрасте и не избывшие свой жизненный срок люди, становились после смерти наиболее опасными из злых духов. Поэтому чтобы не допустить возвращение умершей в мир живых, девочке подобрали лесного «жениха» (Петрухин 2003. С. 56–57). Воспоминания о медвежьей свадьбе можно найти в знакомых с детства народных сказках о девочке и медведях, впрочем, ещё в 1925 году газеты писали о реальном рецидиве мифологической свадьбы: «В д. Воронье Поле Олонецкой губернии крестьяне, доведённые до отчаянья нападениями медведей на скот, по совету стариков решили «девкой отделаться», т.е. отдать медведю девушку в жёны, причём, как выразились старики, «надо, как встарь деда делали... самую раскрасавицу». Бросили жребий, который пал на некую Настю. Одели её по невестиному, с венком на голове и поволокли в лес. Проводили её такими характерными словами: «Не осуди, Настюшка, ублажай медведишек. Заступись за нас, кормилица, не дай лютой смертью изойти!» Потом повели в лес, у медвежьего лога к дереву привязали... и покинули её среди мрачного леса. Девушке удалось вырваться и убежать в соседнюю деревню» (Штернберг 1936. С. 166). Таковы основные реминисценции мифа о космической охоте-свадьбе.

Тема охоты на лося-оленя известна практически всем народам Евразии, однако, её религиозно-мифологический контекст в виде мифа о космической охоте в наилучшей форме сохранился в арктической зоне Сибири. На территории Коми края наиболее ранние следы культового почитания оленя были обнаружены при раскопках Медвежьей пещеры на Печоре (17 тыс. до н.э.), в фаунистическом материале которой преобладали кости северного оленя, среди которых было мно-

¹ Пам, пан – вождь, старейшина, жрец у древних коми.

го рогов. Археолог П. Ю. Павлов объясняет это возможностью использования их при проведении ритуальных церемоний (Савельева 2004. С. 18). Следы религиозного почитания лося можно наблюдать вплоть до раннего средневековья, когда они находят воплощение в культовом литье пермского звериного стиля, однако этот образ к 8–9 веку н.э. исчезает из культового литья, полностью вытеснённый коньковыми фигурами. Что характерно, этот процесс как бы происходил одновременно во всей ойкумене древнего мира: чего стоит только одна находка в знаменитом Пазырыкском кургане, где на коней, вёзших погребальную колесницу, были надеты золотые маски оленей с рогами (Рыбаков 1951. С. 7). Но перемены, между тем, коснулись всех областей, и вот, характерное отождествление лося и коня можно обнаружить в финском эпосе «Калевала», а кони с рогами оленей скачут по изобразительному полю мезенских прялок. Сам миф исчезает из религиозного обихода и, в дальнейшем, в фольклоре сохраняются только его трансформированные версии.

Библиография

1. Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. – М.–Л., 1959.
2. Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. – М.: «Наука», 1982. – С. 189.
3. Головнев А. В. Говорящие культуры. – Екатеринбург, 1995. – С. 534.
4. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. – С. 12–24.
5. Игнатов М. Д. Собственное имя «Золотой Бабы» и этимология гидронима «Обь» // Арт. Сыктывкар. № 3. – С. 101.
6. Конаков Н. Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1996. – С. 60.
7. Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества. (Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 243). Сыктывкар, 1990.
8. Конаков Н. Д. Зарни Ань // Энциклопедия уральских мифологий: Мифология коми. – М.–Сыктывкар, 1999. Т. 1. – С. 159.
9. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М., 1999. – С. 157.
10. Окладников А. П. Олень Золотые рога. М.–Л. 1964.
11. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: «Транзиткнига», 2003. С. 191.
12. Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. – М.–Л., 1951. Т. 2.
13. Рыбаков Б. А. Космогоническая символика «чудских» шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. – Л.: «Наука», 1979. С. 10.
14. Савельева Э. А. Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. – С. 18.
15. Сидоров А. С. Идеология древнего населения Коми Края. // Этнография и фольклор коми (Труды ИЯЛИ КФАН. Т. 13). – Сыктывкар, 1972. – С.12–13.
16. Старцев Г. А. Революция и зыряне // Революция в деревне. – М.–Л., 1924. – С. 118.
17. Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965. – С. 101–130.
18. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Материалы по этнографии. – Л., 1936. – Т. IV.

19. Элиаде М. Трактат по истории религий. – СПб.: «Алетейя», 1999. – С.136.
20. ФА СГУ РФ 12-ХІ. Зап. студентов СГУ в 1999 г. от Г. М. Пашнина 1949 г.р. в д. Нижняя Вочь Усть-Куломского р-на РК.
21. ФФ ИЯЛИ ВФ 1506-43. Зап. П. Ф. Лимерова, А. В. Панюкова, Г. С. Савельевой в 2000 г. от А. Е. Андреевой 1929 г.р. в д. Березники Прилузского р-на.

Сокращения

КНЦ УрО РАН – Коми научный центр уральского отделения Российской Академии наук

ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Коми филиала академии наук

ФА СГУ РФ – Фольклорный архив Сыктывкарского университета, рукописный фонд

ФФ ИЯЛИ КНЦ ВФ – Фонд фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра, видеофонд.

Арт-факт

Людмила Быстрова

Быстрова Людмила Михайловна родилась в 1963 году в Воркуте. С 1983 года живёт в Сыктывкаре.

В 1989 году окончила исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Работала учителем истории в школе № 18.

С 1993 года работает в Национальной галерее Республики Коми, с 1999 года – в должности заведующей отделом научно-просветительской работы.

Основное направление деятельности – музейная педагогика.

«Мечты о прекрасном» Вадима Кононова

Персональная выставка Вадима Петровича Кононова, развернувшаяся в залах Национальной галереи, представляет творчество одного из ведущих живописцев Республики Коми. На выставке, приуроченной к 70-летию юбилею художника, зрителя ожидает радость встречи как уже давно с известными и любимыми полотнами, так и с новыми работами, созданными художником за последние годы.

В. П. Кононов с 1968 года живёт в Сыктывкаре, работает в технике масляной и акварельной живописи. Художник имеет богатый, более чем сорокалетний выставочный опыт: он активный участник республиканских, региональных, всероссийских выставок.

В 1978, 1990, 1992, 1994, 1999 годах в Сыктывкаре, Кирове, Риге проходили его персональные выставки, однако, в Национальной галерее это всего лишь вторая персональная выставка мастера.

После пятнадцатилетнего «перерыва», сохраняя некую интригу, он решил представить только живописные полотна. В трёх залах экспонируются более восьмидесяти произведений, созданных за последние сорок лет.

Пожалуй, самый трогательный экспонат на выставке – это картина «Зимнее окно», выполненная в 1967 г. тогда ещё студентом художественно-графического факультета Московского педагогического института.

Не каждый мастер решится в зрелом возрасте показать свою ученическую работу. Картина обращает зрителя к воспоминаниям детства, когда морозный узор на оконном стекле приводил в восхищение, вызывая желание подолгу его рассматривать и попытаться самому попробовать «вот так же нарисовать», и в какой-то момент очень интересно было узнать, а что можно увидеть там, в «окошечке», которое получается, если согреть своим дыханием подушечку пальчика, а потом прижать её посильнее к заиндевавшему стеклу. Удивительно, каким неожиданным, лирическим и хрупким предстаёт перед зрителем образ, «увиденный» молодым художником! Работа выполнена не в характерной для художника манере: ни до, ни после того он так не писал. По воспоминаниям художника, в институте педагоги называли его «наш Врубель».

Возможно, приблизительное представление о живописи В. Кононова в студенческие годы даёт натюрморт «Ожидание» (собрание Национальной галереи РК). Изображая широкими, свободными, насыщенными цветом мазками окружающий его мир – окно, за которым просматривается пейзаж, цветок на подоконнике, – художник, по сути, создаёт ощущение ожидания, может быть, прихода весны, а, может, встречи с кем-то.

На персональных выставках зрителя всегда интересует то, каким себя представляет миру художник. Работа «В зеркале интересов» – автопортрет. Мы видим образ художника-живописца, спокойно и внимательно смотрящего на нас, рядом в сосуде находятся его неизменные атрибуты – кисти. Изображение максимально приближено к нижнему краю холста и исполнено в три четверти с моделировкой. Параллельно этому, основному, чуть выше по диагонали располагается плоское одноцветное изображение – узнаваемый профиль художника. Схематично изображено зеркало, в котором отражается женская модель, как один из основных объектов внимания художника. Рядом – условное изображение Венеры – символа женственности. В этом произведении художник заявляет о значимости основных тем в его творчестве: образ художника, творческой личности и образ женщины.

Художника Кононова отличает особое отношение к женщине. Для него женщина – это совершенное творение создателя, она является источником вдохновения и стимулом к творчеству. Его «Сусанна» (1992) восхищает экспрессией цвета и формы. Художник цветом создаёт прекрасную притягательную форму женского тела. Не сразу вспоминается библейский сюжет из книги пророка Даниила о Сусанне и старцах, подглядывающих за обнажённой красавицей (их искажённые лица изображены полуразмытыми пятнами у правого края холста). Ничто не может омрачить впечатления от той, которая создана природой, чтобы дарить любовь. Образу любимой женщины художника посвящены многие произведения. Она не просто красивая женщина («Коса», 1999), она – близкий по духу человек творческой профессии («Пианистка», 1998, «С книгой», 2008), мать его сыновей («Моя семья», 2008), хозяйка дома, которая дарит счастье («Зелёный чай», 2008). Она носит прекрасное имя – Любовь.

О своей малой родине (Вадим Кононов родился в селе Видогощи Тверской

области) рассказывает художник в картине «Память о деревне» (2004), когда деревня жила своей полнокровной жизнью: в ней было много домов, многолюдно, её жители занимались своим повседневным трудом и были счастливы, а главная дорога вела к храму. А сегодня там всё по-другому, хотя теплится надежда на возрождение жизни русской деревни и её духовной составляющей («Проповедь», 2009). Памяти отца посвящена наполненная драматизма работа «Возвращение с войны в 1953 году» (2008). Он ушёл на фронт добровольцем, чтобы защищать Родину, был одним из народных ополченцев, попал в плен к фашистам, а после освобождения из него, вернувшись на родину, отбывал наказание уже в советской тюрьме. И только амнистия, объявленная в связи со смертью Сталина, помогла ему вернуться домой.

Проблема взаимоотношения личности и власти отражена в работе «Диалог» (2002), и позиция автора откровенна и понятна.

В. П. Кононову удаётся сочетать напряжённую педагогическую деятельность с активным творческим процессом. В конце 1960-х он работает преподавателем рисунка, живописи и композиции в педагогическом училище № 1 им. И. А. Куратова, в 1970-х – в Детской художественной школе, в 1990-х – в Училище искусств. С 2001 года и по нынешний день он преподаёт живопись и композицию на факультете искусств Сыктывкарского государственного университета. Сегодня во многих городах и сёлах республики в учебных заведениях и учреждениях культуры работают его ученики. К ним, своим ученикам, обращается учитель в работе «Мастерская живописи» (2010). Творческая энергия увлечённо штудирующих натуру воспитанников Вадима Петровича преобразила пространство учебного класса.

Природа является ещё одним источником вдохновения и ведущей темой в творчестве художника. Он убеждён, что в естественной природе наиболее органично раскрываются божественные проявления. Задача художника найти их, почувствовать и воспеть. Залог успеха по убеждению В. П. Кононова – это «состояние восторга, которое просто необходимо испытывать каждый раз, когда берёшь в руки кисть». И только в этом случае работа будет всегда в радость, и это чувство будет передаваться зрителю.

По-разному в своих работах раскрывает В. П. Кононов распространённую в живописи тему осеннего мотива: «Осень. Взгляд вверх», «Осень. Взгляд вниз» (2007), «Осенний лес» (2007) и «Осень на дачах» (2008). Здесь, как и во многих других работах, художник, прежде всего, исследователь, который не перестаёт удивлять зрителя необычными композиционными находками, а цвет выступает как основной носитель эмоционального и образного содержания.

Зритель, хорошо знающий творчество художника, познакомившись с экспозицией этой персональной выставки задаёт вопрос: «А где же акварели Кононова?»

Без сомнения, через некоторое время нас ожидает ещё одна, не менее интересная встреча с творчеством В. П. Кононова.

Михаил Матвеев

Академический театр в настоящем и будущем

30 августа 1936 года открылся стационарный профессиональный коми драматический театр спектаклем на родном языке по пьесе М. Горького «Егор Булычев и другие» в переводе И. Изъюрова и в постановке Н. Комаровской, основного мастера национальной студии при Ленинградском техникуме сценических искусств. Это знаменательное событие было приурочено к празднованию 15-летия Коми автономии и произошло в здании, построенном в 1932 году по проекту архитектора Щербакова, в котором до открытия театра размещался Дом культуры.

В августе 2009 года ко Дню государственности Республики Коми театр получил долгожданный подарок – новое просторное, великолепно оснащённое здание, выстроенное на месте пришедшего в негодность старого. Таким образом, наметилась новая веха развития драматического искусства Республики Коми.

Сегодня мы беседуем с директором нового театра М. Н. Матвеевым. Как директор – и он для театра «новенький» – его стажу ещё и года нет, но руководитель опытный – 25 лет отдал телевидению (прошёл путь от диктора до заместителя председателя федерального канала и генерального директора республиканского телеканала), 4 года работал в Министерстве культуры.

– Михаил Николаевич, Вы приняли театр в непростой период: отрасль как раз начала ощущать «подземные толчки» экономического кризиса. Как в связи с этим фактором складываются Ваши взаимоотношения с коллективом?

– Мы постепенно «притираемся» друг к другу. Период адаптации не бывает простым. Но из своего прежнего опыта я усвоил: политика руководства должна быть прозрачной, открытой, без всяких «подковёрных» отношений. Считаю, что директор такого сложнейшего творческого коллектива, как театр, не может вести себя по типу «большого начальника», и я стараюсь поддерживать со всеми опти-

мально конструктивные отношения, говорить о перспективах и внушать уверенность в том, что, несмотря на очевидные трудности, – завтрашний день будет лучше сегодняшнего.

– *А бывает так, что Вы не знаете, как поступить?*

– Если ничем помочь не можешь, – считаю – лучше не мешать, а довериться специалистам.

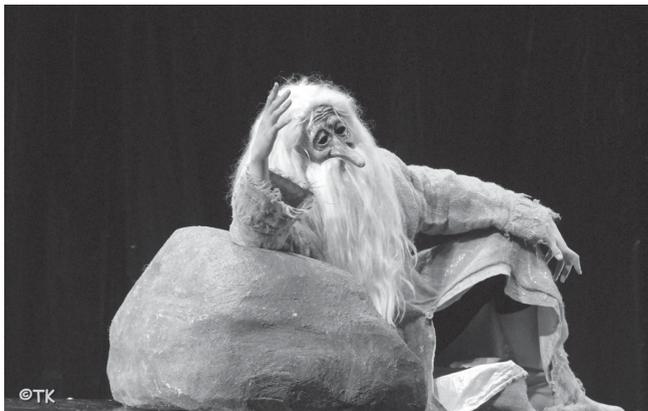
– *И всё-таки, наверняка есть недовольные какими-либо Вашими действиями...*

– Есть. Но это естественно. А моя задача в качестве директора – разъяснять, выяснять, и тогда я либо работников убеждаю в том, что они неправы, либо я принимаю их точку зрения и что-то меняю в своём решении. Мне кажется, когда людям не хватает настоящей работы, они особым образом устают, и именно такая усталость выливается в форму недовольства. Творческим людям некогда быть недовольными! Поэтому сейчас руководство стремится всех нагрузить, включить в работу над спектаклями.

Но так же естественно, что привычные к бюджетному и только – финансированию – с трудом воспринимают новые методы по привлечению дополнительных средств. К сожалению, бюджетных ассигнований не хватает даже для основной постановочной работы. А есть ещё множество «мелочей», без которых невозможно обеспечить бесперебойный производственный процесс. Это и работа цехов, и обслуживание здания, и многое другое. Только для костюмов из разных спектаклей элементарно нужно оборудовать несколько помещений, приобрести сотни вешалок и стоек. Так что в настоящее время без собственных средств не обойтись, без них – просто не выжить. Пришлось открыть новый Отдел маркетинга. Теперь мы аккумулируем средства, полученные от оказания услуг, проведения различных мероприятий, от проката костюмов, от фотосессий памятных событий горожан в помещении театра (благо, театр выглядит сейчас по-европейски солидно), от проведения экскурсий по сцене и закулисию в рамках ставшей уже популярной акции по привлечению молодого зрителя «Я хожу в театр». Ещё одна акция – предложение театрам, решившим спонсировать театр через покупку более дорогих, чем обычно, билетов: им вручается специально составленное приглашение с благодарностью. Словом, новый отдел под руководством В. Л. Казаковцева работает активно и творчески. Вообще, я считаю, что в перспективе мы придём к оптимальному сочетанию творческих и коммерческих задач.

– *Каких постановочных процессов Вы стали свидетелем?*

– Евгений Малафеев выпустил спектакль по пьесе норвежского классика Г. Ибсена «Привидения», Кировский режиссёр И. Жетинев поставил к юбилею Победы спектакль по пьесе В. Гуркина «Саня, Ваня, с ними Римас», Евгений Софронов восстановил полюбившуюся столичным жителям постановку О. Нагорничных 15-летней давности «Панночка» по гоголевскому произведению. Самыми яркими театральными премьерями театра стали работы выпускников коми студии Санкт-Петербургской академии театрального искусства под руководством Андрея Дмитриевича Андреева – фантастически талантливая интерпретация «Ка-

Спектакль «Калевала». Фото из архива театра.

левалы» и две редакции спектакля по пьесе Вампилова «Прошлым летом в Чулимске». Совсем недавно уроженец Сыктывкара (сейчас почти москвич) Юрий Попов поставил у нас три водевиля А. Чехова, сложенные в один спектакль «Юбилей» и прочее, и прочее, и прочее...», сейчас идёт работа над пьесой местного, известного в России драматурга Любви Терентьевой «Птичка».

– Кто ставит спектакль?

– Весной прошлого сезона работу над пьесой начал российский режиссёр А. А. Федоров, но из-за творческих разногласий с труппой наши пути разошлись, и теперь работу продолжает и.о. главного режиссёра Е. Софронов.

– Расскажите, Михаил Николаевич, как складываются судьбы тех молодых артистов, которые нынче закончили коми студию?

– Из двенадцати выпускников в Сыктывкаре пожелали остаться шестеро. Думаю, это не самый худший вариант, потому что молодые люди сейчас предпочитают связывать будущее с большими городами, и этому процессу помешать невозможно. Но со своей стороны я буду всячески способствовать тому, чтобы наследники наших первых выпускников из Санкт-Петербурга, тогдашнего Ленинграда (а это народный артист Советского Союза Иван Аврамов, лауреат Сталинской премии драматург Николай Дьяконов, заслуженные артисты РСФСР Степан Ермолин и Анна Русина и т.д.), нашли достойное применение своему творческому потенциалу. Постепенно их занимают в текущем репертуаре. Все они играют в спектакле «Юбилей» и прочее, и прочее, и прочее...», – причём, запоминаются

Спектакль «Ай да репка». Фото из архива театра.

Спектакль «Прошлым летом в Чулимске». Фото из архива театра.

Спектакль «Юбилей» и прочее, и прочее, и прочее...». Фото из архива театра.

озабоченного поиском партнёрши, так же, как и жених – Костя Карманов – с упорством молодого бычка добивается положенного приданого и в счастливом неведении невеста (Надя Кожевина) не замечает, что отодвинута на второй план...

– Вы так легко и убеждённо говорите, будто видите наперёд, как сложится не только жизнь молодой актёрской поросли, но и будущее всего коллектива театра.

– Если в творческий процесс (а управление театром – это творчество) не вмешивать внешние обстоятельства – убеждён: всё решаемо. И перспективы, которые мы намечаем, – непременно будут реализованы.

Спектакль «Юбилей» и прочее, и прочее, и прочее...». Фото из архива театра.

зрителями даже в самых маленьких ролях. Это, к примеру, исполнитель роли старика-бухгалтера Владимир Рочев, который остро чувствует жанр, сочетая в образе сплав трагического и комического. Или артистка Людмила Мелехина, которая в абсолютно бессловесной роли секретарши демонстрирует безукоризненный деловой стиль и предельную невозмутимость во всех случаях жизни. Маша Коровина старается в роли провинциальной барышни своё несомненное лирическое дарование повернуть комической гранью. Сочно, с удовольствием играет артист Вадим Козлов роль телеграфиста Ятя,

Обзоры. Рецензии. Новости

* * *

28 ноября в Представительстве Республики Коми состоялась презентация художественного проекта «Удорский альбом». Инициатором проекта стал литературно-художественный журнал «Арт» (Лад), г. Сыктывкар.

В рамках проекта была организована выставка картин и выпущен одноимённый альбом с работами участников выставки. Среди них три академика живописи Владимир Стожаров, Ефрем Зверьков, Евгений Ромашко, а также заслуженные художники России Андрей Захаров и Николай Давыдов, и молодая художница, выпускница Ярославского художественного училища Анна Гордеева.

«Удорский альбом» – это своеобразная галерея живописных работ, созданных художниками разных поколений на протяжении последних десятилетий XX и начала XXI веков на территории одного Удорского региона нашей республики. Вслед за Стожаровым и Зверьковым с 1964 года сюда приезжают всё новые и новые их последователи, летописцы Севера, культуры северян, их быта, памятников деревянного зодчества...

Сегодня их работы в Третьяковской картинной галерее, Русском музее, едва ли не в каждом музее нашей огромной страны и за рубежом: в Англии, Болгарии, США, Италии, Франции, Швеции, Японии, Китая и т.д.

«Многие произведения, созданные Е. Зверьковым и В. Стожаровым на Удоре стали классическими и вошли в сокровищницу отечественной и мировой культуры.

Художественное обаяние их картин, их национальное своеобразие позволяют говорить о творчестве художников, как о важном явлении в истории изобразительного искусства» (Ширшова Л. В.).

Художественный проект «Удорский альбом», организованный при поддержке Правительства Республики Коми, отмечен Российской Академией художеств благодарственными дипломами в адрес всех участников проекта.

«Удорский альбом» – это одно из первых мероприятий, проведённых в рамках празднования 90-летия юбилея Республики Коми.

* * *

Совет Программы родственных народов Эстонии совместно с Ассоциацией финно-угорских литератур присудил Литературные премии Программы родственных народов за 2010 год в шести категориях. Размер премии в каждой категории – 20 000 эстонских крон. В 2010-ом году на Литературную премию Программы родственных народов претендовали коми, удмуртские, эрзянские, мокшанские, марийские, горномарийские, карельские и саамские писатели – всего 25 финно-угорских писателей.

Премия в категории художественных прозаических произведений жюри присудило карельскому писателю Николаю Зайцеву за сборник новелл «Omat ikkunat» (*Родные окна*).

Премия в категории художественных поэтических произведений присуждена удмуртской поэтессе **Люзе Бадретдиновой** за сборник стихов «Сюлэм пужыос» (Сердечные узоры).

Премии в категории переводной литературы удостоена марийская писательница **Альбертина Иванова** за перевод сборника стихов Х. Руннеля «Тоня теле / Rahutalved» (*Зимы мира*).

Премия в категории детской литературы присуждена удмуртскому писателю **Ульфату Бадретдинову** за сборник рассказов и пьес «*Чӱшъял вордӱське веньӱс-тӱк*» (*Ёжик рождается без иголок*).

В категории литературоведения премии Программы родственных народов удостоен эрзянский писатель **Василий Дёмин** за произведение «Сюконян тенк...» (*Кланяюсь вам...*).

Премия в категории драматических произведений присуждена марийскому писателю **Юрию Соловьёву** за пьесу «*Йыван Кырла*».

* * *

Вышла посмертная книга **Геннадия Анатольевича Юшкова** «*Чукӱсты, Коми му, чукӱсты*» (**Позови, Коми земля, позови**). В предисловии редактор издания Елена Козлова пишет: «Эту книгу собрал Геннадий Анатольевич при жизни сам. Сам занёс в Союз писателей, чтобы мы издали...» Увы, не успел увидеть, не успел поддержать в руках очередной том своих сочинений – статей, рассказов, пьес, стихотворений...

Оставил нам в наследство ещё одно творение рук своих, своего неуёмного сердца, преданного родному краю, родным людям, родному коми языку.

«И нэм кежлӱ босьтӱ
Кыдз шондӱльсь дзирдсӱ,
Ме комилсь кывсӱ
И комилсь вирсӱ».

Заключает сборник диалог двух классиков коми литературы Геннадия Юшкова и Владимира Тимина. На вопрос, что тебя огорчает в современной жизни, Геннадий Анатольевич отвечает: «Когда-то я написал такие строки: «Сӱмын гӱра-кӱдза помсьыд коми му вылад он пӱт. Ӗдӱӱ усян аслад донсьыд, он кӱ мукӱд уджсӱ тӱд». Трудно на нашей северной земле прокормиться земледельцу. А других возможностей нынче и вовсе не стало что-то где-то заработать. И реки опустели и леса вырублены. И молодёжь покидает сёла... Это печально».

И всё же напоследок читает: «Корсям долыд, вӱтлам нор асланымлӱн съыланӱн. Юралӱ мед коми гор ылӱ-ылӱ кылана». Но пусть в наших песнях не угасает радость, пусть она продолжает жить и вселять надежду...

И в этом весь Юшков – сомневающийся и искренне веривший в лучший завтрашний день...

В Сыктывкаре завершил работу XV Международный фестиваль телевизионных программ и телевизионных фильмов «Финно-угорский мир». Победителем форума стал фильм Ивана Головнева из Екатеринбурга «Старик Пётр». На фестиваль «Финно-угорский» мир было представлено 90 фильмов и программ из 35 телерадиокомпаний, общественных фондов, видеостудий России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции. Пятнадцать работ демонстрировались вне конкурса. Они были предоставлены Евразийской Академией телевидения и радиовещания.

В составе компетентного жюри – Галина Бутырева, гл. редактор журнала «Арт», заслуженный работник Республики Коми, член Союза журналистов России, член Союза писателей России; Лев Вахитов, режиссёр, заслуженный работник культуры Удмуртской Республики; Туула Вяйсянен, губернский художник из Лапландии; Анатолий Балувев, лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства, снявший на своей родине в Коми-Пермяцком округе семь документальных фильмов.

– Я не думал, что мы будем так ожесточённо спорить по поводу призов, – отметил на закрытии председатель жюри, заместитель генерального директора ВГТРК Пётр Земцов. – Мы задерживались до ночи, обсуждая работы. Но обошлось без жертв. Уровень программ и фильмов высокий. У нас есть договорённость с цифровым телеканалом «Страна». Он покажет у себя в эфире фильмы победителей.

Открыла церемонию награждения номинация «Дебют». В ней победила программа ГТРК «Карелия» «Мы больше не можем оборонять наши позиции». Лучшим фильмом, посвящённым 65-летию Великой Победы, был признан фильм «Ошибочно жив» ГТРК «Мордовия». Приз за лучшую детскую программу достался Центру образования саамского региона Инари (Финляндия) за программу «Унна Юнна» на саамском языке.

ГТРК «Удмуртия» получила приз за фильм «Гордость народа» в номинации «Фильм-портрет». Лучшим оператором стал Александр Пархачёв из ГТРК «Коми гор» за фильм «Охотник и рыбачка». Приз в номинации «Лучший фильм о национальной культуре» получил журналист Коми республиканского телевизионного канала «Юрган» Александр Пивкин за фильм «Коми Лапландия».

В номинации «Лучшая режиссёрская работа» победителем стала Вера Федорова из ГТРК «Регион-Тюмень» за фильм «Великий Ямал». В номинации «Лучшая философская работа о счастье в культуре народа» победу одержал коллектив ГТРК «Карелия» за фильм «Лесонены и Венехъярви».

Приз за лучшую публицистическую программу получил коллектив ГТРК «Югория» за фильм «Охранная грамота на землю».

Участники XV Международного фестиваля телевизионных программ и телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» в Центре «Зарань» (с. Вильгорт).

Слева направо: Глава Республики Коми В.М. Гайзер и победитель фестиваля И. Головнев (Екатеринбург).

Главный приз фестиваля получил фильм «Старик Пётр» Ивана Головнева из Екатеринбурга. Фильм погружает зрителя в мир Петра Сенгепова, последнего шамана казымских ханты, который живёт один в глубине сибирской тайги... Вручив награду победителю, Глава Коми Вячеслав Гайзер отметил: «Приятно, что юбилейный фестиваль мы принимаем в нашем регионе и особенно важно, что он проводится в рамках мероприятий, посвящённых 90-летию Республики Коми. Я уверен, что эти несколько дней, которые вы провели в Сыктывкаре, принесли всем участникам много положительных эмоций и идей для творчества».

XV-й Международный фестиваль телевизионных программ и телевизионных фильмов «Финно-угорский мир» проходил в Сыктывкаре 20–22 октября. Девиз фестиваля – «Мой народ и время». Учредители телефестиваля: Всероссийская Государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) при участии Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям и Правительство Республики Коми. В числе организаторов XV Международного фестиваля телевизионных программ и фильмов «Финно-угорский мир» – Государственный Совет Республики Коми, Министерство национальной политики Республики Коми, Министерство культуры Республики Коми, филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям, Консультативный комитет финно-угорских народов, Комитет по культуре и искусству Лапландии, МОД «Коми войтыр», ГУ РК «Финно-угорский культурный центр Республики Коми».

Из истории телефестивалей. За годы своего существования фестиваль прошёл через многие страны и регионы финно-угорского мира. Впервые этот фестиваль заявил о себе в 1991 году по инициативе телерадиокомпании «Марий Эл» и Фонда развития культур финно-угорских народов. В фестивале участвовали десять телерадиокомпаний России, а также представители Финляндии, Венгрии и Эстонии. Через год дружественную эстафету приняла ГТРК «Коми гор», второй международный телефестиваль прошёл под девизом «Национальное возрождение и культурное единство». Это послужило началом плодотворного сотрудничества телерадиокомпаний. Вслед за первым и вторым международными телефестивалями в Йошкар-Оле и Сыктывкаре телефестивали «Финно-угорский мир» прошли в Ижевске и Саранске, в Ханты-Мансийске и Тампере, в Лауласмаа и Будапеште, Петрозаводске и снова в Йошкар-Оле. Фестивальное движение продолжалось творческими семинарами на эстонской земле и в Финляндии на базе государственной телерадиокомпании Юлейсрадио, творческими встречами в российских региональных телерадиокомпаниях. А совместно выпускаемый межрегиональ-

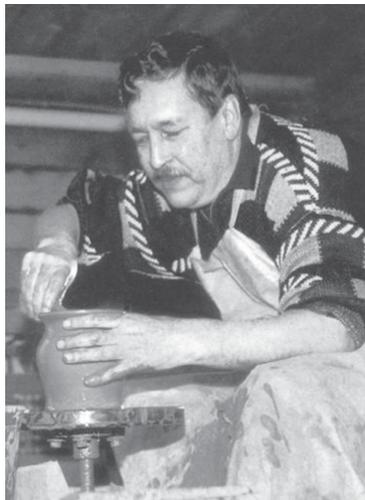
ный тележурнал «Финно-угорский мир» стал одной из любимейших программ для зрителей семи регионов России. И нынче с 20 по 22 октября 2010 г. в рамках Дней родственных народов и в преддверии 90-летия государственности Республики Коми XV-й Международный телефестиваль «Финно-угорский мир» в третий раз принимал Сыктывкар.

Художественное отображение исторического пути по сохранению и развитию этнокультурной самобытности родственных народов, показ положительных тенденций и решения проблем – одни из главных задач сотрудничества журналистов, режиссёров и телеоператоров остаются актуальными сегодня, как и тема XV-го телефестиваля «Финно-угорский мир» – МОЙ народ и время.

Ольга Савенко – автор проекта «XV-й Международный фестиваль телевизионных программ и телевизионных фильмов «Финно-угорский мир».

* * *

25 октября в Сыктывкаре в фойе Академического театра драмы им. В. Савина состоялось открытие выставки декоративно-прикладного искусства мастеров Коми-Пермяцкого округа Пермского края «Сьёлъмсянь тэныд, Парма» (От всего сердца тебе, Парма), приуроченной к Дням родственных финно-угорских народов. Организаторы выставки: филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Коми-Пермяцкий национальный ордена «Знак Почёта» драматический театр им. М. Горького при поддержке Государственного ордена Дружбы народов Академического театра драмы им. В. Савина.

Открытие выставки «Сьёлъмсянь тэныд, Парма» прошло в рамках гастролей Коми-Пермяцкого национального драматического театра им. М. Горького в Республике Коми. На открытии присутствовали Глава Коми-Пермяцкого округа – министр Пермского края Игорь Быкариз, министр культуры Республики Коми Владимир Юрковский, представители федерального Финно-угорского культурного центра, директор Коми-Пермяцкого национа-

льного драматического театра им. М. Горького Анатолий Четин, директор Академического театра драмы им. В. Савина Михаил Матвеев.

Известно, что Пермский край широко известен своими традициями народных художественных промыслов. В современной жизни коми-пермяки особо чтут традиции народного искусства: сохраняются и развиваются крестьянские ремёсла – ткачество и вышивка, узорное вязание, резьба по дереву, керамика, художественная обработка бересты.

Выставка «Сьёләмсянь тэныд, Парма» представила изделия известных коми-пермяцких мастеров Ивана Канюкова и Валентины Петуховой.

Излюбленный материал Валентины Петуховой – береста, лёгкая, красивая, эластичная, водонепроницаемая. Всевозможные изделия у мастера получаются невероятно красивыми, почти ажурными, но очень прочными. Помимо берестоплетения, мастер занимается и резьбой по дереву. Валентина Егоровна ко всему ещё и прекрасная швея, она создаёт уникальные коллекции костюмов в этностиле.

Иван Канюков – мастер по керамике, художник. Ивана Ивановича можно с уверенностью назвать создателем национальной коми-пермяцкой игрушки. Его расписные куклы из серии работ из ке-

рамики «Финно-угорские народы» живут в музеях и частных коллекциях Америки и Новой Зеландии, Германии и Венгрии, Финляндии и России. Эксперты говорят, что работы Канюкова – достойные коми-пермяцкого народа. Они – гармоничное сочетание современности, древних традиций коми-пермяков и узнаваемой пластики пермского звериного стиля. Это новое направление народного творчества, способное стать одним из ярких брендов Пермского края.

Оба мастера известны далеко за пределами Коми-Пермяцкого округа Пермского края: они участники множества выставок, ярмарок, фестивалей и имеют большое количество наград. По рекомендации краевого художественно-экспертного совета по народным художественным промыслам, действующего при Министерстве культуры, Правительством Пермского края в 2009 году им присвоено почётное звание «Народный мастер Пермского края». К тайнам своего творчества оба мастера активно приобщают детей, тем самым сохраняя и развивая традиционную народную культуру коми-пермяков.

Музыкальным подарком гостям презентации стали выступления ансамбля народной песни «Зильган турун» и ансамбля народной музыки «Зарни ань».

Рукотворные изделия Валентины Петуховой и Ивана Канюкова несомненно вызовут живой интерес у посетителей экспозиции, ведь они сделаны из материалов, подаренных самой природой, и согреты руками истинных знатоков своего дела!

* * *

В Сыктывкаре вышел в свет **фотоальбом «Ижма одна на планете... Изъвалы сьылбт»**. Данное издание является итогом работы II семинара финно-угорских фотожурналистов, который прошёл 2–6 июля 2008 года в Ижемском районе Республики Коми в рамках проведения республиканского праздника «Луд». Презентация состоялась 11 ноября в Финно-угорском культурном центре России.

На страницах альбома представлено более ста фотографий 19 фотожурналистов из Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Эстонии. Фотомастера передали в снимках свои

ощущения, чувства и эмоции от пребывания в Ижме и сёлах района. Каждый из авторов оригинален, со своим творческим темпераментом и «изюминкой». Но объединённые в одном альбоме, эти фотоработы представляют собой некую целостность, отражающую колорит и красоту бережно сохраняемого коми-ижемцами своего уклада и образа жизни, а также природы и людей земли Ижемской. В обращении к читателям Глава Коми Вячеслав Гайзер отмечает, что «ценность этого издания в том, что его читатель имеет возможность через призму творческого многообразия авторов фоторабот составить своё представление о людях и природе Коми края». Генеральный директор ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» Азат Хабибуллин также отмечает, что «созданные в ходе семинара снимки ярко и убедительно говорят о красоте людей и природы Ижемского края, самобытности культуры и традиций обитателей этих мест». Он назвал семинар фотожурналистов «уникальным творческим проектом». Глава муниципального района – руководитель администрации района «Ижемский» Пётр Дитятев уверен, что «выход в свет фотоальбома – замечательный вклад в пропаганду духовного наследия, в сохранение и преемственность народных традиций и обрядов коми-ижемцев».

В альбоме три раздела: «Природа», «Люди», «Луд». Вступительная статья, рассказывающая о работе семинара, а также обращения к читателю даны на русском, коми и английском языках. В названии – поэтические слова Владимира Попова, уроженца Ижемского района, воспевавшего в своём творчестве родную землю.

Руководитель проекта – директор АУ РК «Редакция газеты «Коми му» Александр Ульянов, редактор – член Союза журналистов России Валентин Тимофеев, автор дизайна и составитель – председатель Совета редакторов АУ РК «Редакция газеты «Коми му» Григорий Хатанзейский.

Книга выпущена тиражом 1000 экземпляров издательством «Кола» при финансовой поддержке ООО «ЛУКОЙЛ-Коми» и при организационной поддержке Министерства национальной политики Республики Коми, филиала ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации», Администрации муниципального образования МР «Ижемский», Российской ассоциации финно-угорских журналистов, Союза журналистов Республики Коми, АУ РК «Редакция газеты «Коми му».

Надо сказать, что по итогам семинара была собрана передвижная фотовыставка «Ижма в объективе финно-угров», которая рассказывает о ярких и интересных моментах традиционного ижемского праздника «Луд»: конные скачки, «Ижемские ворота», «Хоровод невест», состязания по традиционным видам спорта, традиция встречи солнца. Кроме того, на выставке представлены кадры, сделанные на реке Печора. Среди фотографий много портретов, передающих своеобразную и скромную красоту ижемцев. Фотоальбом «Ижма одна на планете...» стал главным творческим итогом II семинара финно-угорских фотожурналистов.

Информационный центр «Финноугория», Ольга Худяева

Книга «Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века» является собранием сочинений, написанных в XIX веке местными литераторами, в том числе природными зырянами, и представителями русской интеллигенции о Коми крае и коми-зырянах, о Русском Севере. Эти тексты публиковались на страницах губернской и центральной периодики, «Вестнике Императорского Географического общества», «Известиях Археологического общества», а также отдельными изданиями. Произведения отличаются жанровым и тематическим разнообразием: этнографические и географические очерки, письма с мест, религиозно-просветительские тексты, травелоги, беллетризованные статьи, рассказы об охоте, публикации текстов народного творчества и первые примеры художественного творчества местных литераторов. В совокупности, они составляют базовый корпус текстов, в котором впервые создаётся образ коми народа и Коми земли.

Книга открывает новые перспективы в осмыслении процесса становления коми литературы и рассчитана на литературоведов, этнографов, фольклористов, историков и всех интересующихся культурой коми народа.

Издание подготовлено в рамках интеграционного проекта учреждений Уральского отделения РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII–XIX вв.». Книга издана по целевой республиканской программе «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми» (2010–2012 годы). Составителем книги является В. А. Лимерова, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Нам пишут читатели

Здравствуйте, уважаемая Редакция журнала «Арт»!

Мне хотелось бы начать своё письмо со слов благодарности. В наше время осталось не так много хороших изданий. Многие замечательные журналы исчезли совсем или стали почти неизвестны читателю. Однако Вы представляете приятное исключение. Ваше издание для меня – это подлинное напоминание о дружбе народов, интернациональной литературе, которой в наши дни осталось очень мало. Сам я, как житель Самары, с Вашим журналом познакомился случайно. Но, один раз взяв в руки его выпуск, с удовольствием читаю новые номера. Огромное Вам спасибо за Вашу работу и за те сочинения, с которыми меня познакомили страницы Вашего издания.

Я прислал Вам свой очерк, который, может быть, Вас заинтересует. Писатель Ф. Анненский утверждал, что литература говорит, в основном, о трёх вещах: смерти, страдании и красоте. Но в наши дни всё чаще в публицистике встречается образ равнодушия или безразличия, как особого духовного мира или формы существования персонажей. С чем это связано? И почему произошёл переход от страсти к бесстрастию в художественном мире? На эти вопросы я в меру собственных сил постарался ответить.

С уважением, Сергей Фоменко

Равнодушие и безразличие в литературе и жизни

Польский писатель Бруно Ясенский бросил проклятье в сторону равнодушия, считая его едва ли не самым опасным состоянием человеческой души. Он был одним из многих мыслителей, которые видели в этом явлении некую духовную неполноценность, возможно, новый смертный грех. Все они сходились на том, что безразличие в своей сути попустительствует злу, но может быть страшнее зла. Безразличный человек перестаёт делать основной в жизни этический выбор: между светлой и тёмной стороной.

Мода на патологическую оценку вещей нередко заставляет искать обоснование для равнодушия в психологических или даже медицинских определениях. Немецкий философ и психолог Эрих Фромм описывает множество удивительных примеров того, как инфантильное безразличие принимает черты подлинной психической болезни. Он приводит пример из биографий людей, наносивших себе увечья, решавшихся на несуразные поступки, а иногда – и на преступления, чтобы «что-то почувствовать», развеять скуку. Другие врачи и медики также разбирали симптоматику и причины равнодушия и безразличия, придумывали им свои определения.

Такие рассуждения подчинены простой логике. Если существует состояние болезненной физиологической расслабленности, постоянной усталости (например, при болезни Адиссона), то должна существовать и какая-то чрезмерная расслабленность сознания, паралич души (назовём её «болезнью обломовщины»).

Филологам памятна оценка, данная герою И. Гончарова в статье Добролюбова «Что такое обломовщина?». Возможно, памятна и причина её происхождения, которую называет критик. Обычный человек хочет только то, что может сделать. Но зато он сразу и делает то, что хочет. Обломов же не мог знать, на что он способен. И от этого недуга, заключает автор, мучились и другие персонажи русской литературы. Не имея цели в жизни, они не находили в ней смысла.

Минуло почти полтора столетия, как не стало бедного Ильи Ильича, а в новом искусстве родились новые герои, очень похожие на него. И вроде нет никакой связи между русской классикой и западным постмодерном, и вряд ли адепты его идеи читали Гончарова, но вот... Скитается по миру горемыка Бенни Профейн, герой классики постмодерна Т. Пинчона «V.». Подвижный в ситуациях, куда его заводит автор, он оставляет впечатление той же неактивности, в которой пребывал Обломов. Только барский диван заменяет ему улица, одна бесконечная улица жизни, на которой он не может и не хочет что-то сделать, поменять, а только движется туда и обратно, за что Пинчон сравнивает его с игрушкой йо-йо.

То полусонно проводит дни в своей квартире, то идёт навстречу смертельному потоку машин ослепительно красивый Гэвин в финале рассказа К. Баркера. Влюблённый лишь в своё прекрасное лицо, но лишённый чувств, он безвозмездно дарит свою жизнь загадочному двойнику, с которым его свела судьба.

Можно привести и другие примеры. Само завершение XX столетия стало временем мертвающего безразличия. Инфантильность стала той эманацией, кото-

рой так часто пронизаны люди. Не стремящиеся в своей жизни к чему бы то ни было, они ведут паразитическое существование и страдают от болезненной скуки.

Из жизни эти образы перешли на киноэкраны и страницы художественных произведений. Огонь страстей, романтическую фабулу, неукротимых и неистовых героев легче встретить в популярной литературе, в то время как в более серьёзных произведениях персонажи чаще подвержены угнетающей тоске, наподобие сплина, которой страдали художественные и подлинные современники Пушкина и Лермонтова. Причины скуки стали другими, а симптомы поведения остались прежними.

Но вина ли в этом равнодушия, как болезни эпохи? «Да», – такой ответ прозвучал бы, если поставить знак равенства между безразличием и равнодушием. Но между тем, эти два состояния, названия которых нередко используются как синонимы (даже в этом очерке), вовсе не тождественны.

Равнодушие вовсе не означает полной утраты чувственности и интересов.

Ещё раз обратимся к образу Ильи Ильича Обломова. Он – не активен, но способен к строгой оценке охватывающего его окружения. Словно на уединённый остров, охваченный накатывающими волнами – попадают в уютный мир Ильи Ильича люди, хозяева бурной жизни. Все зовут его с собой, и все слышат отказ. А причина тому вовсе не лень, а разумный скепсис, противостоящий условностям, «требованиям времени», противным человеческой личности.

Равнодушие Обломова, да и другого человека, при условии его духовной зрелости, это защита от соблазнов и ошибок. Это не отказ от этического выбора, а отказ от традиционных правил этого выбора, получив которые были изгнаны из рая первые люди. Именно равнодушие и бесстрашие требуются сегодня, когда на чувства человека всё чаще играют те, кто стремится извлечь из этого свою выгоду.

Лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц видел причину безразличия в наследственном вырождении массы. Молодёжный бунт был предтечей инфантильности и паразитического состояния. А молодые люди, выступавшие против родительской традиции, но уже не обременяющие себя тем, чтобы придумать что-либо ей на смену – это и есть апологеты безразличия. Именно безразличие ведёт к нравственной деградации человека, так как для безразличного, в отличии от равнодушного, этический выбор уже значения не имеет.

Summary

The 4th issue is opened with the Jubilees section, where you can find articles covering anniversaries of V. T. Chistarev and V. I. Lytkin. You can read Chistarev's letters to his future wife, Aleksandra Vatamanova. He wrote these letters while he served in the armed forces during the 2nd World War. U. Demyanova, a V. I. Lytkin's granddaughter, wrote an article that shows us her grandfather's career way. Here you can also find first seminar poems by V. I. Lytkin.

The literary section is opened with collected poems by young poetess D. Snegireva. Here you can enjoy the sequel of F. Konev's narrative «Men», and A. Popv's play «Myvkyd Parma».

A large section is dedicated to memory of N. D. Konakov, a scientist untimely deceased in 2010. N. D. Konakov was a head of ethnography department in the Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center. It is an Uralskiy division of Russian Academy of Sciences. Here you can find some articles by Konakov's colleagues who worked in ethnography department under his leadership.

There are two articles in the Art-fact section. L. Bystrov's article covers V. Kononov's works whose exhibit took place in the National Gallery of Komi Republic. The article was written by L. Bystrova, an art historian. An article by M. Matveev, a director of Drama Theatre, covers problems of the theatre.

At the end of the issue you can find cultural news of Komi Republic. In the attachment there is a CD with the passage from V. Napalkov's narrative «I Love You» read by the author.

Translated by Ksenya Zhmako

«Мэд илэнькэ, мэд кодзидке, мэд гажтэм тиян вайвил, но мен гортла дорін койд долнд и гажка некөн абу и оз ло. Мэд же Эн сэтлэс на волины сэтге, адзедлыны Колі мусэ, олыштын-ны-волыштын...»

В. Чистяков

Мэд илэнькэ, мэд кодзидке, мэд гажтэм тиян вайвил, но мен гортла дорін койд долнд и гажка некөн абу и оз ло. Мэд же Эн сэтлэс на волины сэтге, адзедлыны Колі мусэ, олыштын-во-лыштын...